

Виктор Фирсов

ЗА ГОРОЙ ВЕЧНОСТИ

книга историй

Издательство «Черная смородина»

01 01 2020

Немного Светлия

Телега нулевая. Ведь надо же с чего-то начать
Телега первая. Что есть такое Светлий
Телега вторая. Светлий на пути
Телега третья. Легенды Светлия
Телега четвертая. Глашатаи светлих времен
Телега пятая. Светлий на Тёмнии
Телега шестая. Немного Светлия
Телега седьмая. О Светлии и не только

Женское счастье царицы К

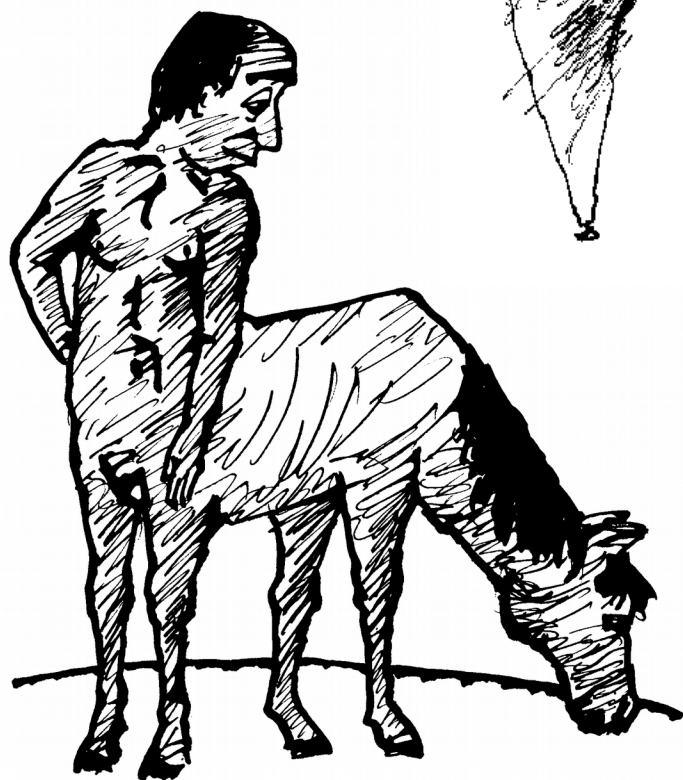
Из личного дела царицы К
Про красоту, ум и сладострастие
Про клеопатрову политику
Из личного дела Цезаря, взятого из архивов Сенатской
комиссии
Клеопатра и Цезарь
Разговор, подслушанный в трактире у «Старых лавок»
Александрийские предвкушения
Римские каникулы
Из произнесенной речи Цицерона
Египетские ночи
Антоний. Из недошедших до нас воспоминаний Октавиана
Антоний и Клеопатра
Тучи сгущаются и рассеиваются, неопределенность остается
Клеопатра и Антоний
Из утерянных архивов царя Ирода
Морская битва при Акциуме
Разговор у походного костра
Каждый за себя
Последний август
Из письма Октавии к близкой подруге

В поисках параллельных и перпендикулярных Дао

К вопросу об иконографии китайских драконов
Разносторонний Юй
Полное собрание сочинений
Как Ле Тунь летать научился
Воздушный змей
Превратности судьбы
Жизнеописание духовного подвига мастера Хуня
Дао Дадзыбао
Притча о смысле жизни
История знахаря Вань Дуня
Время переправляться через великую реку
Охота царедворца Яо
Жизнеописание мастера Мо, мудреца и волшебника
Жень и Шень
Мудрость в тени
Как Бу, Ду, Ще и Е счастье свое нашли
Хвосты поэта Лю
Чудеса вокруг Жу Линя
Только прямо
История дружбы Ошки и Обаку
Священная сила Канона
Светлые сумерки Юя
Как Кунь и Лунь встретились и что из этого вышло
Как Фэн и Шуй будущее искали
Взлет и падение Сю Сюня
Ответ Чжуан-цзы
Полный Увэй!
Проблемы студента Линь Бяо
На роду написано
Юй говорит
Посмотри на собаку
Поэзия параллельных и перпендикулярных Дао
Пустота наполненности
Вброд через высохший ручей

Легенды Бунтона, или Война красных и желтых шапок

Немного Светлия

Генеральным спонсором трактата «Немного Светлия» является пролив Ла-Манш.

Все права нарушены, все слова заимствованы, вся правда выдумана.

Выражаю свою безмерную благодарность академику «Академии по изучения тонких астральных планов» Нестору Междоузлию, заслуженному экстрасенсу России Оскару Брюхоногову, доктору теософии Теодору Пальцыру, ясновидящей в десятом поколении Флоре Шумейко и профессору трансперсональной, ультраперсональной и сверхперсональной психологий Аскольду Могилову за неоценимые услуги в написании этого текста.

Кроме того, выражаю свою признательность редакции портала «Музыка для повышения надоев» за бодрые и добрые песни, редакции журнала «Балтиморский ланцет» за острую и конструктивную критику, интернет-журналу «Стоунхенджский вестник», набросавшему камней в мой огород, и борцу сумо Суше Оджибуре просто за то, что он есть.

Кроме всего прочего, признаюсь в любви Закону всемирного тяготения, который постоянно оказывает мне моральную и иную поддержку.

Телега нулевая. Ведь надо же с чего-то начать

Желания, желания, откуда вы беретесь и зачем возникает? Сколько от вас проблем и неудобств! Вы сменяете друг друга, как листки календаря, и нет вам числа, и от того никому нет от вас покоя.

Одна золотая рыбка сама себя поймала, сама себе три желания загадала и тут же их выполнила: превратилась в молодую красивую женщину, получила американское гражданство и нашла богатого иностранного мужа. После всего этого она поняла, что не может жить без привычной тины родной речки, и утопилась в Гудзоне.

Да что там рыбки! Интригующие истории происходят и с другими животными. Так, пару месяцев назад чайка по имени Джонатан Ливингстон пожелала и сделала себе операцию по изменению пола. Как на сие решение посмотрит Ричард Бах и мировая эзотерическая общественность? Бог его знает. Или ее.

Не отстают от модного тренда и люди. Тот маньяк, что подкарауливал одиноких пешеходов с молотком в руках, получал от содеянного порцию радости и заряд бодрости на целый день. Но однажды, он пожелал купить новый молоток, зашел в магазин «Своими руками» и увидел на стене картину, выполненную из осенних листьев. Прошло всего два года, а его работы с успехом экспонируются на международных выставках. А молоток? Бедный молоток выброшен за ненадобностью.

Желания и мечты, надежды и базовые потребности по Абрахаму Маслоу. Сколько в них высокого и низкого, словно это гамма; и темного и светлого, будто это пиво. Все что-то ищут и чего-то желают. Одни - девицу поговорчивей, другие - Бога покруче. Бывает, мы мечтаем о чем-то для нас недоступном и невозможном, ибо не хватает в нас или смелости, или терпения, или трудолюбия, или элементарной удачи. Но чаще всего мы и сами не знаем, чего хотим. Поэтому начинаем хотеть таким хотением, как у соседа, или стремимся к тому, о чем нам поведал в рекламном блоке растлитель-телевизор.

Одни желания мы держим на виду, другие – прячем от окружающих, дабы чей-то злой умысел или недобрый взгляд не лишил их таинственной силы. Некоторых – боимся, кое-каких – стыдимся. Но все они – плохие и хорошие, наши кровные, с годами выстраданные и помногу раз Perezadumannye, - отражают наш внутренний мир, посему стыдиться собственных желаний – значит, стыдить самого себя. А тут уже недалеко и до психоанализа, а он, как известно, до добра никого не доводит, разумеется, кроме самих психоаналитиков.

Ныне молочные берега, райские кущи и прочие присыпанные пылью времен былинные приятности никому не нужны. Они маячат на поверхности мышления в виде затертых от частого употребления идей, ни к чему не побуждая и ни к чему не обязывая. Остальные – сокровенные и бессловесные - глубоко запрятаны в глубинах психики и вылезать на свет божий не хотят ни под каким видом, предлогом или соусом. Оттого-то стимулы путаются у нас в голове с мотивациями, а причины - со

следствиями, в результате чего народ застревает на полпути к счастью, основательно хлебнув горя.

Ухватишься за перо жар-птицы – и вот тебе ожег второй степени; добьешься благосклонности нежной особы, а затем коротаешь оставшуюся жизнь в нескончаемых семейных проблемах и неурядицах; задумаешься о высоком и – поскользнешься на ледяной мостовой, поломав себе жизнь, очки и руку в четырех местах.

А придет к тебе счастье само – не узнаешь его, начнешь прочь от себя гнать, словно не счастье это вовсе, а сосед-алкоголик, пытающийся занять у тебя денег на бутылку. Такая выходит незадача и такая диспозиция вырисовывается.

Знаток человеческой природы Будда считал желания повинными в том, что страдания в мире не прекращаются, ибо не все желания сбываются, а если и сбываются, то не те или не так, а не сбываются именно такие, исполнение которых жаждешь больше всего. В священной «Дхаммападе», приписываемой этому индийскому мудрецу, в главе «О желании» читаем:

«Желание беспечно живущего человека растет, как малува. Он мечется из существования в существование, как обезьяна в лесу, ищущая плод. Как плодовая бирана, растут печали у того, кого побеждает это несчастное желание - привязанность к миру. Кто в этом мире побеждает это несчастное, трудно победимое желание, у того исчезают печали, как капля воды с листа лотоса».

Даже не ведая значения слов «малува» и «бирана», сразу понимаешь, что желать – это очень и очень плохо, а ничего не желать – это очень и очень хорошо, и от привязанности к миру следует избавляться самым решительным способом, вплоть до отрезание у себя яиц, чтобы не тратить драгоценное время на простые земные радости.

Однако можно ли всецело довериться такому человеку? Будда был темной личностью. Судите сами, принц и двоеженец в прошлом, он большую часть жизни провел в статусе безработного бомжа. Что, конечно, не умаляет, но даже возвышает его заслуги перед человечеством, но факт остается фактом, а факты, как говорил Джон Леннон, - упрямая вещь. Ну и хватит об этом...

Из множества волшебных, исполняющих желания предметов, изученных и описанных в разное время, как то: лампа Алладина, вытворяющая вместе с джином что ни попадя, шапка-невидимка, позволяющая беспрепятственно посещать общественные бани и частные банки, или скатерть-самобранка, дающая бесплатный доступ к дармовой выпивке и закуске, есть один хитрый артефакт, относящийся самым кровным образом к реализации желаний. Имя ему – Светлий.

Телега первая. Что есть такое Светлий

Вряд ли есть надежда что-либо прояснить, но очень хочется. Едва ли имеется возможность что-то сделать, но руки чешутся. Тщетны попытки описать круглое квадратным языком, но мы все постоянно этим и заняты. Размышлять о Светлии так же сложно, как о веселом патологоанатоме, квантовой физике или сухой воде. Но и молчать о Светлии невозможно, хотя, видит Бог, и сказать-то о нем нечего, так что остается написать о Светлии хоть что-нибудь, пока это ни сделал кто-нибудь еще, отобрав у меня лавры первопроходца и вероятный гонорар.

Умберто Эко сразу же после создания романа «Имя розы» обратился было к проблеме Светлия и, правдами и неправдами, собрал множество монастырских летописей обо всех, существующих тайных орденах и секретной их деятельности, связанной с этим загадочным минералом. Так, во всяком случае, утверждал Эко в интервью «Corriere della Sera», опубликованной в мартовском номере газеты за 1986 год. Годом позже писатель подтвердил свои намерения в статье, появившейся на страницах еженедельника «L'Espresso». Но тут, на беду всей литературной и постмодернистской общественности, у него возникла новая идея, поэтому задумку сию он отложил на неопределенное время. Как мы знаем, в конце концов, Эко приступил к работе над книгой «Метроном Туше», поэтому тайна Светлия так и осталась нераскрытой.

Короче говоря, если бы Эко написал роман о Светлии, мы бы знали о нем все, что полагается, но он его не написал, и мы не ведаем об этом камне ничего, вернее, почти ничего, посему любому исследователю приходится выпутываться из сомнительного положения своими силами, опираясь

исключительно на собственное воображение и спасительный авось.

Джон Фаулз в своем провидческом романе «Теща испанского генерала» упоминает камень, но как-то вскользь, так что непонятно даже, где именно и на какой странице он это делает. И хотя специалисты по Фаулзу в один голос твердят о наличии означенного минерала в означенной выше книге, я, как ни искал, не только Светлия, но даже Темния в сочинении мастера не обнаружил. По всей видимости мне попался не тот перевод или какой-то другой Фаулз.

На счастье, кое-какие сведения о Светлии история сохранила. За столетия отрывочные данные о чудесных свойствах камня выросли на нем будто мох и обустроились вокруг него, как кораллы у тропического острова. Ну, а если данных не хватит, будем строить догадки и делать предположения. Не хватит догадок – придумаем чего-нибудь еще, а будет нужда – и со временем. Для Светлия, как говорится, ничего не жалко.

Чудеса нестабильности, привнесенные на нашу планету Светлием в давние времена неизвестно кем и непонятно для чего, зачем-то были нужны. Но зачем? И кому? Об этом размышляли каннибалы Новой Гвинеи и древнегреческие философы, жители острова Пасхи и родноверы родных осин, а ныне ломают головы завсегдатаи пивных баров и постоянные пациенты психиатрических лечебниц.

В околонульных кругах бытуют три версии происхождения таинственного минерала, и все они равноценны и равнозначны, и равновероятны. Согласно первой, Светлий, по сути своей, - артефакт стоянки каких-то забывчивых пришельцев, игрушка рассеянного жителя планеты Нибиру, чья-то нечеловеческая забава или глупая инопланетная шутка. В равной степени Светлий мог служить зеленым человечкам неким орудием или прибором, допустим, маяком, и был потерян ими во время одного из посещений нашей планеты специально или непреднамеренно по причине пьянства и раздолбайства. Они прилетают на землю, чтобы как следует оттянуться, не понимая к каким последствиям приводит бесконтрольное увлечение горячительными напитками. Эту версию отстаивали, к примеру, братья Пилицкие.

Приверженцы второй версии исходят из религиозных воззрений и полагают, что Светлый – инструмент богов, или Бога, помещенный на Землю для такой-то одному богу известной цели. Объединяясь вокруг божественного происхождения минерала эта компания различается между собой во взглядах на роль, какую играет Светлый в судьбе человечества. Посему они образуют две вечно спорящие друг с другом партии. Первая - считает Светлый прибором, с помощью которого Всевышний проводит на земле свои измерения и намерения. По их мнению загадочный камень есть божья кара, фатум, жребий или рок. Он наслан на человеков за их грехи и в назидание. За какие именно грехи и в назидание чего? Об этом можно только гадать или догадываться, чем она (эта партия) и занимается.

Вторая - придерживается гуманистических позиций в духе Джованни Пико делла Мирандолы и ратует за то, что Светлый – не от кары небесной, но от щедрот Его, и надо срочно всем друг с другом помириться. Несмотря на все ужасы и чудеса, которые неизменно сопровождают Светлый на его пути, он есть благо, а не наказание. А горе, которое нередко приносит камень заодно со счастьем, определяется природой мышления человека, двойственностью его восприятия и дихотомическим отношением к действительности. И только сторонний и незаинтересованный наблюдатель видит, что блага и несчастья Светлия – суть проявления одного и того же качества, каковое можно называть Великим Началом. «Началом чего?» - спросит у меня любопытствующий читатель. А кто его знает. Мое дело настроичить текст в один авторский лист, а отвечать на ваши заумные вопросы мне не с руки, так как руки заняты.

Светлый – не похож ни на один из известных геологам минералов. Его отличительными признаками служат: округлая форма, матовая, изучающая мерцающий свет, гладкая поверхность и размер с небольшую картошку. Он поставил бы в тупик любого ученого, если бы попал к нему в руки, ибо непонятно, из чего он сделан, почему так тверд и отчего светиться в темноте. Отсюда и взгляды третьей группы энтузиастов, стоящей на естественнонаучной платформе. Светлый – это метеорит, утверждают они. Необычный метеорит с необычными свойствами, обработанный неизвестными нам предками в самой глубокой древности и приобретший в глазах

человечества некий сакральный смысл. Ну, что тут скажешь? Эти ученые совсем обнаглели.

Так или иначе, но Светлий, как объект нечеловеческой природы и нечеловеческого назначения стал в наших глазах волшебным предметом. Он оказался непознаваемой вещью в себе, а я бы сказал: внутри себя, потому что снаружи его нет вовсе, как к нему ни присматривайся. И объектом, исполняющим любые внешние желания, но только с глубоким внутренним смыслом. Он возвышает человека и губит его, позволяет погрязнуть в мелочах и зовет за ускользающий край горизонта. Отправимся же туда и мы.

Телега вторая. Светлий на пути

Светлий вызывал смущение в умах не худших представителей рода человеческого тысячи лет кряду. Так, Гераклит, прозванный, кстати, «темным», в своем натурфилософском трактате «О Светлии» выражается предельно прямо и вполне определенно: «Границ Светлия тебе не сыскать, по какому бы пути ты ни шел: столь глубока его мера». Иммануил Кант знал о существовании Светлия и был неплохо осведомлен о его свойствах. Именно он, в смысле Светлий, подсказал философу идею о том, чтобы покритиковать чистый разум. Ну, как же там? Проклятый склероз! А, вот: «Три вещи не дают мне спать по ночам спокойно: Светлий над моей головой, нравственный закон внутри меня и налоговая инспекция».

Не мог обойти камень своим вниманием и гений Пушкина. Помните его роковые, полные мирового отчаяния строки: «Светлий, зеркальце, скажи, да всю правду доложи: я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?» Здесь мне видится аллюзия, а может, и не аллюзия, поэта на старинное заклинание, при помощи которого Светлий превращал попеременно то в красавицу, то в чудовище своего владельца. О драгоценнейшем свойстве Светлия управлять прошлым, настоящим и будущим писала в своем оккультном, ныне утерянном труде «Семь вспышек Светлия» Алиса Бейли.

Древние греки называли Светлий - Фотосом, а латиняне - Альбусом. О том, что древние китайцы сталкивались со

Светлием, указывают два восьмичертия «Книги перемен»: «Сияние» и «Поражение света». Судите сами, как точны характеристики, сделанные в «Книге» относительно природы и свойств волшебного камня. Гексаграмма «Ли» в переводе на наш язык обозначает «Сияние». Читаем афоризм к четвертой черте: «Происходит неожиданно; вспыхивает, гаснет, разлетается». Или гексаграмма «Мин И», то есть «Поражение света» - читаем текст шестой черты: «Не свет, но тьма. Сначала поднялся до Небес, затем погрузился в глубины земли». (Перевод черт дан в интерпретации Эразма Роттердамского.)

А христианский Люцифер? Этот порождающий свет демон? Могло ли сотворенное Богом существо, хотя и противное Ему, называться «светоносным»? Конечно, нет! Речь идет, несомненно, о Светлии. Только со временем, благодаря фантазии разнообразных догматиков от веры, Светлий приобрел антропоморфные черты и был низвергнут ими, догматиками, на землю.

Светлием мечтали завладеть такие темные личности как Алистер Кроули и Георгий Гурджиев. Много лет потратили на поиски Светлия Чингисхан и Тамерлан. Александр Великий нашел его в Индии, а Александр Невский - на дне одноименной речки. Что уж тут говорить, но даже затасканное выражение: «свет на пути» - ни что иное, как деструкция, регрессия и редукция (сам не знаю, как это штуковина называется) фразы «Светлий на пути», и способ утаивания от непосвященных первоначального знания о волшебном самородке.

Эпоха Средневековья, называемая темной, темна оттого, что Светлий на долгие годы был почти что утерян, и воздействие его на отдельные личности и историю в целом едва отмечалось. После долгого перерыва чудодейственный минерал вновь является из небытия уже в эпоху Возрождения. Но было время, когда Светлием владели члены тайного ордена Светлианцев или ордена «Благих дел», как они себя сами называли, ибо только избранные и подготовленные постом и молитвой монахи могли использовать Светлий во благо, избегая его негативных проявлений.

Много общего было у Светлианцев с хорошо известными нам катарами или альбигойцами. Сравните, к примеру, такие строки из писаний. «Нет одного Бога, есть два, которые оспаривают господство над миром. Это Бог добра и Бог зла. Бессмертный

дух человеческий устремлен к Богу добра, но брeнная его оболочка тянется к темному Богу». Именно так и тому учили альбигойцы. «Темен и светел Светлий, и душа наша повернута к свету Светлия, а тело – к его тьме», - вторили им Светлианцы.

Полвека римские папы и французские короли пытались расправиться с альбигойской и светлианской ересями. В марте 1244 года последний оплот еретиков – крепость Монсегюр пала. Вместе с катарами были сожжены на кострах или рассеяны по свету в виде пепла и хранители Светлия. С этих-то пор Светлий начал странствовать по миру как бы самостоятельно, по собственной воле, но не без участия человека, ибо передавался от одного смертного к другому словно заразная болезнь или наследство.

Светлий теряли и находили, продавали и покупали, передавали достойным и недостойным из рук в руки. Несколько раз орден Светлианцев пробовали возродить, но стечения обстоятельств и звезды всегда оборачивались против этой затеи. То угасал от неизвестного науке недуга глава общины, то болезнь обрушивалась своим немилосердным бичом на всех членов тайной организации. То сам Светлий в очередной раз исчезал или попадал в грязные, но могущественные руки, которые размещали его в своих коллекциях антиквариата.

У некоторых исследователей, потративших годы и годы на изучения камня, создалось впечатление, что Светлий - живое существо, что он наделен не только материальным субстратом, но разумом и душой, и душа эта противится любому человеческому смыслу или помыслу, ежели тот эгоистичен, и каждой людской компании, куда та исповедует корыстолюбие или злой умысел.

Из всех порядков выбирала непостижимая душа Светлия хаос, а из всех закономерностей - останавливалась на случайности, и сама собой превращала бессмыслицу в порядок, а случайность – в закон. Вот почему логика рассудка не в силах целокупно осознать и оценить весь ее долгий «светлий путь». Однако «разум сердца» и духовный промысел все же добиваются до самых до его истоков и, сливаясь с ней, душой Светлия, воедино, образуют чудесную и нерушимую общность так же, как соединяются различные фруктовый соки в полезный для телесных членов мультивитаминный коктейль.

В наше мелкопакостное время, которые уже не родит ни настоящих философов, ни настоящих поэтов, слово «Светлый» можно представить себе только в рекламе осветительных приборов или случайно приобрести камень на предновогодней распродаже.

Телега третья. Легенды Светлия

Никто не скажет нам наверняка, имеет ли отношение Светлий к Марафонской битве, извержению Везувия, эпидемии чумы, выкосившие половину Средневековой Европы, или к созданию программного продукта, именуемого «Windows». Однако излишне доказывать, что Светлий непрерывно вносит в наш мир разнообразные, порою фантастические, нередко ужасные, а иногда и забавные перемены.

Светлий переживал интервалы покоя и периоды активности. Хотя сие вряд ли связано со вспышками на Солнце, лунными затмениями или метеорными дождями. Но будьте уверены, в тот момент, когда Бетховен догадался забить себе в уши свинцовые затычки, чтобы оградиться от уличного шума, и когда в голову Эйнштейну пришел головоломный парадокс близнецов, где-то рядом, возможно, в соседнем доме или на соседней улице находился Светлий. Это уже потом страдающие феминизмом дамы, сочинят, что Эйнштейн был дебилом, не знал таблицы умножения и всеми своими открытиями был обязан жене. Не жене, уважаемые дамы, а Светлию.

И знайте, когда кому-то в голову придет другая теория, полностью опровергающая выводы Эйнштейна, а какой-нибудь композитор заткнет себе уши чем-нибудь посущественнее, Светлий окажется где-то неподалеку, и ни тот, кто им владеет, ни тот, кто испытает на себе его воздействие, не заметят ничего особенного. Просто неожиданно, словно сама собой родится на свет очередная «Лунная соната» или возникнет как будто бы из ничего и вдруг новый закон физики.

Несомненно и непременно - и об этом уже никто не спорит - что третья мировая война, о которой с такой любовью и подробностями рассуждают нынешние футуристы, и прыщ, вскочивший на носу у Генерального секретаря ООН, – это

звенья одной цепи, вернее, цепочка перемещений загадочного Светлия по свету.

Легенды Светлия могут леденить душу словно голливудские психологические триллеры. Так, какая-нибудь молодая особа может вполне себе родить от черта священника, который вырастет и пойдет по стопам отца, а какой-нибудь господин из Лондона викторианской эпохи попадет на Луну и изрядно там наследит. Посему прогрессивная общественность пребывает в недоумении относительно некоторых догматов церкви. Поэтому американские астронавты и NASA скрывают об экспедиции всю правду.

Любители симпатической магии уверены, что действие Светлия связано с фазами Луны и движение по небу Плутона, но астрологи подобные утверждения оспаривают, а профессионалы от науки оные взгляды и тех, и других по привычке высмеивают. Не обнаружено и сродство Светлия с как будто бы похожими на него минералами, как то селенит и адуляр, то бишь, лунный камень.

Легенды о Светлии бывают комичными, как попытки человечества завоевать Космос; трагичными, как наезд дорожного катка на червяка; правдивыми, словно речи политиков и неправдоподобными, как таблица умножения. Но большинство странных происшествий, имевших место и в эпоху расцвета Римской империи, и в наш, местами пошлый, а местами и сумасшедший, XXI век, случались, случились и еще случатся благодаря Светлию, разом нарушающего законы Ньютона, Паркинсона, Мэрфи, логики, больших и малых чисел и здравого смысла.

Из очевидных в своей правдивости историй о Светлии можно упомянуть о Нострадамусе, который лишь благодаря чудодейственному камню и написал свои «Центурии». И предельно безосновательны и даже преступны утверждения сына пророка, будто катрены писались исключительно на основании астрологических таблиц и под воздействием алкоголя. Да и можем ли мы верить такому источнику? Как недавно стало известно, сын Нострадамуса вовсе не был его сыном, потому как при внимательном осмотре он оказался его дочерью.

Провидец Эдвард Кейси также некоторое время владел камнем, который прятал зашитым в подушку. Как известно,

Кейси пророчествовал, предварительно погружаясь в сонное состояние, а изголовьем ему служила та самая подушка. С ней он не расставался многие годы, которые с огромным успехом посвятил надеванию лапши «Хроник Акаши» на уши легковверным обывателям. Казалось, его необычайный дар появился в нем из ниоткуда и исчез непонятно куда. Но сейчас известно, что подруга Кейси устроила однажды генеральную уборку, выбросив из дома весь старый хлам. Досталось от нее и спальным принадлежностям.

Некоторый интерес относительно таинственного минерала вызывает и романтизированная донельза и популярная до сих пор история отношений Клеопатры, Цезаря и Антония. Историки убеждают нас, что Клеопатра интересовалась исключительно макияжем, Цезарь – политикой, а Антоний – алкоголем. Это наглая клевета. Скажем наше твердое «нет!» этим отщепенцам от науки.

Телега четвертая. Глашатаи светлих времен

Сегодня доподлинно известно, что проводниками светлотворчества служили какие угодно люди, избранные и самые простые. В этом отношении Светлий – самое демократичное чудо на земле. Другое дело, что, попав в руки, оно, то есть чудо, гарантировало своему владельцу место в скрижалях истории. Возможно, в будущем реализовывать потенциал Светлия предстоит светящимся существам, за коих так ратовал Константин Эдуардович Циолковский, или йети, которые нет-нет, да и спускаются со своих небесных Гималаев в глубокие долины наших чаяний и скорбей. Однако люди - пока единственные существа, кто помогает проводить идеи Светлия в жизнь. Скорее всего, данное обстоятельство связано с беспокойным нравом, непомерными духовными и неуемными телесными потребностями представителей вида *Homo sapiens*.

Много невыясненных моментов находим мы и в самой передаче Светлия от человека к человеку. Здесь история не оставила нам никаких намеков, хотя смена избранных происходит периодически и постоянно много веков подряд. Каким образом камень перемещался из рук в руки, пока тайного общества Светлианцев не существовало, и как человечество

обходились после того, как орден был уничтожен? Кто знает... Да и правда ли, что сейчас такого ордена нет? Расследованием данного вопроса никто не занимался и не занимается. У меня же есть неопровержимое доказательство того, что орден до сих пор существует. Как еще объяснить тот факт, что я получаю от них рассылки на электронную почту? Не сам же я пишу для себя эти длинные и туманные тексты.

Как выбирали преемника? Кто выбирал, по каким критериям и согласно каким правилам? Ведь это не президента избирать, тут дела поважнее. Сие неведомо и тайна великая есть. А права и обязанности хранителей камня? Какова была мера их ответственности? Да и про технику безопасности забывать не следует. Ведь Светлый мог серьезно навредить тому, кто с ним контактировал. Одним словом: вопросы, вопросы, вопросы. И в общем, дело ясное, что дело темное...

Укоренилось мнение, что Мастер выбирал приемника, как Бог даст. Обычно это был близкий родственник по материнской линии или проверенный ученик по отцовской. Хотя мир полон исключениями. Вот и сейчас в каком-нибудь неприметном месте коротает свои дни новый спаситель мира или погубитель человечества, а мы даже не знаем, от рук кого мы погибнем. Или войдем в жизнь вечную.

Обращает на себя внимание и, так сказать, морально-этический аспект проблемы. Нет, это, конечно, замечательно, когда ты - сам себе волшебник и почти что бог для всех остальных. Тут и думать долго нечего. Совершай чудеса, какие пожелаешь, делай, что душе угодно, хотя, пока хочется, и радуйся, пока не надоест. Но ежели ты волшебник для других – это же никакой для себя пользы и никакого удовольствия, кроме ответственности. Да и по силам ли обычному обывателю нести на плечах такую ношу?

Удел избранного между тем горек – он себе не хозяин и когда безвылазно сидит дома, и когда непрерывно странствует по свету, влекомый необоримой неуспешностью. И в результате, как это ни странно, он всегда появляется в нужное время и в нужном месте. Если Светлый при тебе, ты автоматически оказываешься, как пишут журналисты, в эпицентре событий. Владелец же Светлая готов превращаться попеременно то в положительного, то в отрицательного героя помимо своей воли

или, сам того не понимая, ничего не может Светлию противопоставить, ибо свободной воли у него уже нет.

Историками точно установлено, что Жанна д'Арк была агентом влияния Светлия. Слишком уж фантастична история ее жизни и подвигов. Спартанский царь Леонид задержал многотысячное персидское войско не горсткой бойцов, а с помощью волшебного камня. Друг и соратник Шерлока Холмса доктор Ватсон, в четности которого не приходится сомневаться, утверждал, будто Светлием владел некоторое время и профессор Мориарти.

О Светлии, описывая свою легендарную практику, упоминает в завуалированной форме и Парацельс. Вероятно, опальный эскулап возил Светлий с собой, ибо как еще объяснить многочисленные чудеса исцеления, происходившие вокруг него и с его участием. Так, однажды он лечил одного уважаемого бюргера от простуды, в результате чего тот превратился в женщину. Жена бюргера и все их родственники были очень недовольны случившимся, поэтому Парацельсу некоторое время пришлось скрываться. Правда, скрывался он довольно странным образом: его стали видеть в двух, а то и в трех местах одновременно. Непонятно, за что на него ополчились означенные выше люди, ведь простуда-то была вылечена.

Гете, упоминая встречу с самим собой, так же приписывает чудесное раздвоение во времени и в пространстве волшебному минералу, который тогда вез в переметной суме. Цитирую эту занимательную историю по запискам биографа Гете Людвига Крамера, опубликованных в Дрездене в 1898 году и, к сожалению, так и не вошедших в его знаменитую книгу о поэте «Мой милый Иоганн».

«В 1771 году Гете встретился со своим двойником. Поэт ехал верхом в гости к другу и увидел впереди всадника, скакавшего ему навстречу. Когда путники сблизились, Гете к ужасу и удивлению своему обнаружил, что видит самого себя. Ему врезалось в память одна характерная деталь - одежда двойника - серый камзол, расшитый золотыми нитками. Такой одежды у Гете в ту пору не было. Неожиданно видение исчезло, но на этом история не закончилась. Через восемь лет Гете ехал по той же дороге, но в противоположном направлении. Он незамедлительно вспомнил случай из своего прошлого и несказанно поразился, обнаружив, что одет в серый, расшитый

золотой нитью камзол. Получилось, что Гете встретил самого себя в будущем». Правда, Людвигу Крамеру так и не удалось установить, у кого же из двух Гете имелся камень. Скорее всего, Светлый был у каждого из них одновременно. А впрочем, какая сейчас разница.

Да что там знаменитости! Вот послушайте, что написал о своей беседе с местным жителем купец, первопроходец и исследователь Севера, наш соотечественник Яков Санников: «Моя знать камень, - сказал мне Гыргол-гыргын и тяжело вздохнул. - Шибко сильно светил однако. Моя потом три часа стенка смотрел. Совсем башка болеть».

Исходя из того, что в последнее время заметно участились происшествия, связанные с человеческим фактором, а погодные аномалии и природные катаклизмы следуют друг за другом словно слепые на картине Питера Брейгеля старшего, учитывая то, что войны и прочие мелкие и крупные неприятности выходят из границ и берегов, – Светлый снова в пути, а его активность с каждым годом возрастает.

Нам, простым смертным, не обремененным славой, богатством и властью обывателям остается лишь наблюдать за метаморфозами реальности, стараясь не подвернуться ей под руку.

Телега пятая. Светлый на Тёмнии

Жизнь – странная штука, а Светлый, как ее неотъемлемая часть, не исключение. Кажется, ему невдомек, какое у него название, и вместо счастья и света он с той же долей вероятности приносит страдания и тьму. Если массовые исцеления сопровождаются мором, а выигрыш в хоккей оборачивается проигрышем в футбол, то понятно: Светлый сам регулирует количество положительного и отрицательного в пространстве и во времени, распределяя их ровным слоем по поверхности планеты, наподобие учения о ноосфере Владимира Вернадского, масла на бутерброде или коллективного бессознательного Карла Густава Юнга.

События, связанные со Светлием, обычно развиваются во взаимосвязи и во взаимозависимости, по замкнутому кругу или, будет в том нужда, по спирали. И если бродячая собака

напугала ребенка, это значит, что тот разбил стекло в доме незащитной старушки, которая в годы войны была летчиком-истребителем и сгубила в свое время массу народа, в том числе и деда мальчика, за что ее жених умер от золотухи, а она так и осталась доживать свои годы старой девой.

Только не подумайте, что Светлый как бы превращается в свою противоположность – Тёмный, а потом снова становится Светлым, и наоборот. Говорю вам со всей определенностью: это вранье. Для Светлого все едино. Преступление и наказание, Достоевский и Донцова, идеализм и материализм. Жара и холод для него неотличимы сами по себе и перетекают одно в другое, как жидкость из сообщающихся сосудов и порождают друг друга, как промокшие ботинки - насморк.

Не следует впутывать в проблему Светлого и Лох-Несское чудовище, божий промысел и чертовы задумки. И не след разводить всяческие спекуляции на тему того, что раз есть добро и зло, где-то обязательно должен быть и Тёмный. Полнейшая ерунда, скажу я вам! Кроме Светлого есть только Светлый, и ничего кроме Светлого. В этом отношении лучше придерживаться размытого и нечеткого индуизма, нежели императива твердой христианской морали, строго делящей мир на черное и белое.

Если Светлый вчера повышал уровень преступности в детских домах, то сегодня - заставляет миллионеров делать пожертвования сиротам, а завтра эти сироты, организовав шайку малолетних преступников, обчистят на улице своего благодетеля лишь потому, что богач свернуть не в тот переулок. Обычно мы говорим по этому поводу: «такова жизнь» и делаем далеко идущие выводы, а жизнь – это всего лишь воздушный шарик, и чем его ни надуешь, лопается или сдувается он совсем по другой причине.

Поэтому не Светлый виноват, и не человек, в руках которого тот оказался. Это жизнь такая... Виновато наше мышление, привыкшее во всем находить противоположности и понимающее любые изменения, как смену плохого и хорошего. Но в каждом плохом уже зреет зерно хорошего, и нет бочки меда без ложки дегтя, а что русскому благо, то немцу смерть. Да, правы были даосы, полагающие, что темный Инь и светлый Ян порождают друг друга, а не борются между собой.

Перейдем к другой животрепещущей теме. Есть люди, которые желают всего сразу и побольше, есть и те, кто хочет скромного исполнения своих маленьких человеческих просьб, но изредка встречаются и такие, кто жаждет просветления. Но если на них на всех смотреть издали и сверху, с уровня облаков, понять, кто из них кто, совершенно невозможно. И не удивительно, что Бог ошибается с выполнением заказов: попробуй тут не ошибись. Он один, а нас миллиарды и все от него чего-то хотят, все у него что-то просят и есть даже такие, кто от него что-то требуют или в чем-то его обвиняют. А ведь если пораскинуть мозгами, Бога просто жалко. Хорошо, что хоть Светлий ему помогает.

Мифолог Мирче Элиаде в своей блестящей работе «Закидоны мистического света» указывает, что шаманы называли Светлий «отвердевшим светом». Но в той же работе он отмечает, что Светлий никак не связан с просветлением. Так, Элиаде описывает один случай, не попавший в поздние редакции книги. Один тип, по его словам, начал светиться по ночам как глубоководная рыба, но, сразу оговаривается Элиаде, тип этот и слыхом о Светлии не слыхивал, а о просветлении тоже ничего не знал. Оказалось, что причиной всему была его добродетельная, богобоязненная и хорошо готовившая жена, перекармливающая мужчину пищей с высоким содержанием фосфора.

В этом вопросе существует и множество других спекуляций, в которых за влияние Светлия выдают «Огни большого города», бенгальские огни, Огни Святого Эльма и прочую чепуху. Не верьте. Никому не верьте. Действительность, как водится, многократно превосходит любой вымысел.

Телега шестая. Немного Светлия

Часто можно услышать, что, мол, «много Светлия не бывает» или что-либо подобное, но в том же роде. А на кой ляд нам, спрашивается, много Светлия? Мы такое количество все равно не можем освоить. Человечество в целом и практически любой человек по отдельности просто не в состоянии оценить его качества по достоинству, а уж о том, чтобы правильно распорядиться Светлием или понять его сокровенную идею, - и

подавно. Вот, к примеру, у одного господина, который страстно желал разбогатеть, одна нога стала вдруг золотой. Когда ее ампутировали, инвалид продал ногу и разбогател, но вскоре умер от гангрены. А таких примеров сотни и тысячи.

Больше Светля! Больше Светля! Еще больше! Еще! А на что он нам сдался? На данном этапе развития, в этом самом хваленном XXI веке, мы просто к нему не готовы морально и этически. Да что там человечество, любой не готов. Как давным-давно сказал Макарий Египетский: «Сам человек себя не знает». Человек сам себя не понимает и даже не хочет понять. Ему некогда заниматься такими пустяками. Куда уж нам до великой идеи Светля! Даже самый плохой из нас мог в детстве заботиться о канарейке, пока та не сдохла от голода, а какой-нибудь совершенно идеальный и положительный персонаж однажды забудет вымыть руки перед едой.

Светлий выполняет все желания. И, так называемые, плохие, и, так называемые, хорошие. Да если он всем выполнит все желания, на Земле одни клопы останутся! Много Светля нам не нужно, а немного Светля... немного Светля будет в самый раз.

Телега седьмая. О Светлии и не только

Читатель, вероятно, уже убедился: неверно понимать Светлий как чей-то розыгрыш, сверхценную идею или бред сумасшедшего. Светлий - не метафора о счастливой жизни на Островах Блаженных, не псевдонаучное умозаключение и не праздная выдумка вроде кубка Грааля. Светлий есть, он существует, и я говорю об этом со всей прямоотой и категоричностью.

Светлий... он обычный, это воображение у людей бывает необычным, и в обыденной и однообразной жизни их неумолимо тянет к какому-нибудь чуду, им хочется в него верить, а если оно не наступает, чудо приходится выдумывать.

Был Светлий, и нет Светля. Останется от него только красивая легенда, чистой воды вымысел. Последующие поколения будут завидовать предыдущим, заставшим его, и сочинять о нем – загадочном и чудесном – околонуточные исследования и совершенно ненаучные стихи.

Честно говоря, и без Светлия забот хватает. И без него есть, о чем подумать и чем заняться. Как говорится: меньше думай о чужих фантазиях, а больше о своих делах, и результат не замедлит сказаться.

Слушай, - спрашиваю я себя, - у тебя же было столько планов? Ты же прямо с сопливого детства мечтал сделать что-то большое и важное. А в результате все суетился, пробовал и бросал на полпути, откладывал это самое-самое на потом и придумывал для себя разные оправдания, как будто собирался жить вечно.

А сколько лет ты подавал самые разнообразные надежды? Подавал-подавал, да так ничего никому и не подал. Все надеялся на какой-то особенный случай - а он и не собирался случаться, все ждал какого-то изменения ситуации - а она не изменялась, все делал ставку на подходящий момент - а он и не думал подходить. И в результате – результат налицо и похвастаться нечем.

Пожалуй, больше откладывать нет никакого смысла. Надеяться на какое-то поспособствующее тебе волшебство - нет уж, с меня хватит! А на какие-то там камни, тем более. Светлые они или темные, большие или маленькие, копеечные или бесценные. В нашем мире можно надеяться на Бога, черта, Светлий и благотворительность, но лучше всего надеяться на самого себя. Тогда хоть будет с кого спрашивать.

Пожалуй, начну новую жизнь с понедельника. Ведь у меня появилась довольно-таки привлекательная цель. А почему с понедельника? Все начинают с понедельника. Начну с сегодня. Прямо с сейчас. И никаких глобальных проектов по улучшению жизни народонаселения. Буду улучшать жизнь человечества с самого себя, а там посмотрим.

Мне не нужно ничего материального, идеальное мне тоже без надобности. Я хочу только одного - счастья. Но счастья не простого, а особенного. Не того счастья, которое является следствием какой-либо причины, ибо такое счастье всегда эфемерно и недолговечно. Но такого, которое не имеет причины. Поисками такого счастья я и займусь.

Женское счастье царицы К

Мы судим о ней по блистательным ролям Вивьен Ли («Цезарь и Клеопатра» (1945) и Элизабет Тейлор («Клеопатра» (1963), слышаны благодаря драмам Уильяма Шекспира («Антоний и Клеопатра») и Бернарда Шоу («Цезарь и Клеопатра»), знаем по историческим трудам Плутарха, Светония, Аппиана, Диона Кассия, Иосифа Флавия и прочих слуг музы Клио.

Незаурядная личность и развратница, умелая интриганка и бездарный государственный деятель, роковая женщина и раба желаний, жертва обстоятельств и властолюбивая обольстительница, красавица и чудовище. Ей восхищались и ее ненавидели, ее осуждали и перед ней преклонялись. Сколько лет минуло, но судьба этой женщины не оставляет нас равнодушными, являясь предметом серьезных исследований и статей в журналах, которые читают на пляже, а потом накрывают ими лицо, чтобы нос не обгорел.

Что мы о ней знаем? Какая у нее была жизнь, и могла ли ее судьба сложиться иначе? Новейшие исследования позволяют предполагать, что мы знаем о ней многое, но довольно мало; что жизнь ее была короткой, но насыщенной; что судьба ее сложилась так, как сложилась, и ни один историк не сможет переделать ее на свой лад. И только литераторам это под силу.

Из личного дела царицы К

Имя, фамилия, отчество: Клеопатра VII Филопатор.

Даты жизни: родилась 2 ноября 69 год до н. э. Умерла, отравившись ядом, – 12 августа 30 года до н. э.

Место рождения: Африка, Египет, город Александрия, основанный некогда Александром Великим.

Выросла Клеопатра в многодетной семье македонской династии Птолемеев, имеющей богатые традиции по части убийств претендующих на престол родственников и культивирующих кровосмесительные браки. Девочек в роду называли преимущественно Клеопатрами, мальчиков – Птолемями.

Род занятий, профессия: царица Египта.

Национальность: гречанка.

Личные качества: умна, образованна, обаятельна, тщеславна, жестока, эгоистична, склонна к интригам, корыстолюбива. Царица обладала удивительно мягким голосом.

Воспитание: домашнее.

Образование: посещала Александрийскую библиотеку, где, в частности, интересовалась философскими трудами. Царица играла на нескольких музыкальных инструментах.

Семейное положение: была трижды замужем: за родным братом Птолемеем XIII, за вторым родным братом Пролемеем XIV, состояла в непризнанном Римом браке с римским политиком и военачальником Марком Антонием. Состояла в тесной связи с римским государственным и политическим деятелем и полководцем Гаем Юлием Цезарем.

Дети: сын от Гая Юлия Цезаря, двое сыновей и дочь от Марка Антония.

Владение иностранными языками: греческий и латинский в совершенстве, свободно - на десяти языках, в том числе египетском, арамейском, иврите и берберском.

Хобби и увлечения: любовь к римским военачальникам и государственным деятелям, заговоры, интриги, изучение ядов, пьянство, розыгрыши, диетология, парфюмерия, косметология, убийства, народная медицина и траволечение, моделирование женской одежды, толкование снов, мужская психология, астрология, коллекционирование предметов искусства и роскоши, накопление драгоценностей, рыбная ловля, путешествия, сексуальные излишества, поиски рецептов красоты и вечной молодости.

Про красоту, ум и сладострастие

Красивой быть легко. А как быть некрасивой и нравиться? Каким образом добиваться своего в мире, которым правят мужчины, склонные оценивать женщину сначала по экстерьеру, а уже потом по личным качествам? Мужчины женщин завоевывают, женщины мужчин покоряют. Как? Образованием, воспитанием. Находчивостью и смелостью. Остроумием и непредсказуемостью. Обаянием и нежностью. Дивным голосом и чертовским очарованием. Знанием людской психологии и

хорошими манерами. Острым умом и искусством жеста. Духами и бальзамами. Модными прическами и изысканными нарядами.

Большинство историков древности говорят о Клеопатре, как о красивой обаятельной женщине, владеющей искусством обольщения и даже демоническими чарами. Но вот недавно выяснилось, что Клеопатра была низкорослой – метр пятьдесят - склонной к полноте особой; строгое, в обрамлении выющихся волос лицо которой портили большой горбатый нос и острый, выдающийся вперед подбородок. Что ее портрет дополняют глубоко посаженные большие глаза и узкие губы. И кому верить?

Римский историк IV в. Аврелий Виктор Клеопатру не жалует: «Она была так развратна, что часто проституировала, и обладала такой красотой, что многие мужчины своей смертью платили за обладание ею в течение одной ночи». Таким уж прозорливым был этот Аврелий Виктор, что через триста лет после смерти нашей героини разглядел в ней все перечисленные выше пороки. Чтобы уравновесить данную нелестную характеристику, приведем слова другого римского историка:

«Ибо красота этой женщины была не тою, что зовется несравненною и поражает с первого взгляда, зато обращение ее отличалось неотразимою прелестью, и потому ее облик, сочетавшийся с редкою убедительностью речей, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении, накрепко врезался в душу. Самые звуки ее голоса ласкали и радовали слух, а язык был точно многострунный инструмент, легко настраивающийся на любой лад, - на любое наречие...» Так описывает Клеопатру Плутарх. Но откуда он все это взял, тоже неизвестно, ибо саму царицу никогда не видел, а лицезрел только изображения египетской павы. Вот что значит сила мужского воображения, куда она историка потащит, туда он и следует!

Откуда такие противоречия? Все зависит от того, какой историк давал описание ее внешности и черт характера, от его вкусов, политических пристрастий и как начальство скажет.

Клеопатра была умна, образованна, честолюбива и очень хотела быть царицей. В борьбе за это она использовала все доступные ей средства. Развратница, отравительница, блудница, совратительница, проститутка, нимфоманка. Такими

эпитетами наделяли Клеопатру римские летописцы. Понять их можно. Клеопатра была объявлена Цезарем другом и союзником римского народа, но римское общество воспринимало ее как врага, охмутившего их падкого на женщин лидера, и не скупилось на злые слова в ее адрес.

Но с точки зрения морали и нравственности того времени Клеопатра ничем особенным на фоне остальных восточных цариц не выделялась. Многочисленные любовники? Эка невидаль! Сие вообще в порядке вещей и так полагалось. Сокращение римских военачальников? А куда деваться бедной египтянке?

По этому поводу можно сказать следующее: не была Клеопатра развратницей. Она, говоря по правде, была однолюбкой: всю жизнь любила только римских военных. Все началось еще, как говаривали, с Гнея Помпея, которому Клеопатра отдалась за то, чтобы тот объявил ее отца властелином Египта. Потом были Цезарь и Антоний. А затем Октавиан. Но с ним как-то не заладилось.

Про клеопатрову политику

Богатейшее некогда государство Египет в момент появления Клеопатры на свет держалось на честном слове. На Римском честном слове. Династия Птолемеев наделала у Рима долгов, невозможность расплатиться по ним вела к потере Египтом суверенитета. По династической традиции, согласно завещанию и под гарантии Рима в 51 году до н. э., в возрасте 18 лет, Клеопатра стала соправительницей Египта, ступив в брак со своим младшим братом. Таковы были местные традиции. Вскоре между ними началась борьба за власть. С того самого момента все решения и поступки Клеопатры объясняются борьбой за сохранение и упрочение своей власти.

Будущее Египта и Клеопатры зависело от Рима, а Рим был охвачен гражданской войной. Война велась с переменным успехом, победители менялись местами, и Клеопатра выбирала в этой войне то одну, то другую сторону. Сначала она помогала стороннику Сената Помпею. Но, когда тот проиграл сражение Цезарю и бежал в Египет, не заступилась за него. Помпей был убит.

Когда Цезарь высадился в Египте, Клеопатра поставила на него, и не ошиблась. Цезарь разбил армию ее муженька и посадил царицу на почти потерянный трон. Их отношения привели к рождению наследника. Так Клеопатра начала реализовать свои амбиции - она мечтала стать властительницей Востока.

После убийства Цезаря, которое Клеопатра ускорила своими действиями, она бежала с сыном в Египет, и там, каким-то странным образом, Птолемей XIV умер, после чего сын Клеопатры Птолемей Цезарь был провозглашен правителем Египта.

При возобновлении гражданской войны в Риме, Клеопатра не знала, на какую сторону встать, поэтому маневрировала: оказывала помощь сторонникам Цезаря, но так, что эту помощь получали и его противники в лице Сената, Брута и Кассия. Затем царица решила опереться на помощь Марка Антония. Дети от Антония выступили гарантией прочности ее положения. Цезаря Клеопатра покорила своим нежным возрастом и скромностью, Антония - своею безудержной страстью. В отношениях и с тем, и с другим Клеопатра опиралась на свой ум и расчетливость. Но она переоценила свои силы.

Из личного дела Цезаря, взятого из архивов Сенатской комиссии

Гай Юлий Цезарь – римский гражданин, патриций, государственный деятель, консул, писатель, оратор. Женат, имеет детей женского пола. Властолюбив, смел, умен, тщеславен, корыстолюбив. Прославился на весь Рим своими «любовными утехами», получив прозвище «лысый развратник». Среди его любовниц: жены Красса и Помпея, мать Брута. Цезарь высок ростом, хорошо сложен, лицо полное, кожа светлая, глаза черные и живые. Отличается превосходным здоровьем, которое закалил в военных походах. Тщательно следит за своей внешностью: волосы не только стрижет и бреет, но и выщипывает.

Клеопатра и Цезарь

Когда Цезарь прибыл в Египет, чтобы настичь Помпея, Клеопатра находилась в Сирии, где собирала войско для войны с братом-мужем. Цезарь решил примирить брата и сестру, приказал им распустить войска и незамедлительно явиться для объяснений. Однако Клеопатра не могла просто так появиться в Александрии – ее бы просто убили. К тому же сторонники Птолемея решили убить и Цезаря. Цезарь с малочисленным отрядом вынужден был вступить в уличные бои. Он одержал победу и расправился с руководителями бунта. Птолемей погиб. Во время этой короткой войны Клеопатра находилась в ставке Цезаря и использовала все свое обаяние, чтобы оказать впечатление на римлянина, и это ей удалось.

Клеопатре 21 год, Цезарю 53 года. Их личные отношения не объяснишь только голым политическим расчетом. Одержав победу, Цезарь мог провозгласить Египет римской провинцией, а уж если ему нужна была Клеопатра, взять ее в наложницы. Вместо этого и несмотря на проблемы в провинциях и в самом Риме, Цезарь, задерживаясь в Египте на девять месяцев изучая египетские нравы, культуру и обычаи страны, наслаждаясь природой и обществом молодой царицы. Он выдает Клеопатру замуж за другого ее младшего брата - Птолемея XIV и провозглашает царицей Египта.

Оставив беременной Клеопатре три своих легиона и пригласив ее в Рим, Цезарь отбывает в Сирию и затем целых два года проводит в военных походах.

Разговор, подслушанный в трактире у «Старых лавок»

«Слышал новость, что про нашего лысого кобеля говорят?»
«Опять чужих жен пользует, а потом за их дочерей принимается? Слышим уже который год эти новости». «Хуже. Я тебе так скажу, по городу совсем нехорошие слухи ходят. Будто Цезарь решил взять Клеопатру своей второй женой. И это еще не все. Еще люди говорят, что он столицу из Рима в Александрию перенести хочет». «Да брешешь». «Это собака брешет, а я Юпитером клянусь!» «Ну, Евтих, и вести у тебя... Эй, Цинна, принеси-ка еще вина! Такая новость в сухое горло не

залезет». «А еще говорят, будто Цезарь приказал отлить статую Клеопатры из чистого золота и поместить ее у алтаря Венеры Прародительницы. И гаденыша этого Цезариона хочет своим законным сыном признать».

Александрийские предвкушения

Когда в 47 до н. э. Клеопатра родила сына, она дала ему имя с «претензией» - Птолемей Цезарь, как Птолемей он - будущий царь Египта, как Цезарь – будущий правитель Рима. Дела в Египте шли плохо, нужно было восстанавливать пострадавшую от пожаров Александрию, наводить порядок в стране, реформировать управление, укрепить армию. Однако Клеопатре это казалось неинтересным, все ее надежды и мысли были связаны с Цезарем, Римом и Цезарионом. Она решает стать как минимум женой Цезаря. И вот Цезарь возвращается с победой в Рим.

Римские каникулы

В середине лета 46 до н.э. Клеопатра вместе с мужем, сыном и свитой прибыла в Рим и поселилась на вилле Цезаря, где тот постоянно ее навещал. То, что Цезарь принял Клеопатру в своем доме при здравствующей жене, произвело неблагоприятное впечатление в обществе и послужило предметом пересудов и сплетен. С одной стороны, Клеопатра находилась в Риме на положении почетного трофея, с другой – могла стать женой Цезаря.

В августе Цезарь отпраздновал пышный четверной триумф: победу над Египтом, Галлией, Понтом и Африкой. Во время триумфа были продемонстрированы богатые трофеи и знатные пленники, в том числе сестра Клеопатры Арсиноя. Клеопатру же объявили другом римского народа.

После праздников Цезарь делал попытки развестись с женой и стал проводить крайне непопулярную в народе и в политических кругах реформу власти, в результате которой упразднил должность трибунов. Постепенно он превращался из избранного народом консула в диктатора. Оба шага вызвали

недовольство римских граждан и подтолкнули политических противников Цезаря к заговору.

В конце 46 года до н. э. он срочно отправился в Испанию, где против него собрались войска сторонников Сената. Настроение в Риме все это время оставалось тревожным и неясным. Лишь в начале октября 45 года н. э. Цезарь вернулся в Рим с победой и устроил новые триумфальные праздники теперь уже по причине победы римлян над римлянами.

Вскоре Цезаря провозгласили диктатором без ограничения срока. Он готовился к парфянской войне, а республиканцы - к заговору. Цезарь был убит в марте 44 года до н. э. В его завещании о сыне Клеопатры не было сказано ни слова. Планы Клеопатры рухнули. Опасаясь за свою жизнь, она бежала в Египет. Цезарь и Рим ей не достались.

Из произнесенной речи Цицерона

Прежде чем говорить перед вами, отцы-сенаторы, о положении государства так, как, по моему мнению, требуют нынешние обстоятельства, я вкратце изложу вам причины, побудившие меня к этому. Речь идет о Цезаре. И речь идет о Клеопатре. Божественные почести её торжественно принимают в Капитолии, сенаторы вынуждены склонять перед нею головы. Цезарь распорядился, чтобы соорудили мраморную статую Клеопатры и установили ее в храме Венеры, сравнив её с богами.

Ходят слухи, что он собирается разводиться со своей законной женой Кальпурнией, чтобы жениться на чужестранке и сделать ее царицей, что столицу перенесет он в Александрию, а Цезариона объявит своим законным наследником. Многие знатные римляне ропщут, обеспокоенные тем, что их правителем может стать сын чужеродной Клеопатры. Солдаты на улицах Рима распевают песни, в которых называют Клеопатру шлюхой.

Мы не придаем значения тому, сколько любовниц имеет Цезарь, но он наносит оскорбление республике!

Египетские ночи

В 44 году до н. э. Клеопатра вернулась в Александрию и некоторое время оплакивала Цезаря. Однако через год, накануне совершеннолетия, позволявшее управлять страной, ее муж Птолемей скоропостижно скончался. В его смерти сразу же обвинили Клеопатру, но ничего не было доказано. Молодая вдова тотчас же объявила своим соправителем четырехлетнего сына Цезариона и стала царствовать в Египте единолично.

Во время гражданской войны, начавшейся после смерти Цезаря и длившейся до 42 года до н. э., Клеопатра поддержала сторонников Цезаря Марка Антония и Октавиана. На помощь им она отправила флот и армию. Но войска были перехвачены и присоединились к республиканцам. Клеопатра снарядила и послала триумвирам еще один флот, но корабли попали в шторм и не добрались до цели. К тому же один из вассалов Клеопатры оказал сопротивление Антонию. Война закончилась полной победой сторонников Цезаря. Брут покончил с собой. Остатки его войска сложили оружие. Антоний стал правителем восточной части Римского государства.

Внутренняя ситуация в Египте было неустойчивой, к этому добавились проблемы за границей. До поры до времени Риму было не до Египта, но теперь, когда враги были повержены, а распри улеглись, над Клеопатрой начали сгущаться тучи, и только неустойчивое положение внутри страны мешало Риму немедленно послать в Египет войска и положить конец этой затянувшейся драме.

Антоний.

Из недошедших до нас воспоминаний Октавиана

Марк Антоний – римский гражданин, консул, близкий друг, сторонник, помощник и протеже Цезаря. Прекрасный полководец, но плохой политик. Пользуется любовью народа за смелость и душевную широту, но наивен и тщеславен. Наделён еще многими слабостями: легкомыслен, простодушен, драчлив, склонен к выпивке и разврату. В общении обожает издевательские шутки, что отрицательно сказывается на его

карьере и отношениях. Находится под сильным влиянием Клеопатры. Пребывает в плену своих желаний и потому враг себе самому и сам виноват во всех своих бедах.

Антоний и Клеопатра

В 41 г. до н.э. Антоний, ставший правителем восточной части Римской империи, прибыл в Киликию для сбора дани с государств-вассалов. Он приказал Клеопатре явиться в ставку и дать ответ на обвинения, которые против нее возводились: поддержка республиканцев войсками, финансирование армии Кассия. Выждав некоторое время, Клеопатра выехала, вооружившись богатыми подарками и женским обаянием. И то, и другое на Антония подействовало.

Они понравились друг другу, как мужчина и женщина, подошли и по характеру, особенностью которого было потворство своим желаниям. К тому же их объединяла фигура Цезаря: Клеопатра имела от него сына, а Антоний был соратником и учеником вождя. Еще у них были общие цели: Антоний хотел стать единственным правителем Рима, а Клеопатра – царицей Азии. Наконец, у Клеопатры имелись деньги и продовольствие, у Антония – армия и талант полководца. Союз был полезен и приятен, и потому неизбежен. Ей 28, ему 41 год.

Вместо того чтобы заковать Клеопатру в цепи и лишить Египет суверенитета, Антоний теряет голову. Он казнит по просьбе царицы ее сестру Арсиною и признает Цезариона законным наследником египетского престола. После чего союзники и любовники удаляются в Александрию, где, забыв о политике, предаются пирам и развлечениям в духе Востока.

В это время из Рима начинают поступать одно тревожное известие за другим, и история повторяется. Как и Цезарь, Антоний бросает беременную Клеопатру: ему нужно улаживать дела с женой Фульвией, Октавианом и воевать с парфянами, которые неожиданно выступили против Рима.

Тучи сгущаются и рассеиваются, неопределенность остается

Клеопатра не понимала, что в лице своих недругов, борется не с ними, а со всем Римом, его традициями и законами. Что она не римская гражданка, а всего лишь царица восточной окраины Рима. Что она не ровня Цезарю и Антонию и всегда будет в глазах римлян «египетской блудницей», когда-то околдовавшей Цезаря, ускорив его гибель, а теперь завладевшей волей и рассудком Антония.

Пока Антоний развлекался с Клеопатрой, а Клеопатра - с Антонием, его партия вела политическую борьбу с противником Антония Октавианом. В Риме оставалась и его третья жена Фульвия, наиболее решительно отстаивающая права Антония. Наконец, Фульвия подняла против Октавиана мятеж, но выступление было подавлено. Фульвия бежала, но была настигнута и убита. Тучи над головой влюбленных сгустились, отсиживать в Александрии Антоний уже больше не мог.

В начале 40-го года до н. э. политические противники встретились и помирились. Октавиан и Антоний заключили новое соглашение о разделе полномочий. Римская империя была разделена на две части. Антония в знак дружбы женился на сестре Октавиана Октавии и три года в Александрии не показывался. Планы Клеопатры рушились. В отсутствие Антония она родила от него двойню.

Клеопатра и Антоний

В 37 году до н. э. после военных побед в Азии, а частности над Сирией и Арменией, Антоний снова вызвал Клеопатру в ставку, чтобы она доставила его армии продовольствие. Любовники встретились. Вместе с хлебом Клеопатра привезла Антонию детей, которых он признал. Хитрость и расчет, страсть и любовь принесли свои плоды, и Антоний вновь оказался во власти гречанки. Они сочетались браком, который был по римским законам недействителен, поскольку Антоний был женат. Опираясь на финансовую поддержку Египта, Антоний начал борьбу за власть в Риме и войны в Азии. Опираясь на

поддержку Антония, Клеопатра начала осуществлять свои планы по возрождению египетской империи.

Их роман достиг пика в 34 году до н. э., когда Антоний даровал ей титул «царицы царей». Любовники жили в Александрии, проводя время в пирах, оргиях и иных развлечениях. Оттуда, по приказу Сената, Антоний выступал с военными походами, отличающимися переменным успехом, но свои триумфы отмечал не в Риме, а в Александрии. К тому же Антоний начал чеканить монеты с профилями любовников.

Антония губило тщеславие и страсть. Он начал дарить Клеопатре территории, завоеванные в боях римлянами. Этими поступками граждане Рима, прощавшие полководцу многие слабости за его смелость, честь и простоту, были возмущены. Недовольство Антонием возрастало. Ненависть Рима к Клеопатре увеличивалась. А они не чувствовали опасности.

В 32 до н. э. Октавиан выступил в Сенате с обличительной речью против Антония и от имени Сената объявил Клеопатре войну. Антоний и Клеопатра встретились в Афинах и стали собирать войско, но не слишком усердно, так как основное время предаваться развлечениям. Наконец, Антоний послал Октавию письмо с уведомлением об официальном разводе, и к политической необходимости войны добавилось личное оскорбление. Октавиан объявил парочке войну.

Из утерянных архивов царя Ирода

А Клеопатра эта бесстыжа, как блудница. Корысть ее безгранична. Жадность безрассудна. Провожая Антония в поход, грабила она и храмы, и гробницы, и не было такого священного места, какое она пропустила.

А на обратном пути была она в Иудее и жила долго во дворце Ирода, побуждая царя к замыслам коварным и предлагая свою любовь. Ирод же и раньше осуждал Клеопатру, а теперь стал ее ненавидеть за такое бесстыдство. И помыслил убить ее, да не убил, лишь опасаясь мести Антония.

А еще говорят, что напраслину Клеопатра возводила на жену Антония Октавию, астрологов к нему подсылала с клеветой на нее и принуждала Антония развестись с нею, дабы не навлекла та на Антония и детей его большие несчастья. А когда Октавия

отправилась к Антонию в Афины с подарками дорогими и снаряжением для его войска, даже не встретил ее Антоний, а приказал возвращаться в Рим.

Морская битва при Акциуме

Относительно военной кампании в рядах союзников Антония и Клеопатры, да и между ними согласия не было. Партия Антония считала, что нужно дать сражение на суше и после победы идти на Рим. Клеопатра настаивала на морском сражении, и, в случае поражения, организованного отхода в Египет. Пока они спорили, армия Октавиана подошла к берегу Амбракийского залива напротив мыса Акциум, где располагались главные силы Антония, а его флот запер египетские корабли в проливе.

С ранней весны до начала осени сражение не начиналось. Шло время. Египтянка сорвала переговоры, которые вел Антоний. Пребывание Клеопатры в ставке и ее попытки управлять войсками отвратили от Антония многих сторонников. Из-за трудности с подвозом продовольствия в армии начался голод. С кораблей дезертировала треть экипажей. Антоний выбрал лучшие корабли с отборными воинами. Остальные суда сжег и 2 сентября пошел на прорыв.

Сражение было упорным, но в решающий момент, когда исход битвы был не ясен, Клеопатра предала Антония и бежала. Обнаружив это, Антоний с шестьюдесятью кораблями вырвался из окружения и взял курс на Египет. Большая часть флота Антония была окружена, но продолжала сопротивляться, а его легионы, стоявшие на берегу и наблюдавшие за развитием битвы, еще семь дней отказывались сдаться.

Разговор у походного костра

Если вы ждете отрывок, иллюстрирующий отношение военных к этой глупой войне и к Антонию и Клеопатре, то он имеется. Разговор происходил между префектом лагеря Сервием Рефидием Первым и центурионом Луцием Корнелием Руфусом - ветеранами легиона Антония. Однако не могу его

привести по причине нравственности и морали. Слишком уж много в речах легионеров было матерных слов. В общем, старые вояки, делаясь своим мнением о военной кампании, были очень недовольны действиями начальства.

Каждый за себя

Почти год был у Клеопатры и Антония до развязки. Вот как они провели это время.

Клеопатра. Сначала собрала новый флот и армию. Потом надумала перевезти корабли в Красное море и оставить Египет, но из этой затеи ничего не вышло. Затем решила отказаться от трона в пользу сына Цезариона. Потом стала подыскивать способ самоубийства. Яды она испытывала на заключенных и нашла то, что нужно. Клеопатра построила на берегу моря усыпальницу, куда перенесла все свои сокровища. Наконец, она вела переговоры с Октавианом, пересылая ему богатые подарки и обещая мир и себя впридачу. Но римлянина устраивал лишь один вариант – убийство Антония или его выдача, однако без Антония царица была обречена и согласия на это не давала.

Антоний. Обвинил в поражении Клеопатру и начал сильно пить. Вел переговоры с Октавианом, прося у него пощады в обмен на выдачу Клеопатры и сдачу Египта, но Октавиан ему не поверил.

Вдвоем они то ссорились, то мирились, то устраивали многодневные оргии, то готовились к войне.

Весной 30 года до н. э. войска римлян подошли к стенам Александрии. Клеопатра вооружила форты Пелузы и Александрии, но сразу же сдала их Октавиану. К тому же она отослала флот, чтобы Антоний не мог уплыть с ним в Испанию. Сначала Антоний одержал победу, а потом остался без армии, которая сдалась. Клеопатра заперлась в собственной усыпальнице, не зная, что предпринять. Ей нужно было сохранить, если не власть, то хотя бы свою жизнь и жизнь детей. 1 августа Клеопатра, помня об их клятве не даваться Октавиану живыми, инсценировала самоубийство, дабы вынудить Антония покончить с собой. Потрясенный изменой армии и смертью Клеопатры, Антоний пытался заколоть себя мечом, но неудачно. Вскоре он умер от раны у нее на руках.

В это время Октавиан вступил в Александрию, занял царский дворец и приступил к выплатам долгов своим легионерам, для чего использовал награбленное и захваченное.

Последний август

После смерти Антония посланцы Октавиана захватили Клеопатру. А пленница пыталась безуспешно повлиять на римлянина. Начались мучительные переговоры. Октавиан заверял царицу в своем добром к ней отношении и обещал, что, в случае ее отречения от трона, проявит милосердие. Клеопатра соглашалась при условии, что царем Египта станет ее сын от Цезаря. Но это не устраивало Рим.

Тогда Клеопатра пообещала покончить жизнь самоубийством. И поначалу отказалась от пищи. Тогда Октавиан пригрозил, что убьет детей Клеопатры, если та продолжит голодовку. Душевные мучения привели ее к лихорадке. Она слабела с каждым днем, но согласия не давала. Так прошел весь август.

Наконец, 28 числа Клеопатра узнала, что Октавиан намерен отправить ее в Рим, дабы провести в цепях, словно рабыню, за своей колесницей во время триумфа, а претендента на престол Цезариона - убить. Тогда Клеопатра решила на самоубийство. Во время обеда ей принесли корзину с фруктами, под ними скрывалась ядовитая змея. Умерла Клеопатра в последний день августа и была погребена рядом с Антонием, о чем просила Октавиана в предсмертном письме.

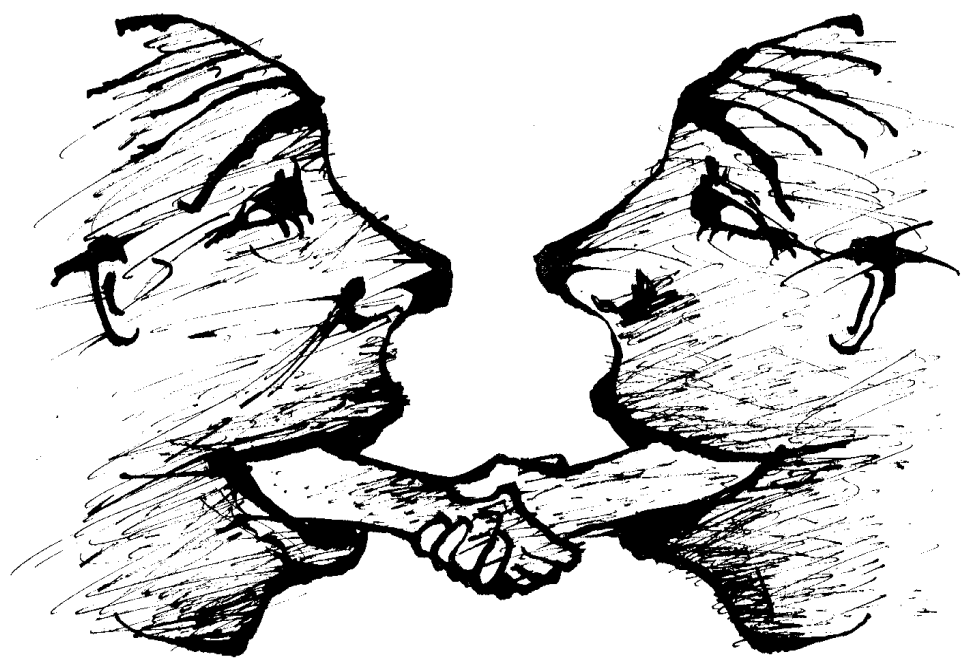
Египет был превращен в римскую провинцию. Захваченные сокровища пошли на оплату легионерам и покупку земель для ветеранов. Октавиан принял меры для улучшения экономического состояния страны, усугубившегося в годы правления Клеопатры, и восстановил запущенные оросительные каналы. Сын Клеопатры от Цезаря был убит, а троих ее детей от Антония провели, как военный трофей во время триумфального шествия.

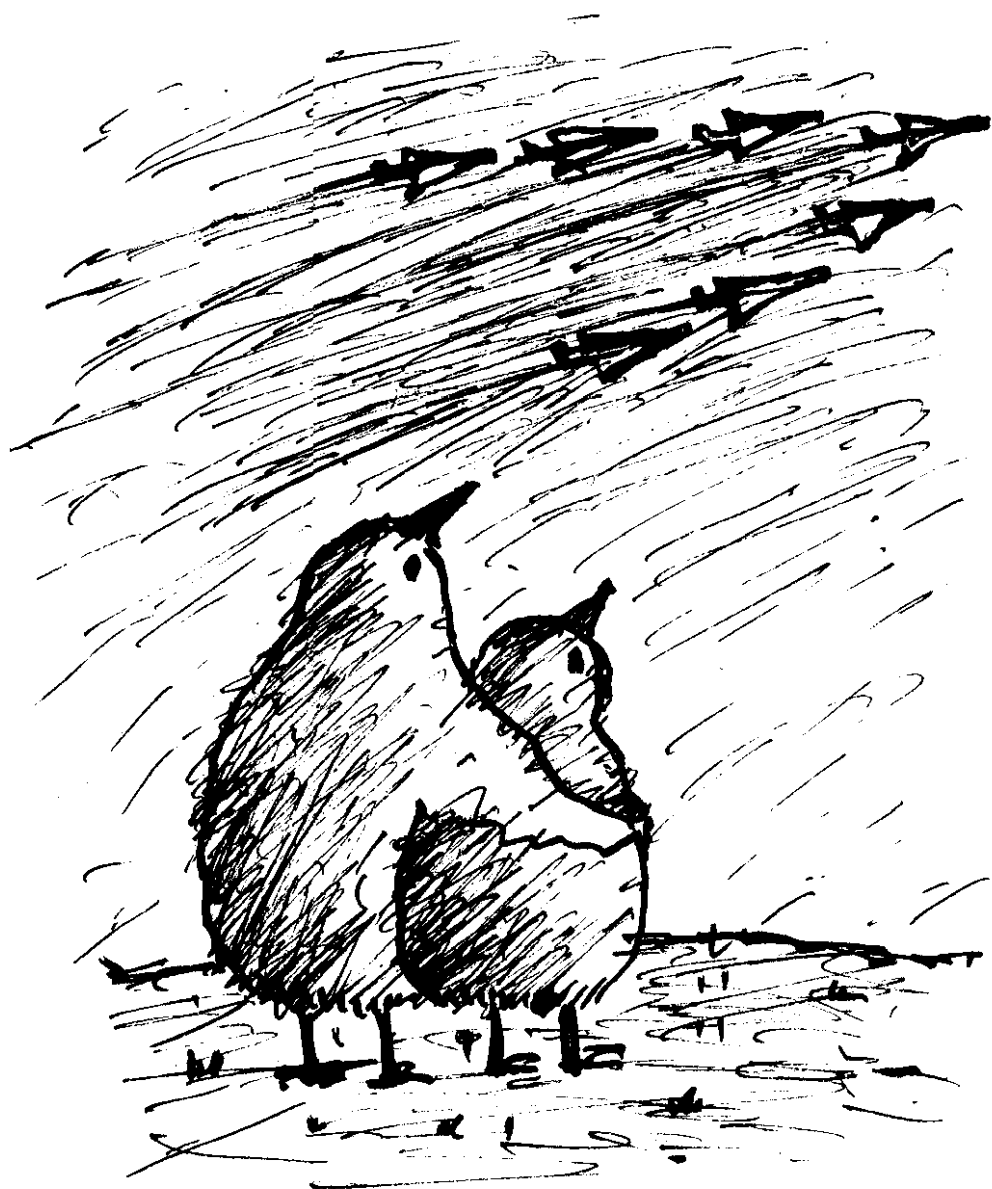
Из письма Октавии к близкой подруге

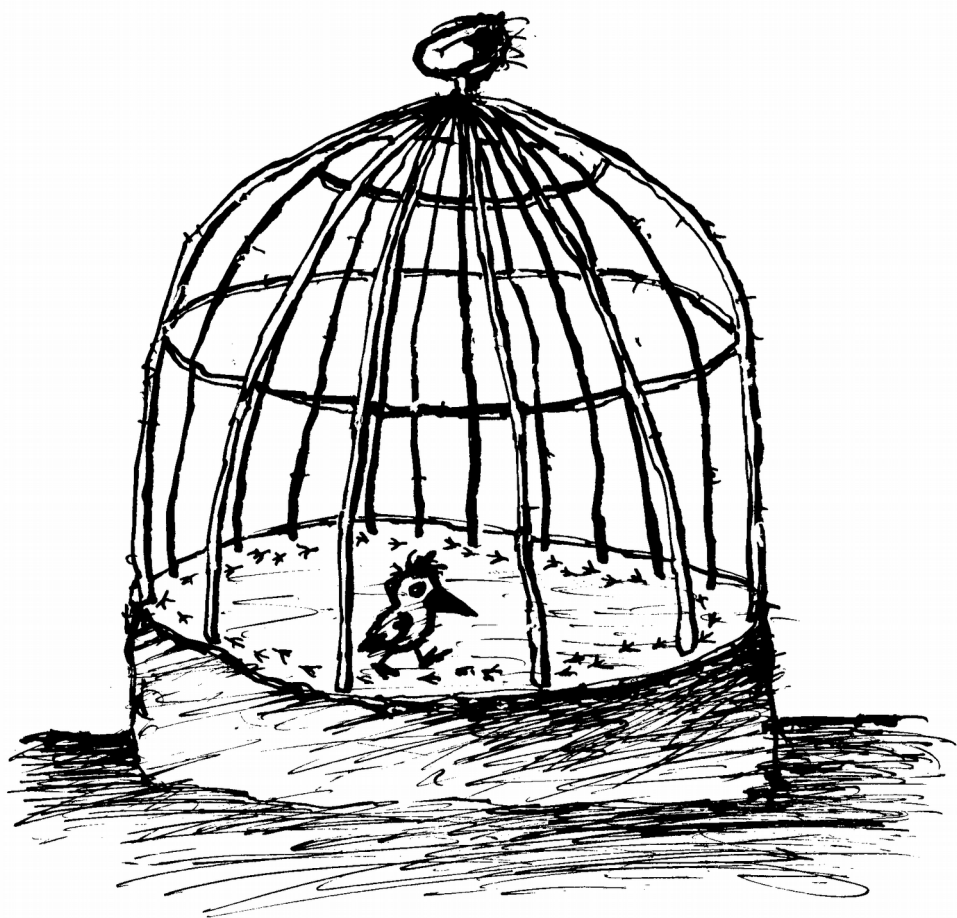
Знаешь, милочка, меня в пример ставят. Говорят, будто я благочестива и скромна, что я настоящая сабинянка и матрона. Верь этому, голубушка. Рассуди сама, когда мне развлекаться? Дети отнимают все мое время. А какие сейчас дети? Хлопот не оберешься. Особенно если их без одного десятка.

Давно мы не виделись, но, как ты знаешь, у меня трое от моего первого мужа Марцелла. Да что я говорю, ты же их видела. Совсем уже взрослые. Да от Антония две дочки: Антония Старшая и Антония Младшая. Симпатичные такие. Взяла я к себе и младшего сына Антония от Фульвии. Юлом зовут. Шалун. Да еще на воспитании у меня трое детей Антония от Клеопатры: Александр, Птолемей и Клеопатра. И не легко мне приходится. Тот учитель, которого я купила в прошлом году, совсем неплох. Учит счету, письму и греческому. Дети его любят. Еще скажу, что Клеопатра очень наряжаться любит. Вся в мать пошла...

В поисках параллельных и перпендикулярных Дао

Очень-очень-очень давно великий даосский муж Тофу в результате неслыханного эксперимента создал чудесный зародыш Поднебесной. Из этого зародыша вскоре выросла еще одна Поднебесная со всеми ее горами, лесами и жителями - точная копия первой. Поэтому с тех пор между небом и землей начали существовать сразу две Поднебесные, располагавшиеся друг относительно друга в качестве параллельных Вселенных.

Сначала обе Поднебесных развивались, как и следовало ожидать, параллельно, но потом - перпендикулярно, посему между ними начали со временем возникать и накапливаться отличия и противоречия. Дело в том, что в одной Поднебесной люди, как могли, из последних сил следовали Дао, а в другой - Дао не следовали. А какая именно Поднебесная, первая или вторая, следовала или не следовала Дао, неведомо. Даже неизвестно, какая из них одна, а какая другая.

Ходят слухи, будто какая-то из Поднебесных стала впоследствии Китаем. Но нам ли верить подобным слухам. Могут охарактеризовать эти измышления одним словом: они нелепы, ибо Поднебесная - это Поднебесная, а Китай - это Китай. И, как отмечал еще Редьярд Киплинг, «вместе им не сойтись».

В таких случаях Лао-цзы говорил... а впрочем, какая разница, что он говорил. Ле-цзы тоже что-то говорил. И Чжуан-цзы. И где сейчас все эти люди? В какой из двух Поднебесных они и мы находимся? В какой из двух Вселенных я существую и живу? Вот вопрос, который уже много лет не дает мне покоя.

К вопросу об иконографии китайских драконов

Чего скрывать, но до реформы Гуан-ди в китайских провинциях чудес случалось гораздо больше, чем после реформы. В подтверждении сказанного можно сослаться на широко известный трактат «О нефритовом подзатыльнике» знаменитого Тзы-цзы или перечитать только что опубликованную в «Мюнхенском научном скоросшивателе»

статью Рихарда Вильгельма «Китайские чудеса в свете баварского пивного фольклора».

Всем известна китайская притча о драконе и художнике, но мало кто знает, что она - не вымысел, а чистая правда, и история эта основана на неоднократно повторявшихся в прошлом событиях.

Притча гласит, будто жил некогда в деревне Ха, в уезде Хя художник Хи, который, сколько себя помнил, мечтал нарисовать дракона, однако натура была неуловима. И вот однажды, сидючи у себя дома и горюя на означенную выше тему, Хи увидел, как самый настоящий дракон просунул голову в окошко его хибары. Юный живописец так испугался, что не запомнил, как зверюга выглядел.

Пытливый читатель сразу обратит внимание на тот факт, что если с изображением драконов дела обстояли так неважнецки, отчего же древняя китайская иконография сохранила для потомков множество изображений этих существ. И он (в смысле, читатель) будет абсолютно прав, уличив, тем самым, специалистов-китаистов в злокозненном снобизме и околонуточном нигилизме. Мы же обратимся к вышеперечисленным трудам, авторы которых поднялись выше предрассудков своего времени и реконструировали старинный китайский обычай в мельчайших подробностях.

Итак, жизнь юного художника Хи была нелегка, поскольку изобиловала несправедливостями бытового и возвышенного свойства. «Ей, рожа, ты мне должен», - кричал ему каждый раз при встрече мастер по оглоблям Хо и отвешивал Хи увесистый шелобан. «Ей ты, лентяй! - ворчал на юношу просветленный подвижник Хы, возвращаясь в родную деревню с гор. – Подь-ка сюда», - и бил нашего героя по заднице своей знаменитой на всю округу суковатой палкой. А челядь господина Хэ, проводящая время по вечерам в поисках приключений, завидев живописца, задирали его каждый раз, и все по-разному. Не со зла, конечно, задирали, а для порядку. Так и тянулись разнообразно горемычные дни молодого дарования.

Но вот, на самой вершине синего неба возникало вдруг маленькое белое облачко. Постепенно оно увеличивалось в размерах, и, так же незаметно, в духе «Книги перемен», менялось отношение жителей населенного пункта к нашему рисовальщику. «Уважаемый Хи, не одолжить ли тебе пару

монет?» – обращался к нему при встрече мастер по оглоблям Хо. «Вижу, молодой человек, вы трудолюбивы и талантливый», – говорил ему при встрече просветленный мастер Хы. Даже местную красавицу по имени «Сколько яблоко ни надкусывай, все равно целое» командировали к живописцу домой для оказания помощи в хозяйстве и по другой какой надобности и уже пару дней дева вдохновляла юношу игрой на цыне и пением песен из книги Шицзин. Что было на удивление приятно, ибо грело художнику душу.

Дело в том, что в обычные дни красавица не обращала на Хи, да и на всю деревню кроме старосты, никакого внимания. И когда весь народ горбатился на рисовых полях, она отправлялась в уездный город Ху, и всегда возвращалась оттуда со связкой монет и отрезом тончайшего шелка. Как это у нее получалось, никто объяснить не мог. Но женщину уважали. И вот теперь она, как и многие другие селяне, оказывала молодому человеку искренние знаки внимания. Теперь Хи чувствовал на себе всенародное внимание и любовь, и поэтому чувствовал: настает его час.

В то время как мы вели наш неспешный рассказ, облако уже успело зависнуть над деревней, и всем было ясно: к деревне приближается самый настоящий дракон.

«Чудо! Чудо!» – кричали крестьяне и поскорей бежали с полей, дабы покрепче запереть окна и двери. «Чудо! Чудо!» – восклицал просветленный Хы, светлея при этом еще больше. «Чудо! Чудо!» – вопил господин Хэ, старательно проверяя засовы. А по деревенской улице, обходя лужи и поглядывая с любопытством по сторонам, шествовал, переваливаясь по-моряцки с ноги на ногу, дракон. По заведенной издавна традиции он останавливался у избышки художника и просовывал голову в единственное в деревне открытое окно.

И тут, по команде деревенского старосты, каждый от мала до велика, со всех четырех сторон кидались на животное, дабы оно не улетело. Мастер по оглоблям Хо первым отважно бросался на драконью шею, просветленный Хы тут же хватал дракона за хвост, ну а остальная деревня во главе с господином Хэ, усаживалась чудищу на спину, прижимая скотину к земле собственным весом.

Просунувшийся в окошко дракон временно терял подвижность. И то был звездный час живописца, который творил

волшебство своими кистями так же непревзойденно и естественно, как солнце дарует нам свет, а туча - влагу. Полчаса - и работа готова. На миниатюре – дракон. Как вылитый. А вся деревня, задрав головы, уже любит не портретиком, а маленьким белым облачком, в кое превратилось улетающее восвояси чудо. Облачком, которое вот-вот должно исчезнуть, но все не исчезает, видимо, подчиняясь даосскому закону постепенного перетекания Иня в Ян. И так до следующего раза.

Да, до реформы Гуан-ди часто драконы по деревням шастали, ну, а как все провинции в Поднебесную объединили, так и дудки. Пропали драконы, а куда пропали, никто ничего об этом не знает и не ведает.

Разносторонний Юй

Сидели как-то в тени платана великий мастер Бян Пяо и его любимый ученик Лу Динь.

«Учитель, - обратился воспитанник к Бяну, - говорят, в нашем уезде появился мудрец и зовут его Юй. Что он за человек, этот Юй?»

«Даже Желтый предок не знает. Откуда мне знать?»

«Но ведь вы все знаете».

«Откуда знать тому, кто все знает, если гадатель на панцире черепахи не знает?»

«Но учитель, говорят, что он родился в царстве Пэн как и вы?»

«Правда?.. Ну, что сказать о Юе? Юй обрел целостность чистой пустоты и получил власть над тьмою вещей. Однажды он улетел к бессмертным, оседлав белое облако, но вернулся, чтобы нести людям истину. Когда он идет, то идет, а почему идет, неведомо. Когда он сидит, то сидит, а почему сидит, непостижимо. А когда он лежит...»

«Учитель, - снова перебил его Лу Динь. - Вы должны хорошо знать Юя, ведь вы, говорят, жили с ним в одной деревне и ваши дома были по соседству».

«Ах, Юй! - переменился в лице Бян Пяо. - Даже разбойник Джи достоин снисхождения, но только не Юй. Когда он ушел из наших краев, то остался мне должен пять мыней серебром. Когда он соблазнил жену важного человека из Эу, его посадили в темницу. Но там он обыграл стражника в кости, и тот отпустил

его на все четыре стороны. А когда Юй лежал на берегу реки и слушал пение цикад, то повстречал путников из того же Эу, которым продал чью-то лодку. Воистину, у него многому можно научиться».

Полное собрание сочинений

Некогда управлял могущественным царством Шу мудрый повелитель Багуа - личность разносторонняя и непредсказуемая. Например, Багуа был легким в общении, но тяжелым по характеру, щедрым в обещаниях, но скупым на деле. Еще Багуа был тонким внутри, но грубым снаружи, поэтому днем орал на своих подчиненных без разбору, а по ночам слагал проникновенные стихи, относящиеся в первую очередь к пейзажной лирике. За грубость его уважали, за стихи – любили.

Однажды оказался в его владениях странствующий поэт Цзю Сю, и тут же был схвачен и доставлен во дворец. Узнав о такой неожиданной удаче, Багуа приказал выключить во дворце интернет, телевидение и телефоны, дабы никто не мешал. И всю ночь слушал стихи Цзю Сю о том, как молчит по ночам луна и звенит тетива спущенного лука. Под утро повелитель так расчувствовался, что заплакал, а поняв, что плачет, приказал бросить Цзю Сю в темницу.

«За что, милосердный владыка? – взмолился поэт. – Разве мои стихи так плохи?»

«За то! - ответил Багуа переменившимся голосом. – Просто я люблю поэзию и коллекционирую поэтов».

Как Ле Тунь летать научился

Много историй знает Поднебесная. Тысячи людей отметились в реестре народонаселения страны «Тьма преданий». Кого ни возьми, у каждого свой шесток, своя правда и своя история. Одного из таковых звали Ле Тунь, и была у Ле Туня заветная мечта – летать научиться.

В детстве Ле падал с лавки, в отрочестве – с дерева, в юности – с крыши. Возмужав и окрепнув, Тунь начал прыгать со

скал, обрывов и сигнальных башен. Но толку от его подвигов было мало. Лишь однажды он зацепился ноговицей за выступ даосской пагоды и провисел над землей полчаса, пока его не сняли монахи, надавав ему крепко по заднице за нарушение общественного порядка. Как ни махал руками Ле Тунь, подражая птицам, он неизбежно плюхался на землю, и лишь каждодневные занятия ци-гуном и тайцы-цуанем спасали его от увечий и синяков.

Однажды, замыслив отчаянный прыжок в пропасть, Ле встретил на заранее выбранном пятачке над пропастью странствующего монаха. Тот словно ждал встречи с естествоиспытателем и, выслушав историю извечного противодействия Природы и Человека, изрек:

«Дурачина ты, Ле Тунь, и простофиля, потому что идешь против своего Дао».

«А какое у меня Дао? – удивился Ле.

«Пойдем со мной и узнаешь».

Первую ночь путники остановились на постоялом дворе, где монаха хорошо знали. И он напоил своего молодого спутника такой крепкой настойкой, какую наливают в уезде Бяо только по очень большому знакомству. Ле Тунь выпил, еще раз выпил, а потом снова выпил. И летал, летал, летал и летал от нахлынувшего на него беспричинного счастья, не слезая, впрочем, с насиженного топчана.

В другой раз, когда парочка остановилась на постой в уездном городе Гоу, монах устроил ученику свидание с женщиной, славящейся своим искусством в любви. И Ле, угробивший свою юность на естествоиспытания, пока его сверстники занимались более приятными вещами, летал, летал и летал с ней до самого утра.

День за днем шли путники, пока не достигли монастыря с романтическим названием «Обитель Фенхуан», где и поселились на время. Настоятель монастыря, старый Мынь, был строг, но справедлив и, узнав историю Туня, задал ему соответствующий при возникших обстоятельствах вопрос: что такое бескрылый полет?

Три долгих месяца думал Ле над этой задачкой. Голова его распухла от мыслей, мысли летали в ней, как перепуганные голуби, отчего Туня то пучило, то тошнило. А ответ все никак не приходил.

И вот настал день предстать перед мастером. Худой, нервный и невыспавшийся Ле Тунь вошел в каморку к Мыню и сразу же услышал: «Что такое полет без крыльев?! А ну, говори!!!»

Тут у Ле Туня совсем ум за разум зашел. Он оттолкнул Мыня от стола с письменными принадлежностями и тремя ударами кисти изобразил парящего в небе журавля.

Так и нашел Ле свое Дао. Так и стал Тунь отменным живописцем и знаменитым каллиграфом. Так и научился он летать без крыльев, потому что творчество – это всегда полет, и если не умеешь летать, ни искусства в тебе не будет, ни творчества. Только ремесло одно. Но творить – не похлебку варить.

Если доведется вам побывать в городе Гоу, посетите тамошний музей изящных искусств. Зал Ле Туня вы найдете без труда. Там всегда кто-нибудь ищет свое Дао, и, кстати, совершенно напрасно это делает. Ибо изображенное Дао не есть настоящее Дао, и Ле Тунь хорошо понимал это.

Воздушный змей

В харчевне постоялого двора уездного города N, трое коммивояжеров рассказывали друг другу, коротая время, разные чудные истории, правдивость которых вряд ли можно проверить, и запивали свои байки рисовой водкой. Народу набилось много и вскоре к ним подсел непонятного чина и ремесла человек, не проронивший, впрочем, ни слова, а закончив с трапезой, собравшийся уходить.

«Нет, постой! Погоди! – схватил его за полу халата торговец, что сидел рядом. - Так дело не пойдет. Чжоу Лань рассказал свою историю, Линь Бяо рассказал, я рассказал. Теперь твоя очередь».

«Ну что ж, - начал незнакомец, чувствуя, как крепко в него вцепились, и понимая, что выйдет из харчевни без драки, только рассказав свою историю. – Уговорили».

Он положил на стол суму, устроился поудобней и кликнул служку, наказав тому принести рисовой для себя и своих новых товарищей.

«Лет двадцать тому назад, - начал странный путник, - случилась в некотором царстве некоторая история. Правитель решил выдать дочь замуж, так как пришла пора замуж ей выходить, и объявил среди женихов соревнование. Правила были такие: кто предоставит на суд почетной комиссии лучшего воздушного змея, тот невесту и получит.

Царь был, конечно, большой оригинал, но и в мудрости ему не откажешь. Он рассуждал так: тот, кто любит воздушных змеев, устремлен в помыслах к Небесам, но тот, кто умеет их делать, не пропадет и на земле. Смастеривший красивого змея знает толк и в ремесле, и в красоте, а тот, кто сможет управлять змеем, справится и с женой, и с хозяйством.

Богатые женихи, прознавшие о новости, валом повалили в деревню, славившуюся своим мастером по изготовлению воздушных змеев, потому как, сами понимаете, в ремесленном деле ничего не смыслили. А был сей мастер обыкновенным парнем.

Никто не знал, откуда он и какого рода-племени, ибо подбросили его под дверь деревенской кузни еще в младенчестве. По этой причине ничего в жизни Подкидышу – а звали его именно так - не светило. Все дни напролет он трудился в мастерской. И не было за тысячу ли вокруг ни единого человека, искуснее его. Или ухаживал в саду деревенского старосты за хризантемами - очень уж он эти цветы любил. А ежели выпадало свободное время, бродил по окрестным холмам, встречая рассветы, провожая закаты и слагая об этом стихи.

И вот за неделю в мастерскую поступило столько срочных заказов, что Подкидыш перестал из нее выходить, устраиваясь на ночь на лавке. Мастерил он воздушные змеи, один искусней другого. И такие они были справные, что сами бы улетели в небо, кабы не крепкие нити.

Когда настал день состязания, перед царем, его дочерью и вельможами предстала удивительная картина: высоко в небе парил букет разноцветных хризантем, ибо каждый воздушный змей нес на себе изображение цветка. Так судьи поняли, что соревнование выиграл тот, кто в них не участвовал. Правитель приказал найти безвестного умельца и доставить его во дворец.

«Как тебя зовут? – спросил он, выслушав короткую историю жизни юноши.

«Подкидыш», - ответил Подкидыш.

«Что за имя за такое? – удивился царь. - Не знаю такого имени. С этого дня ты Найденыш. Будешь жить у меня во дворце и предсказывать погоду, а о змеях, стихах и хризантемах лучше забудь».

«Но владыка - упал на колени Найденыш, - не умею я предсказывать погоду».

«А тебя никто и не спрашивает, умеешь или не умеешь. Я повелел предсказывать – предсказывай, а нет – отрублю тебе голову, Предскажешь неверно – отрублю тебе голову, предскажешь правильно – все равно отрублю тебе голову. Но потом. Просто я люблю рубить головы. Это моя маленькая слабость».

Что было делать парню? Как не погибнуть раньше времени? Думал он, думал и придумал соорудить огромный воздушный шар с люлькой для наблюдения за далекими облаками.

Очень эта идея понравилась царю, и он выдал Найденышу все необходимые инструменты, материалы и десяток подручных в помощники.

Работа спорилась, и вот день испытаний настал. Найденыш перерезал веревки, удерживающие шар, и горячий дым костра начал поднимать его к небу. Вскоре с земли заметили, что воздушный шар преобразился - из привязанной к шару люльки выдвинулись два крыла.

«Хороший у меня предсказатель, - радовался царь, поглядывая вверх на быстро уменьшающегося в размерах Найденыша и его надувную птицу. - Смышленный и смелый. Пожалуй, не буду рубить ему голову в этом году». Но радовался он не долго.

Найденыш скинул на землю мешки с песком, развернул крылья в нужном направлении и прямо-таки на глазах у всего честного народа полетел к ближайшему горизонту.

«Ах ты, мерзавец! – закричал царь – Поймать Найденыша немедленно! Я хочу отрубить ему голову».

Но где там. Воздушный шар уже давно превратился в точку, а потом и вовсе скрылся из виду. С тех пор никто Подкидыша не видел. Вот вам и вся история», - закончил рассказ незнакомец.

«Как это вся? Что-то ты нам не договариваешь, - рассердился Линь Бяо, - уставившись на путника нетрезвым взглядом. - Говори, что было с тем парнем дальше?»

«Ты что уже пошел? А куда ты пойдешь?» – хитро прищурился Чжоу Лань, обращаясь к незнакомцу.

Но путник уже встал из-за стола и, подхватив суму, направился к выходу.

«Ушел. Имени своего не назвал, водку не допил, еще и дверь не отворил, а уже вышел».

«Что-то, я смотрю, модно стало на сумках хризантемы вышивать. А у этого их, как у бабы какой, целый пучок», - поморщился Чжоу Лань.

«Да, - согласился Линь Бяо, - каких только типов ни встретишь в дороге».

Превратности судьбы

В Хрониках правления династии Хуацяо есть много удивительных притч, одна удивительней другой, но существует некая странная притча, которую постоянно обходят вниманием. То ли и без нее историй в жизни хватает, то ли с ней ничего нового в изящной словесности не прибавляется.

Мэй была девочкой красивой и музыкальной, поэтому в пятнадцать лет стала наложницей императора и поселилась во дворце. Года через два императору наскучили ее голос и красота и он подарил Мэй своему министру Фумэю.

Шло время. Фумэй переподарил Мэй советнику Хумэю, Хумэй – чиновнику по особым поручениям Тумэю, Тумэй – просто чиновнику Гумэю, а Гумэй взял, да и выгнал Мэй со двора. Ни дать, ни взять, но такая судьба была испокон веков у императорских наложниц династии Хуацяо.

Возвратиться домой с позором? Об этом не могло быть и речи. И тогда несчастная Мэй отправилась в лес, ибо решила: лучше умереть в лапах диких зверей, чем вернуться в родную деревню. Тут-то ее и встретил молодой отшельник Ю, который занимался в этих отдаленных местах духовным самосовершенствованием. Ю привел Мэй в свою хижину, притулившуюся у горного кряжа рядом с миленькой речкой. Когда девица согрелась и поела, он начал ее расспрашивать.

Слушая печальный рассказ Мэй и поглядывая на ее ладно скроенную фигуру, Ю думал: «Конец теперь пришел моей медитации». Рассказывая свою грустную историю, Мэй решала:

«Хоть и плохонький, но мужик. В доме всего три дженя проса, зато с голоду не помру. Дыра, конечно, но хоть крыша над головой имеется».

После того как Мэй подумала о себе в прозе, она решила подкрепить свои слова поэзией: взяла в руки цынь, села на циновку и запела грустную песню о своей противоречивой и неоднозначной судьбе. Ю, не долго думая, достал бамбуковую флейту и получился дуэт. И только они подошли к третьему куплету, как снаружи послышался угрожающий шум. Дверь хижины распахнулась и в дом вошли вооруженные люди, а за ними, судя по осанке и одежде, - знатный вельможа, который, как оказалось, сбился с дороги.

Мельком оглядев убогое жилище и ее хозяина, вельможа остановил оценивающий взгляд на Мэй...

Так, поток жизни, который тек себе и тек, неожиданно угодил в непредсказуемый водоворот, покрутился там некоторое время и отправился дальше... в ту же сторону.

Счастливая Мэй снова вернулась к привычному образу жизни.

Несчастный Ю твердо решил не покидать лес.

Жизнеописание духовного подвига мастера Хуня

История эта изложена во второй части анналов царства Юсинь. Зачем она была туда помещена, никто не ведает. Какой в ней смысл – никто не знает. Имя мастера Хуня более нигде, ни в литературных памятниках, ни в народных сказаниях, не упоминается. Именно поэтому так интересно открыть еще одну, ранее неизвестную, страницу истории древнего царства.

Итак, в городе Лоян жил некогда мастер Хунь. Жил он себе, не тужил и никого не трогал, ибо постоянно думал о Дао, а на большее у него не хватало времени. Когда он был помоложе, то много путешествовал. А потом решил с бухты барахты начать новую жизнь. И как только перестал он скитаться по свету, сразу нашел свое место. Удивителен и тот факт, что Хунь оставил свои странствия именно на той самой точке, откуда их начал. С порога собственного дома.

Устроившись на старом месте, Хунь перво-наперво решил сделать нечто большое и важное, но все, что приходило ему на

ум, уже было кем-то когда-то совершено, отчего враз мельчало в его глазах. В конце концов, Хунь забыл о великих начинаниях, а просто, от нечего делать, вырыл во дворе колодец и посадил рядом сосну.

Когда труды завершились, он вконец расстроился и решил ничего больше не делать вовсе. И только он на это отважился, разнообразные события стали происходить вокруг сами собой, подталкивая его то в грудь, то в спину. И бедный Хунь суетился так, что к вечеру валился с ног от усталости, а утром, лишь открыв глаза, принимался за гору новых неотложных начинаний.

Тогда Хунь – не век же ему суетиться? - захотел стать спокойным и счастливым, но припомнив людей, с которыми сводила его судьба, неожиданно прозрел: он уже давно был счастлив, просто за суматохой дел у него не доставало времени это заметить. После чего Хунь подумал: «Побуду-ка я немного несчастным». Но несчастья, словно почуяв это сумасбродное желание, начали обходить его стороной.

В счастливых часах и днях своей жизни мастер Хунь прекратил следить за временем, и что удивительно, время сразу перестало его подгонять и ему докучать, и отныне позволяло себя тратить так, как Хуню заблагорассудится. Однажды он настолько увлекся разглядыванием осенних листьев, что напрочь забыл о часах, и тот день длился в Поднебесной целую вечность.

С той минуты, как Хунь перестал называть вещи своими именами, мир явил ему себя без обмана. И теперь он видел то, чего не видели другие, и не обращал внимания на то, что заботило остальных. Обретя таким образом внутренний покой, он признал любые беспокойства душевным отклонением.

В конце концов, жизнь Хуня стала такой глубокой, что обрела высоту, и настолько мудрой, что опростилась. Его настоящее стало такими призрачными, что через него начало просвечиваться будущее. Поэтому приходящие к нему за советом люди старались не смотреть на мастера, чтобы у них не кружилась голова. А посещавшие его царские предсказатели, запасались шелковыми платками, дабы как следует протереть Хуню лысину, увеличивая тем самым его провидческую силу.

Прошло время и Хунь начал попросту растворяться в окружающем, и заметив за собой подобное, срочно решил стать кем-то, пока не потерял видимость окончательно. Но в тот же

миг осознал, что не может выполнить намеченное, – с самого рождения он уже был самим собой. Становиться же кем-то еще, было, по его мнению, совершенно бессмысленным. С тех пор Хунь оставался тем, кем оставался, и никогда не изменял своему Дао.

Отправившись на тот свет, мастер не провалился в преисподнюю и не умер, а всего лишь перебрался на жительство в царство Желтого источника. И в том царстве было ничуть не хуже, чем на земле. Тогда Хунь нашел на своей новой родине большой плоский камень и выбил на нем такую надпись:

«Бывает две жизни на одного, а случается одна жизнь на двоих. Еще чаще нигде, ничего не происходит, хотя всегда происходит именно то, что должно выйти. А хочешь ты этого или нет, тебя не спрашивают».

Зачем он выбил это туманное изречение, никто не ведает. Что он хотел этим сказать, никто не знает.

Дао Дадзыбао

Жизнь у Дадзыбао была нелегкой. Целыми днями он горбатился на рисовых полях в прекрасной долине с хорошим климатом. И каждый новый день давал ему, обессилевшему от вчерашних трудов, новые силы. Силы, чтобы постигать разнообразие мира, в равной мере состоящего из Иней и Яней своих и чужих поступков. Они красноречиво подчеркивали, что каждое достоинство имеет свои недостатки, а любое хорошее содержит в себе плохое. И наоборот.

Однажды, идя на работу, он встретил нищенствующего монаха, который оказался обыкновенным вором, и лишился последней припрятанной от жены монеты. В другой раз Дадзыбао увидел красивого мальчика, отрывающего крылышки у бабочек, и погладил ребенка по голове. Мальчик тот был сыном деревенского старосты, которого все уважали за справедливость, и который в это время обычно спал с женой Дадзыбао.

Жена же у Дадзыбао была женщиной доброй, отзывчивой и никому не отказывала. Каждое утро, собирая мужа в дорогу, она вручала ему увесистый узелок с едой, куда обязательно клала вкуснейшую рисовую лепешку. Дадзыбао тоже любил свою

деревню и, заведя на дороге змею, всегда забивал ее палкой, чтобы она никого не могла ужалить.

Да, жизнь у Дадзыбао была нелегкой, но он твердо верил: все в мире идет очень и очень хорошо, и плакал только тогда, когда его никто не видел.

Притча о смысле жизни

«Учитель, - обратился как-то к мастеру Юю послушник Ошка, - в чем, по-вашему мнению, заключается смысл жизни?»

Но Ошка подобрал для своего любопытства не самое удачное время. Юй отдыхал, а когда Юю хотелось отдохнуть, он садился в тени платана, брал с собой кувшин вина или даже два кувшина, это зависело от его настроения, включал гаджет с FM диапазоном и отдыхал, не ленись, в полную силу.

«Что? – переспросил Юй, - удивленно уставившись на юношу. - Ты, вообще, кто такой?»

«Я Ошка!» – радостно закричал Ошка, ваш ученик.

«Ученик? – удивился Юй, отпивая из кувшина. – А почему же ты не учишься?»

Это «почему» показалось Ошке чрезвычайно глубоким в смысле постижения Дао. Однако он решил обмозговать эту тему потом, на досуге.

«Занятия кончились, о, учитель», - прояснил он ситуацию.

«Кончились?» – снова удивился Юй.

Короткое, но емкое слово «кончились» опять внесло в ход мыслей Ошки некую сумятицу и даже какое-то новое значение. Однако он решил обдумать это «кончились» позже.

«Да, учитель, кончились, - подтвердил сказанное Ошка, - и сейчас время отдыхать».

«А почему же ты не отдыхаешь?» - спросил Юй, снова отпивая из кувшина.

И опять слова мастера вызвали у молодого человека массу вопросов, которые заблестели в его уме словно карпы в прозрачной глубине водоема. Но Ошка собрал свои мысли и чувства в кулак и отложил их на потом с твердой уверенностью, на какую только был способен.

«Извините, учитель, но я хотел бы у вас узнать, какой смысл заключен в жизни?»

«А кто спрашивает?»

«Это я спрашиваю, Ошка», - ответил Ошка.

«Эх, Ошка! Неправильный ответ. Если ты хочешь, чтобы в твоей жизни нашелся смысл, он обязательно появится, если нет - проживешь и так, без всякого смысла. И неизвестно, какая жизнь выйдет лучше».

«Значит, если смысл не искать, его не будет, а если искать, он найдется?»

«Точно! И даже не один. И вот скажи мне, Ошка, давно хочу у тебя узнать. Все наши ученики такие тихие, прилежные и дисциплинированные? Когда приходит время работать, они работают, когда надо учиться – они учатся, а когда наступает пора отдыхать – отдыхают. Почему только ты один не даешь вздремнуть старому человеку?»

Тут Юй снова сделал большой глоток и зажмурился от удовольствия, а Ошка замер в замешательстве, не зная, что ответить.

«Главное, чтобы пропал тот, кто задумывается о смысле», - продолжил мастер и сделал вид, что никакого Ошки нет и никогда не было.

После чего Ошка и его смысл жизни в самом деле куда-то исчезли.

История знахаря Вань Дуня

Жил некогда в уезде Цунь провинции Шунь молодой знахарь Дунь. Клиентов у него было раз, два и обчелся, поэтому забот – мало, времени – много, а дел – никаких. Вернее, дела-то, конечно, у Дуня имелись. Но кто в наше-то время назовет делом подсчет ворон, наблюдение за облаками или отрывание ножек у тараканов, разумеется, в научных целях и размышления на философские изыски, свидетельствующие нам о бренности всего сущего?

Дунь был натурой чувствительной, поэтому часто сидел в интернете на порно-сайтах и однажды принял красавицу Луньтяо за небесное сияние, а красавицу Линьтяо – за чудесный персик.

Как-то обратился к Дуню за помощью злой дух Гунь.

«Очень я страдаю от хронической ломоты в костях. Нет ли у тебя, человек, какого-нибудь надежного средства от этой хвори?»

Очень удивился такой просьбе Дунь, ведь знал он из медицинских трактатов, что духи лишены костей, а значит и место, где могла локализоваться ломота, отсутствовало.

«Костей-то нет, - посетовал Гунь, - а ломота есть. Так что лечи меня, да поскорей, а не вылечишь, я тебе все кости переломаяю».

Делать нечего, принялся Дунь составлять для грозного посетителя всяческие мази и притирания, а когда приготовил снадобья, остановился в замешательстве. Никак Вань Дунь не мог уразуметь, как и куда втирать лечебные средства, потому что Гуня было хорошо слышно, но совсем не видно.

Поняв причину замешательство лекаря, Гунь пришел к нему на выручку: «Погоди чуток. Сейчас я превращусь в красавицу неземной красоты. Ее-то ты и будешь мазать мазями и притирать притираниями, пока мне не полегчает. Да только не переусердствуй, девица эта нежная и к благородному обращению привыкла».

Так все и вышло. Увидел Вань Дунь девицу и аж обомлел от смущения. Но потом вспомнил, что профессионал при любых обстоятельствах должен оставаться профессионалом, и что ему недавно кости обещали переломать, и начал втирать снадобья в кожу девицы. А как начал втирать, так и влюбился в нее без памяти. Дунь уже хотел объяснить ей в своей большой и чистой любви, как девица внезапно исчезла, а у него над ухом проскрипел препротивный голос Гуни.

«Ну, ты, брат, Дунь, просто волшебник, - прогундел Гунь. - Все мои несуществующие кости болеть перестали и теперь совсем как новенькие. Проси у меня за это, что хочешь».

«Хочу... ту девушку... красивую» - не сразу нашелся Дунь, и опустил голову, так как краска залила его юное лицо от правого уха до левого.

Хитрый Гунь подумал-подумал и сказал: «Ладно, лекарь. Будь по-твоему. Но помни - ты сам этого захотел».

Так началась у Дуни новая жизнь. Девица, конечно, была красавицей, только нрав у нее оказался не лучше, чем у злого духа.

«Да, тут уж одно без другого не обходится, - вспомнил Дунь народную мудрость. - Хорошо, что хоть самого Гуня нигде не видно» - утешал он себя.

Как-то красавица стала пилить Дуня за то, что он вместо того, чтобы мазать ее мазями и растирать притираниями, только спит с ней.

«А зачем тебе мази? – удивился Дунь. - Разве моей любви тебе недостаточно?»

«Да чтобы кости, балбес ты этакий, у меня не болели!» – заорал ему Гунь в самое ухо.

Тут Дунь и обмер. И так ему стало тошно и нехорошо, что решил он на себя руки наложить: повеситься, уморить себя голодом, утопиться и броситься в пропасть.

«Кто же тогда меня от хвори лечить будет? – отвечивал Гунь. - Ну, уж нет! Шиш тебе! Будешь дальше жить, как миленький будешь жить со своей миленькой».

А Дунь, пораженный в своих лучших чувствах, так и стоял, не в силах вымолвить ни слова.

Смотрел-смотрел на его мучения Гунь, да и говорит: «Да не переживай ты так, Дунь. Скажу тебе по секрету - я женский дух, и злая я только тогда, когда ломота у меня в костях образуется, а на самом деле я очень даже добрая и красивая. Ты же знаешь».

И вот что я, дружок, тебе замечу. Ты, балбес, так и не понял еще своего счастья. Тебе, дурню, вернее, Дуню, одновременно и как мужчине, и как лекарю повезло. Смекни: постоянная клиентура у тебя есть? Есть. Жена-красавица имеется? Имеется. Непрерывное совершенствование в практике врачевания в наличии? В наличии. Не говоря уже о каждодневной помощи сверхъестественных сил. Так какого тебе рожна еще нужно?!»

Я тебе больше скажу: ты сейчас в одном лице имеешь прекрасное и безобразное, молодое и старое, приятное и отвратительное, здоровое и больное. А в их взаимном переходе и непрерывном превращении и состоит, демон тебя поberi, принцип Дао. Не в этом ли заключается человеческое счастье? Так что вытри сопли и иди готовить мазь. Чем лучше будет твоя мазь, тем лучше будет твоя жизнь. И не забудь о притирании, которое ты делал на прошлой неделе».

Подумал-подумал Дунь и решил ничего не менять в своем счастье.

Время переправляться через великую реку

Эта маленькая безделица, которую китаисты гордо именуют литературным памятником эпохи борющихся царств, взята из анналов страны Цюйфу и отличается от других историй тем, что кончается едва начавшись, что, согласно Дао, является высшей добродетелью в мире текстов.

Как-то учитель Юй решил наставить молодого монаха Обаку в искусстве плавания, ибо сидели они на берегу реки и заняться им было абсолютно нечем.

«Хорошо ты плаваешь... или... как топор, - начал учитель, - помни: переплывая реку, не забудь доплыть до другого берега.

Доплыв до другого берега, подумай: разве на этом берегу было хуже?

Возвращаясь назад, знай: ты не вернешься, потому что нельзя выйти из одной реки дважды».

«Так зачем же я поплыву на тот берег?» – опешил ученик.

«Так и не надо», - согласился учитель.

Охота царедворца Яо

Жил некогда в царстве Дзяо царедворец Яо. Как и все люди он хотел только одного: чтобы ему доставалось как можно больше добра и как можно меньше зла. И, как и все его окружение, он считал, что имеет на это полное право. Однако у Дао свои резоны, и оно размазывает добро и зло по бутерброду жизни так, как ему заблагорассудится. Поэтому характер Яо имел плохой, а должность – хорошую, сам был уродлив, а жена его слыла красавицей, усадьбой владел большой, а о процветании царства думал мало.

Как-то охотился Яо в своих угодьях и случайно убил нищего. «Одним нищим больше, одним меньше», - подумал Яо и поскакал прочь.

Нищий же тот оказался обратным – злым духом тамошних мест. Очень рассердился дух на царедворца, ведь это он, злой

дух, причинял всем зло на вверенной ему судьбой территории, а тут какой-то Яо, самозванец хренов, причинил зло ему самому. И в эту же минуту малолетний сын Яо упал в колодец и утонул.

Охота же продолжалась и в пылу погони загнала дикого вепря на крестьянское поле. «Одним полем больше, одним меньше», - подумал Яо и приказал слугам поджечь ниву, чтобы выгнать зверя себе на выстрел. В это же мгновение загорелся от искры очага усадьба царедворца.

И вот вернулся довольный Яо с богатыми трофеями домой и узнал, что нет у него больше наследника, что погибло все его имущество и богатство, которое он наворовал за тридцать лет безупречной службы. Завыл царедворец от горя, стал рвать на себе волосы и расстался с жизнью, бросившись на меч.

«Одним Яо больше, одним меньше», - подумал злой дух, наблюдающий эту картину, и отправился восвояси.

Так уж выходит, что в жизни одним из нас всегда достается больше, а другим - меньше. Но кто мы, одни или другие? Никто не может судить об этом наверняка.

Жизнеописание мастера Мо, мудреца и волшебника

В очень-очень стародавние времена жил неподалеку от одной деревушки мастер Мо. Люди считали Мо мудрецом и волшебником, а сам Мо почитал свое волшебство и мудрость напрасным довеском к жизни.

Однажды он так живо изобразил летящих в небе журавлей, что те взяли и улетели. В другой раз Мо вылепил из глины парочку оленей, но животные, даже не поблагодарив своего создателя, убежали в лес. Как-то Мо, дабы не скучать долгими зимними вечерами, выстругал себе жену. Жена получилась отличная, но оживать отказалась наотрез. Поняв, что пигмалиона из него не вышло, Мо отнес свою галатею на чердак, укрепив ею стропила.

Так и жил бы мастер Мо словно Уолден в своем домике у ручья в полном уединении, если бы не жители деревушки, располагавшейся по соседству. Они часто приходили к Мо со своими проблемами, и Мо, завидев просителя, еще издали кричал ему с порога:

«А ну говори, кто таков?! А ну скажи, с чем пожаловал?!»

«Да вот, тута, в общем, однако, совсем...» - мялся в нерешительности посетитель, но Мо мгновенно переходил к делу.

«А ну покажи мне свою проблему! – требовал он. - Дай мне ее пощупать!»

На что опешивший гость открывал рот от изумления, и кланялся Мо сколько было сил, потому что не понимал, что ему делать.

Зато это отлично знал Мо. Он вручал посетителю лопату, заставлял его копать в земле яму и требовал, чтобы несчастный затолкал свою проблему на самое дно. После чего мастер умелой рукой затыкал отверстие в земле фруктовым саженцем, засыпал корни землей и отпускал гостя восвояси. Так через год Мо из сотни чужих проблем сотворил себе фруктовую рощу.

На совести мастера Мо были и другие чудеса. Однажды, не подумав о последствиях, он превратил довольно годное вино в уксус, за что был крепко бит раздосадованными торговцами, которые хотели обратного. Случилась и другая неприятность. Когда пришла пора разлива, речка вышла из берегов и затопила уголья. Однако местный правитель свалил всю вину на волшебство Мо, ведь природу-то не накажешь. Он приказал схватить вредителя и отрубить ему голову. И вот, пока вода не спала, мастер прятался по лесам, чтобы не попасться на глаза служилым людям начальника.

Мало того, в джунглях Мо повстречался тигр, который захотел откусить от него самые лучшие куски, и мудрецу пришлось переселиться на верхушки деревьев к обезьянам. Пользуясь случаем, Мо выучив обезьяний язык, после чего на общем собрании стаи приматы избрали Мо своим вожаком. Наконец, вода спала, речка вернулась в берега, тигр отправился домой, а Мо вернулся в свою избушку.

Многие деяния еще совершил Мо, и многие мудрости высказал. Одна женщина, страдающая непрекращающейся мигренью, спросила у него: «Мои дети очень шумные, что мне делать?» Мо ответил: «Подожди десять лет, и все переменится». Так и вышло. Дети выросли, разбрелись, кто куда, и в доме стало тихо.

Когда к нему обратился крестьянин с жалобой на господина, Мо сказал: «Господа не бывают хорошими или плохими, господа бывают только господами». А когда влюбленный пожаловался

мудрецу на то, что ему приходится подолгу ожидать свою девушку, Мо изрек: «Ожидание девушки является составной частью встречи в ней. Убрав ожидание, лишишься и девушки». Обрадованный юноша сразу же поспешил восвояси.

Кстати, о девушках. Однажды опечаленные родители привезли к нему дочь, которая совсем не могла ходить, потому как мужчины просто не давали ей проходу. Мо не стал тратить время на советы и увещевания, а просто усыновил прекрасную Ню, дабы его не обвинили в двоеженстве в результате удочерения.

Сто один год и один день прожил Мо в мудрой простоте и простой безыскусности, оставив после себя большой дом, фруктовый сад и двенадцать сыновей. Доведя количество детей до священной цифры китайского циклического календаря, Мо испепелил взглядом свою эротическую библиотеку, когда-то выменянную им на мешок риса и совсем новый халат, после чего достиг истинного просветления.

Чего и вам желаю.

Жень и Шень

Расскажу я вам сейчас самую правдивую историю, которую только можно изложить при помощи слов, а если и покажется она вам не совсем правдивой, смею вас заверить: правды в ней очень и очень даже много.

Посадишь яблоню – вырастет яблоня, посадишь крапиву – вырастет крапива. Но и так бывает, что от одного корня растут два стебля, и один на другой не похожи. И сколько их ни питай, один одним, а другой другим остается. Вот какая мудрость встретилась мне в «Книге лесов и полей».

Однажды в одном китайском царстве-государстве жил-был один очень-очень знатный господин. И вышло так, что жена этого знатного господина родила ему мальчиков-близнецов, и называли их Жень и Шень.

Ничем братья друг от друга не отличались, и, бывало, натворит что-то Жень, а по заднице лупят Шеня, отличится в чем-либо Шень, а похвала достается Женю. Хотя чаще, чтобы не ошибиться, за проказы драли их вместе, а за хороший

поступок гладили по головке и давали каждому по сладкому рисовому шарiku.

Но выросли дети, возмужали, стали взрослыми. Жень мирскую жизнь для себя выбрал, а Шень в монахи пошел.

И вот, когда Жень уже семьей и детьми обзавелся, Шень ноги напротив стены отсиживал. Когда Жень сад шелковиц высаживал, Шень молитвы читал, а когда Жень дамбу строил, Шень снова отсиживал ноги. И так бы и свершалась своим чередом их Дао, но случилось в царстве-государстве, в котором они жили, беда – напали на него кровожадные сунны.

Жень сразу во главе обороны встал: конные отряды вперед выслал, чтобы варваров задержать, а сам земляной вал вокруг города укрепил и войско к сражению подготовил. А Шень еле жив остался, ибо ворвались сунны в его монастырь: монахов поубивали, постройки сожгли, а сервер, где хранились все молитвы, разбили.

Пока Шень к городу по ночам пробирался, Жень дал суннам бой, и повернули те восвояси, потеряв у стен города тысячу воинов. А когда все вокруг победу праздновали, пришел Шень к Женью в дом, ведь идти-то ему было некуда.

Встретил Жень брата как родного, за стол усадил, чай подливал, и разговаривали братья разговоры до самого утра. А на другой день Жень Шенью домик в своей усадьбе выделил. А на третий день окрестности братья пошли осматривать. Жень показывал, Шень удивлялся.

И увидел Шень семейство брата своего и хозяйство его, постоял в тени шелковиц его, а потом отправился к дамбе, не раз спасавшую страну от потопа. Там и снизошло на него прозрение. Понял Шень, что, пока он жил для себя, его брат Жень жил для всех, и в этом и состояло счастье.

«Да, - подумал Шень, - жизнь нужно прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельные годы медитации».

Мудрость в тени

Трое мудрецов сидели под деревом и спорили, кто из них мудрее. Вопрос этот серьезный, в одну минуту не решается. Поэтому сначала они старались перебивать друг друга, потом перекричать, и, наконец, принялись таскать друг друга за

бороды. Пока суть да дело, тень от дерева уползла в сторону, и разгоряченные мудрецы оказалась на солнцепеке, где потихоньку и успокоились.

«Нужно вернуть Солнце», - предложил первый.

«Нужно передвинуть Землю», - возразил ему второй.

«Нужно переставить дерево», - не согласился с первыми двумя третий.

«А ты чего молчишь, придурок?» – обратились они к слуге, который давно пересел в тень, откуда и наблюдал за научной дискуссией.

Но слуга, хотя и не слыл таким мудрым, как спорщики, однако был волшебником. Поэтому он, не говоря ни слова, встал, вернул Солнце, передвинул Землю и пересадил дерево, после чего уселся в тень как ни в чем не бывало. Тогда мудрецы, каждый из которых посчитал себя правым, продолжили спор.

Однако час за часом законы природы брали свое, и, когда мудрецы снова оказалась на солнцепеке, спор продолжился, а к слуге появились претензии.

«Скотина! – закричали старцы в один голос. – Мы требовали от тебя окончательного решения вопроса, а ты подsunул нам какой-то паллиатив».

Тогда невозмутимый слуга рассказал мудрецам такую историю:

«Однажды в царстве Вань жил мудрец по имени Жи. Все его уважали и любили, хотя пользы от него никому никакой не было: ни в чиновничьем, ни в ратном, ни в крестьянском деле Жи не преуспел. А все потому, что был Жи так толст и мал ростом, что люди называли его за глаза не Жи, а Чжи, что означает «гриб».

«А нельзя ли поконкретней», - возмутились мудрецы, не признающие недомолвок и иносказаний.

«Можно, - ответил по привычке к строптивости хозяев слуга. - Чжи учил народ следовать своей внутренней природе, никогда не идти против природы внешней и думать головой, а не задницей. Так вот, у этого самого Жи росла в саду сосна. Сидя целыми днями под деревом, Чжи предавался медитации, но Солнце двигалось по небосводу, тень спешила на светиле и ему приходилось пересаживаться, что отвлекало его от следования Дао».

«И что же он придумал?» – спросили мудрецы.

«Зонтик».

Как Бу, Ду, Ще и Е счастье свое нашли

Жили-были в одном уезде, в одном городе, на одной улице дети и звали их Бу, Ду, Ще и Е. Друзья проводили время вместе и часто, забравшись на дамбу, смотрели, как степенно несет свои воды великая Желтая река, и мечтали о будущем.

Бу говорил: «Буду я большим и важным чиновником, когда вырасту. Будет денег у меня столько, сколько слуг, а слуг – сколько звезд на небе».

Ду по обыкновению задумывался и отвечал: «Думаю я стать ученым человеком и познать все тайны мира».

Ще, по привычке поколебавшись, молвил, что мечтает стать художником или поэтом, чтобы выразить то, что творится у него на душе и происходит в целом свете.

Е, когда очередь доходила до нее, краснела, опускала длинные ресницы и признавалась, что просто хочет выйти замуж за Бу, ведь тогда будущее ей обеспечено.

Прошло время. Дети стали взрослыми, и каждый осуществил свое желание.

Бу получил важную должность и очень разбогател, еще он женился на Е, потом завел себе еще одну Е, а теперь этих Е у него целая усадьба. Говорят, его кортеж, на котором он однажды въехал в столицу, состоял из полусотни богато украшенных колесниц. Правда, за спиной Бу шептались, что положение Бу не так уж и прочно, что царь давно имеет зуб на Бу и собирается прислать ему в подарок шелковый шнурок, на котором бы Бу удавился, но все как-то руки не доходят.

Ду открыл залежи белого нефрита, нашел источник с горячей смолой и змею с двумя головами. Он сочинил трактат о водянке и составил таблицу лунных стоянок на тысячу лет вперед. Одни полагают, что Ду живет во дворцовых покоях, заведует библиотекой и составляет для правителя омолаживающие снадобья. А другие думают, что Ду покинул дворец и проводит время в опасных странствиях. Один хорошо осведомленный купец, например, божился, что видел Ду на пути в страну варваров. И был тот в таких лохмотьях, что его принимали за нищего.

Ще стал знаменитым поэтом и очень прославился. Если бы не периодические запои, то вдохновение посещало бы его чаще, но императору не нравится, когда его придворные поэты

ходят по двору трезвыми, когда он сам пьян, а пьян он почти постоянно. Некто, встретившийся мне в харчевне, сказал по секрету, что Ще – это совсем не Ще, а его двойник, а настоящий Ще давным-давно удалился от суетных дел в деревню, где выращивает капусту, играет на цыне и совершенствуется в каллиграфии. При этом Ще выглядит счастливым, как младенец.

А что же Е? У Е есть все, что можно достать за деньги, но будущее не приносит ей радости.

Хвосты поэта Лю

В уездном городке Бяо жил некогда поэт Лю. Делать ему в той дыре было абсолютно нечего, поэтому Лю, дабы поддерживать в себе поэтическую форму, постоянно влюблялся в местных красавиц и писал стихи о своих чувствах.

Однажды он полюбил женщину-оборотня, которая подарила ему на утро свой роскошный рыжий хвост. В следующий раз он влюбился в другую красавицу. Так у него стало два лисьих хвоста. Однако, чем больше у него было хвостов, тем хуже обстояло дело с изящной словесностью, и если бы Лю был студентом Литературного института, его бы давно отчислили за неуспеваемость. Наконец, поэт понял: так жить больше нельзя, и отправился в монастырь к известному мастеру Юю.

«Учитель, - склонился Лю в почтении, - я хочу стать знаменитым поэтом и прославиться на всю Поднебесную, но хвосты мне мешают».

«Прекрасно тебя понимаю, - ответил Юй. – Хвосты мешают практически всем, и чем их больше, тем меньше времени остается на что-либо другое. Если уйдешь, не видать тебе ничего кроме лисиц, а если останешься, будешь великим поэтом. Я это тебе гарантирую».

Так у Лю началась новая жизнь. Он просыпался на заре, работал весь день, ел впроголодь, читал священные сутры и занимался медитацией, но хвосты все равно не выходили у него из головы. Раз в неделю мастер требовал его к себе и просил Лю показать свой хвост. Лю был в отчаянье, потому что не знал, как сделать то, что невозможно сделать. И тянулись безрадостно неделя за неделей. И вот однажды, проводя ночь без сна, Лю сложил стихи и прочитал их вслух:

Сижу в каморке,
печалью охвачен.
Есть ли у меня хвост,
если его нет?
Нет ли у меня хвоста,
если он есть?
Юй его знает,
как дальше мне жить.

А мудрый Юй как раз стоял у двери его кельи и все слышал.
На следующее утро, он призвал поэта к себе. Но Лю
заупрямился, так что четверым ученикам пришлось привести
его силой.

«Покажи мне свой хвост!» - потребовал Юй у поэта.

Тут тонкая поэтическая натура Лю не выдержала.

«А пошел ты в задницу!» - крикнул он в сердцах.

«Говори, говори!» – бросился к Лю обрадованный Юй.

На что Лю спустил штаны и показал учителю то место, куда
он его послал. После чего Юй в почтении склонил перед
учеником голову.

С тех пор Лю сочиняет непрерывно, отвлекаясь лишь на то,
чтобы поест, а о хвостах ему думать некогда, ведь он о них
пишет. Его стихи читает сам император. Говорят, так он
спасается от зубной боли. Правда, некоторые злопыхатели (а у
какого настоящего поэта нет завистников?) утверждают, что Лю
нужно было идти не к мастеру Юю, а к сексопатологу или к
последователю гуманистического психоанализа Эриха Фромма.
Но когда речь заходит о лечении, прежде всего хотят знать,
поможет ли лекарство, а не как оно называется.

Вслушайтесь же в эти дивные строки:

Солнышко светит,
птички поют,
травка кругом зеленеет.
Хвост подниму
и по яшме ступеней
к храму любви поспешу.

Разве они не прекрасны?

Чудеса вокруг Жу Линя

Множество чудес происходит каждый день и каждую ночь в Поднебесной, уж очень страна большая и народу в ней не перечесть, и попадаются из этого народа прелюбопытные экземпляры. А среди них и такие, о которых так же трудно умолчать, как и говорить об их подвигах, чтобы тебе поверили. Вот такую-то историю и содержит в себе даосский трактат «Пригорки и лужи».

Жил да был в провинции Ци, а может, и в какой другой провинции человек по имени Жу Линь. Жизнь его была непримечательна, и писать о ней - даром переводить тушь и бумагу, если бы не одно обстоятельство. Не поверите, но однажды Жу Линь начал жить в другую сторону, то есть стал молодеть с каждым днем прямо на глазах. Долго мучились с ним родственники, и только вмешательство знахарей, колдунов и экстрасенсов замедлило это чудо. Иначе бы пришлось забирать Жу Линя со службы и покупать ему подгузники.

Пережив удивительное превращение, Жу Линь преобразился и внутренне. В его голове стали рождаться необычайные проекты и планы. Так, Жу Линь, начитавшись европейских книг сомнительного содержания, прибывавших в страну контрабандой, решил основать в Поднебесной первый Грааль-бар. И затея эта увенчалась успехом, принося ему немалый доход от продажи горячительных напитков в фирменной посуде. Тут бы ему и успокоится, сидеть тихо, мирно, да барыши подсчитывать, но не таков был у Жу Линя характер.

С детства его тянуло ко всему странному и загадочному. Сколько себя помнил, он запоем читал книги о летающих тарелках, лох-несских чудовищах и пирамидах. Поэтому Жу отправился в Тибет и через два года привез оттуда снежного человека. Линь научил его ругаться и пользоваться зубной щеткой, после чего стал показывать чудище в базарные дни, не забывая брать с зевак деньги. А так как базарные дни в это время шли сплошняком, благосостояние Жу росло так же быстро, как молодой бамбук.

Но и на этом приключения Жу Линя не закончились. Как-то мизинец с руки Жу исчез, и сведущие люди говорили, что видели палец в приемной императора. Тогда Жу Линь приоделся, купил лучшего в их провинции осла и отправился во

дворец, где сразу заявил о пропаже. И надо же было такому случиться, но Жу Линя не выпороли сразу же у входа, а выслушали и даже вошли в его положение. На поиски мизинца император бросил всех жителей дворца, включая наследную принцессу, и через неделю палец был найден в банке с вареньем.

Возвращаясь с обретенной потерей, Жу Линь увидел дерево, которое росло корнями вверх и кроной вниз. Он выкопал его и привез в ближайший ботанический сад. Долго ученые мужи качали головами и не могли поверить, что такое возможно, а потом посадили дерево в землю обратно. Они избрали Жу Линя почетным доктором ботаники и подарили ему совершенно новый компьютер.

А однажды Жу Линю приснился розовый дельфин с четырьмя розовыми же грудями. Так он понял, что ему пора жениться. Каждая жена достойна своего мужа, но не каждый муж достоин своей жены. Именно таким мужем Жу Линь и оказался. Поэтому в доме молодоженов частенько раздавались удары подзатыльников, которыми награждала Жу Линя молодая супруга, не понимавшая, с каким великим человеком она делит кров, пищу и постель.

По этой причине Жу Линь частенько убегал со двора и, боясь вернуться в дом, целыми днями сидел на дереве, наблюдая за тем, как птицы выют гнезда. Увиденное произвело на него такое сильное впечатление, что он решил обзавестись потомством. Но жена наотрез отказалась родить ему наследника, мотивируя свое решение склонностью мужа к лазанью по деревьям.

Но не таков был Жу Линь, чтобы пасовать перед трудностями. Он подумал-подумал и родил себе себя сам. Но это секретная информация, поэтому ее нет даже в трактате «Пригорки и лужи».

Только прямо

Как-то наставник Юй и его любимый ученик Обаку возвращались в свой монастырь по незнакомой дороге. Путники прошли уже пятьдесят ли, и, казалось, ходили кругами. И тут Обаку, который двигался чуть впереди, остановился.

«Что?!» – не понял Юй.

«Развилка дорог» - махнул рукой Обаку, который не знал, куда свернуть и очень от этого растерялся. Ему нужно было выбрать одну дорогу из двух, и при этом не ошибиться в выборе. А как тут ни ошибиться, если одно так похоже на другое?

«Если мы пойдем, как шли, - обратился Обаку за моральной поддержкой к учителю, мы пойдем прямо. Если мы свернем направо, то пойдем направо. А если мы свернем налево, то...»

«Если, если, - проворчал Юй. - Если не знаешь, как поступить, сверяй свои намерения с Дао».

Лицо Обаку расплылось в улыбке. Как же он раньше до такого не додумался. Обаку достал навигатор и сориентировался на местности. Но только он хотел сделать первый шаг, как Юй остановил его.

«И вот еще что. Ты, Обаку, цепляешься за слова, а нужно проходить мимо них. Прямо, налево, направо... Куда бы ты ни свернул, ты все равно пойдешь потом прямо. Так стоит ли раздумывать?»

После этих слов ободренный Обаку пошел прямо, и вскоре путники были дома.

История дружбы Ошка и Обаку

Жили-были в одном уездном городе двое друзей. Одного из них звали Ошка, а другого – Обаку. Ошка и Обаку были не просто друзьями, а большими друзьями. И если Ошка хотел повеселиться, Обаку всегда следовал за ним. А если Обаку хотел поплакать, то будьте уверены, Ошка грустил где-то неподалеку. Казалось, не было на свете товарищей преданней, и когда кто-то хотел сказать о самой тесной и бескорыстной дружбе, то замечал: «они живут как Ошка с Обаку».

И вот однажды, тусуясь по обыкновению на пустыре, мальчишки встретили странствующего монаха. Уставший от жары и дороги путник сидел в тени раскидистой клюквы, и по одному его виду было ясно, как давно он не ел. Друзья поздоровались с монахом и исчезли, принеся вскоре то, о чем монах даже не успел попросить.

Когда странник утолил голод и жажду, то обратился к ребятам, скромно стоявшим рядом: «Жизнь научила меня часто

оглядываться назад и заглядывать далеко в будущее. Нет ли у вас ко мне вопросов? Впрочем, я и так знаю, что вы хотите узнать», - сказал он после некоторой паузы, ушедшей на пристальное разглядывание мальчишек.

«Это чудо, но вы станете большими друзьями».

«Но мы и так друзья», - возразили друзья.

«Да, сейчас вы друзья, но случится так, что вы решите пойти учиться в один монастырь, и, придя туда, узнаете, что есть только одно место. Вы рассоритесь в пух и прах, но на другой день старый настоятель умрет, монастырь закроют, и вы опять станете друзьями».

Потом выйдет так, что вы оба влюбитесь в одну девушку и разругаетесь друг с другом насмерть. Но девушку увезут в другой город, выдадут замуж за богатого чиновника, и вы снова станете друзьями».

Пройдет время, и вы опять поссоритесь, не поделив должность. Однако должность эту вскоре упразднят за ненадобностью. Делить вам будет нечего, и вы опять станете друзьями».

Минуют годы и годы, и вы снова будете проклинать друг друга, поскольку один из вас незаслуженно попадет в опалу, а другой незаслуженно возвысится. Но как раз в эту пору сменится династия, новый государь окружит себя новыми людьми, и вы опять станете большими друзьями, что само по себе уже чудо».

Священная сила Канона

Эта очень и очень странная история, и все детали сюжета откроются мировой общественности только в середине этого века, когда уборщик одного из английских замков обнаружит книгу Нидхэма «Изустные премудрости китайской древности». Специалист-китаевед мгновенно возразит: нет такой книги, и будет неправ. Книга эта в рукописном варианте до сих пор валяется на полу под шкафом рядом с несвежим носовым платком Кромвеля и закатившейся туда короной короля Лира.

Собственно, полностраничной рукописью этот трактат является сейчас, а в означенный срок, стараниями изголодавшихся крыс, от него мало что останется. Поэтому мой

долг скромного поклонника даосизма - донести до мировой общественности рассказ из этой удивительной книги в назидание потомкам.

Итак, во времена династии Тынь жил в императорском дворце «Вечерней прохлады» в качестве хранителя библиотеки некто Шань, которого иногда называли Хаем. Хай обладал большой сноровкой в толковании «Книги перемен», чем, собственно, и зарабатывал себе на пропитание. Но дело в следующем: все хотят знать, что их ждет впереди, и мало кто задумается о том, кто или что поджидает их сзади.

Шань был весьма странным человеком, и когда все куда-то бежали, он стоял в неподвижности, словно шест проглотил, а когда все что-то друг другу говорили, он молчал будто карась в пруду. Когда шел дождь, Шань пел песни, когда видел пролетающую мимо бабочку - улыбался, а когда замечал впереди царскую процессию - прятался в кустах. Придворные хотели поначалу отправить мудреца в районную психушку, но так как Шань никому не мешал и никого не трогал, не трогали и Шаня. И тот жил себе в каморке за книжными стеллажами.

Но стоило мастеру взять в руки «Книгу перемен», как он мгновенно преображался, становясь тем седовласым старцем, которого и Шанем-то назвать было трудно, и тогда его уважительно приветствовали: здравствуйте, глубокочтимый учитель Хай!

В этом заключалась другая причина, по которой Шань продолжал безмятежно прятаться по кустам. Хотя при уровне тогдашней психиатрии Шаню легко могли вправить мозги, но придворные не знали, а вдруг с починенной головой Шань не сможет преобразиться в Хая? Зачем тогда затраты на лечение, если всем предсказаниям придет конец?

Однажды в страну пришла большая беда - повадился в царский дворец дракон. Каждую ночь он похищал одну из наложниц властителя. Число наложниц катастрофически уменьшалось. Специально нанятые люди объезжали города и веси, чтобы возместить убыток, но дракон был проворней. Наконец, наложницы закончились, после чего Шаня перевели на женскую половину, дабы место не пустовало. Имелась и еще одна причина такого переезда, но о ней во дворце помалкивали...

И вот, в первую же ночь на новом месте, Шаня разбудил ужасный шум, и когда он открыл глаза, то увидел рыскающего по постелям дракона. Вот здесь-то и подтвердилась магическая сила священной Канона. Шань взял на изготовку увесистый том «Книги перемен» и огрел им чудовище, неосмотрительно оказавшееся на линии огня, по голове. Шань продолжал методично повторять это движение, без усталости, твердя текст первой гексаграммы: «У надменного дракона будет повод для сожаления, у надменного дракона будет повод для сожаления...» И этим лишь усиливал волшебную мощь Книги.

Шань только тогда успокоился, когда у животного отвалилась голова, а из образовавшегося отверстия на него уставились удивленные глаза Хая.

«Шань!», - воскликнул Хай. «Хай!» - воскликнул Шань. И братья-близнецы, разлученные еще в те далекие времена, когда Конфуций под стол пешком бегал, обнялись, обливаясь слезами радости словно дело происходило в мексиканском сериале.

Тут со всех сторон навалилась на них дворцовая стража, усиленная шаолиньскими монахами и японскими ниндзя.

На следующий день спутанный по рукам и ногам Хай стоял перед троном.

«Что, гаденыш, сделал с моими женщинами?» - собственноручно вел допрос многократный вдовец.

Хай не стал отпираться, и сразу выяснилось, что все они целы и невредимы и живут в заброшенном замке, переоборудованном Хаем под коммуны вольных тружениц, имени покровительницы домашних хозяек и детской присыпки богини Гуань-инь, где занимаются исконным народным промыслом – гонят рисовую водку.

Хороших женщин много хотя бы потому, что плохих женщин не бывает, ибо каждая из них хороша по-своему. А вот хорошего предсказателя найти - ой как трудно. Поэтому инцидент сей быстро замяли. Владыка, отечески пожурив предсказателя, сменил гнев на милость и поздравил Хая с находкой близкого родственника.

Хай снова занялся своим ремеслом и даже придумал на зависть другим предсказателям шестьдесят пятую гексаграмму, а Шань... Что Шань? Он продолжает петь, когда идет дождь, смеяться, заведя порхающую бабочку, и прячется по кустам.

Светлые сумерки Юя

Как-то в монастырь, которым заведовал мастер Юй, попросился в ученики один молодой человек.

«Учитель, - обратился он к умудренному жизнью монаху, - я хочу достичь просветления».

«А зачем оно тебе?» – ответил вопросом на вопрос Юй.

«Ну... в общем... чтобы видеть мир в истинном свете».

«Как же ты, став просветленным, сможешь увидеть свет? Всю силу света можно увидеть только из темноты».

«Значит, - опешил ученик, - вы живете в темноте?»

«Ночью – в темноте, днем – при свете, но больше всего мне нравятся сумерки».

Как Кунь и Лунь встретились и что из этого вышло

Встретились как-то на постоялом дворе два литератора. Одного звали Кунь, а другого - Лунь. И так как давно приятели не видались, что решили по такому случаю отобедать вместе в харчевне. Выпили Кунь и Лунь, разговорились, поведали друг другу о своем житье-бытье и, как водится, беседа незаметно перетекла в профессиональное русло.

«Слушай, - сказал Кунь, видя, что трапеза подошла к концу, - давай так, каждый расскажет по истории, чья выйдет хуже, тот и заплатит за еду и вино. Но только не больше ста иероглифов».

«Хорошо, - согласился Лунь. - А кто начнет?»

«Ты и начинай, - ответил невозмутимый Кунь».

Разговор этот слышали завсегдатаи харчевни и пока Лунь откашливался, вокруг писателей собралась целая толпа и люди даже начали делать ставки.

«Две беды – одно счастье», - продекламировал Лунь, по нему было видно, что он воспринял соревнование всерьез и заметно волнуется. - Во времена династии Тань, служил наместником в уезде Тинь некий Тунь. И все-то у него было хорошо и распрекрасно, кроме одного. Не мог он пристроить свое любимое дитя в жены. Девушка была очень и очень некрасива, и ни одна семья, равная Туню по положению, не соглашалась на такой брак. Страдал Тунь и мучился, мучился и страдал, пока ни решил обратиться за помощью к своим советникам. «Знаете,

высокоцитимый, - сказал один из них, кланяясь. - У меня есть сын. И он слеп от рождения...»

«Неплохо, неплохо, - подбодрил коллегу Кунь и приступил к своему рассказу. - «Великан и карлик», - продекламировал Кунь и продолжил. - Как-то встретились на жизненном пути двое. «Я Великан», - представился первый. «А я Карлик», - ответил второй. «Почему, - удивился Великан, - ты же с меня ростом?» «Просто я очень большой карлик», - ответил Карлик. «А отчего ты такой же?» «Потому что я очень маленький великан».

Толпа захлопала в ладоши и народ признал, что история Куня лучше, потому что короче и убедительней.

«Твой рассказ лучше», - согласился с общественным мнением огорченный Лунь.

«Давай еще раз», - сжалился над ним Кунь.

И Лунь продолжил испытание в мастерстве.

«Летний почерк», - продекламировал он и после артистической паузы продолжил. - В царстве Мань во время правления властителя Муня, служил в его дворце в качестве хранителя архивов некий Минь. Как-то, разбирая старые свитки, он наткнулся на старинный манускрипт, посвященный осенним листьям. И там были такие строки: «Я открываю книгу и достаю из нее красный кленовый лист. Я глажу его древесную суть и внимательно разглядываю замысловатый рисунок жилок на его поверхности, будто это тайнопись. Хотя на самом деле надпись имеется. Слов не разобрать, но ясно, что содержание строчек осеннее, однако почерк у них по-прежнему летний, а наклон как был, так и остается весенним. В этом и состоит секрет Дао осенних листьев».

«Ну что ж, ты прямо мастер, - сказал Кунь и начал свой рассказ: «Шел человек по облаку. Шел себе и шел. А люди задирали головы, показывали на него пальцем и кричали: «Человек на облаке! Человек на облаке!». Услышал он шум, посмотрел вниз, оступился и упал».

Как загудела вокруг взволнованная толпа! Одни хвалили Куня, другие - Луня. Половые не успевали подносить людям кувшины с рисовой водкой. Но в конце концов, методом голосования, было установлено: Победитель - Кунь!

«Твой рассказ опять победил», - сказал огорченный сверх меры Лунь и полез за деньгами.

Кто-то проигрался в пух и прах и снимал с себя последний халат, кто-то потирал руки от удовольствия от неожиданного выигрыша, кто-то на радостях напился до такого состояния, что закатился под лавку, и икал там в одиночестве. Да, это был настоящий праздник, ведь именно незапланированные праздники самые настоящие.

Когда приятели вышли из харчевни, серьезный и вдумчивый Лунь обратился к товарищу: «Всегда считал: чтобы стать настоящим писателем нужно упорно заниматься каллиграфией, читать старинные книги и иметь достойного учителя. А ты ничем таким не занимаешься и учителя у тебя нет. В чем твой секрет?»

«Не знаю. Я же не писатель. Я пишу, когда само пишется».

Как Фэн и Шуй будущее искали

Повстречались однажды на дороге двое путников. Одного из них звали Фэн, а другого - Шуй. Вернее, это первого звали Шуй, а второго – Фэн. Или нет... Короче, встретились на дороге двое путников, Фэн и Шуй. Один отправился в путь, чтобы узнать свое будущее, а другой отправился в путешествие по той же причине. Любопытствующие остановились, поговорили о планах на жизнь и разошлись в разные стороны.

Через некоторое время Фэн подумал: «А ведь Шуй знает мое будущее, он же пришел оттуда, куда я иду». Эта мысль застряла у него в голове так основательно, что вскоре Фэн остановился и повернул назад. Через пару минут он увидел своего нового знакомого, который спешил ему навстречу. «Ну что там?» - спросили Фэн и Шуй одновременно... И не знали, что ответить. Дорога, как дорога и ничего в этой дороге необычного не было.

Тогда Фэн понял: «Шуй что-то такое знает, но скрывает от меня». «Что-то этот Фэн недоговаривает», - решил в свою очередь Шуй. Так они с той поры и ходили вместе. Куда Фэн, туда и Шуй, куда Шуй, туда и Фэн, чтобы никто никого не обманул, и каждый был на виду. А потом построили на том месте, где первый раз встретились, постоянный двор.

Каждый день заходят к ним отдохнуть и подкрепиться разные люди и рассказывают всякие удивительные истории об удивительных местах и людях. И если вечером соберется за едой много народа, кто-то обязательно вспомнит историю о

Фэне и Шуе, которые так и не узнали, что же ждало каждого за первым поворотом.

«Как же так! – удивляется тогда какой-нибудь молодой и неопытный путник. - Если ты есть, то и будущее у тебя есть. Не может быть такого, чтобы ты был, а будущего у тебя не было».

«Бывает-бывает», - возражает ему любой немолодой и опытный путник, оказавшийся по соседству.

Взлет и падение Зю Сюня

Многие из нас не знают, что сказать, но говорят без умолку, а если что-то знают, то никому об этом не рассказывают. Оттого-то в мире столько лишних слов, а нужные слова – большая редкость.

В царстве Утренней побудки, в городе Полуденной дремы при дворе правителя Синь Хуа работал писарем некий Зю Сюнь, который отличался страшной болтливостью. Зю болтал одним про других, а другим - про третьих и так всех утомил своей болтовней, что правитель приказал Зю Сюню откусить себе язык и проглотить его, а когда Сюнь заупрямился, прикомандировал ему в помощь трех стражников. Один держал Зю за голову, другой тянул его за язык, а третий сжимал несчастному челюсти.

Но тут ударил колокол, призывающий народ к послеполуденной дреме, и экзекуция прекратилась. Так Зю Сюнь, язык которого держался на честном слове, получил неожиданную передышку, которой тут же и воспользовался – улизнул от стражи.

Бежал Зю очень быстро. Лишь миновав «Заставу без ворот», он понял, что за ним никто не гонится. Тогда Сюнь перешел на ходьбу, переqualифицировавшись по дороге в странствующего монаха. Главное, о чем Зю Сюнь не забывал: пока один кусок языка не прирастет к другому, следует держать язык за зубами. Так Сюнь и путешествовал в полном молчании, пока однажды не оказался на базарной площади в городе без названия в стране без границ.

«Кто ты?» – спросил его один из жителей.

Зю Сюнь не ответил.

«Откуда ты будешь?» - поинтересовался другой.

Зю Сюнь не проронил ни звука.

«Что это за учение, которому ты следуешь?» - задал вопрос третий.

Но Зю, как в рот воды набрал.

Вскоре вокруг странного монаха собралась заинтригованная его необычным поведением публика. И Сюня стали наперебой спрашивать о видах на урожай и погоде, об актуальной политике и налогах. Зю Сюнь молчал, но делал это так красноречиво, что не нужно было никаких слов.

«Вот-вот. И мы того же мнения», - кивали головами горожане. «Да-да. Именно так», - соглашался с ним жители, понимая, что знающий не говорит, а говорящий не знает.

Слух о безмолвствующем монахе быстро распространился по близлежащим городам и весям, и вскоре на консультацию к Зю стали приходить обитатели самых дальних мест, оставляя в казне города щедрые чаевые. В конце концов благодарные жители выделили Сюню усадьбу с огородом, интернет, десяток свиней и жену - все, о чем только может мечтать человек.

Пока Зю Сюнь молчаливо пророчествовал, половинки его языка, все это время державшиеся на честном слове, срослись. Однажды, изголодавшийся по твердой пище и устной речи, он однажды не выдержал.

«Киска, - обратился Зю к супруге, - а что у нас сегодня на ужин?»

Мяу, а именно так звали женщину, застыла на месте от удивления, испуга и радости.

Далее события развивались таким образом: утром следующего дня Мяу рассказала о том, о чем поклялась молчать, своим подругам, днем новость узнало полгорода, к вечеру тайна Зю Сюня открылась всем, а ночью возмущенные обманом жители ворвались в дом лжепророка, намяли ему бока и выгнали из города.

Если тебе нечего сказать – молчи. Если тебе есть, что сказать, прикинь, нужно ли это тебе? Если нужно, реши, нужно ли это другим? Если ты уверен в последнем, все равно молчи, потому что лучше молчать, чем говорить.

Ответ Чжуан-цзы

Однажды Чжуан-цзы увидел сон, будто он бабочка, а в это время приснившейся Чжуан-цзы бабочке приснилось, что она Чжуан-цзы, а этому приснившему бабочке Чжуан-цзы тоже приснилось, что он бабочка. Проснувшись, Чжуан-цзы никак не мог понять, то ли он Чжуан-цзы, которому приснилось, что он бабочка, которой приснился он сам, то ли он бабочка, которой приснилось, что она Чжуан-цзы, которому приснилось, что он бабочка. Через день он все-таки разобрался, что к чему, и поведал мне удивительную историю, которой я с вами с удовольствием и делюсь.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был правитель Фу, который очень любил бабочек и очень не любил гусениц. Случалось, поймает он бабочку необыкновенной красоты и сразу убивает ее, любовно нанизывая на булавку. И столько радости пробуждалось в эту минуту в его сердце, что был правитель счастлив, как ребенок.

А бывало, увидит он проползающую мимо гусеницу и непременно давит ее ногой. И таким счастливым чувствовал себя Фу в эти мгновенья, что, казалось, радость никогда его не покинет.

Так в постоянном счастье и непрерывной радости жил правитель, пока ни решил уничтожить всех гусениц разом, для чего собрал весь народ от мала до велика и приказал убивать всех встретившихся на пути гусениц, да и сам не сидел, сложа руки.

Как-то одна старая и мудрая гусеница завидела правителя и взмолилась, заговорив человеческим голосом: «Не убивай меня, Фу, ведь иначе ты лишишься своего счастья. А если меня пощадишь, я исполню три твоих желания».

Но после того как желания были исполнены, Фу все равно ее раздавил. И через какое-то время исчезли вдруг все бабочки, а почему они исчезли, не знал никто. Даже самый умный человек в царстве Чжуан-цзы, служивший в то время хранителем дворцовой библиотеки, хранил молчание.

В благородной ярости ворвался правитель в библиотеку, схватил Чжуан-цзы за грудки и закричал: «Говори, мерзавец, куда делись бабочки! Зачем я тебе только деньги плачу?!»

«Тот, кто не любит гусениц, не должен любить и бабочек», - ответил мудрец.

Полный Увэй!

Есть люди худые, а есть полные. Увэй был мужчиной высоким, ростом в целых восемь чуней, и крупным, но главным его достоинством была полнота. Увэй очень любил покушать и никогда ничего не делал. Для большинства людей даосское увэй, или недеяние, становится большим испытанием, но увэй давался полному Увэю без труда по причине его необычайной лени. Если бы Увэй мог не являться на свет, то не родился бы вовсе по своей лености, просто имеются события, которые не происходят без нашего в них участия и от нас не зависят.

Бывало, подойдет жена к сидящему на завалинке Увэю и ну его пилить: «Увэй, а Увэй, ты совсем не спишь со мной, Увэй».

«Как это не сплю? – возмущался Увэй. – Я сплю».

«Нет, не спишь», - не соглашалась с ним упрямая женщина. И тогда Увэй приглашал к себе в гости темпераментного соседа, поскольку самому ему было лень. Собственно, наш рассказ об этом соседе и пойдет.

Имя соседа было Цзинь Цзунь Цзюань, хотя все в округе называли его, в противоположность Полному, Худым Увэем или Большим хреном. Китаисты уже давно ломают голову относительно этого прозвища и этимологии данного выражения, но почему за Цзинь Цзунь Цзюанем укрепилось такое странное имя, сейчас доподлинно установить невозможно.

Как вы уже поняли, Цзинь был человеком с активной жизненной позицией, и после того как он перепортил всех девок в деревне, общее собрание жителей постановило Цзуня изловить и кое-что у Цзюаня оторвать. Но Цзинь по своему любопытству подслушал народный вердикт и пустился в бега.

Делать он ничего не умел, поэтому начал лечить людей методами нетрадиционной медицины и более всего преуспел в исцелении женщин, которые не могли забеременеть. Однажды к нему обратился сам правитель Банзай, у которого никак не получалось обзавестись наследником и пообещавший, в случае успеха, выполнить любое желание знахаря.

Добросердечный Цзинь помог и его жене, и спустя девять месяцев после лечебного курса супруга Банзая родила чудного мальчика, а Цзунь приступил к строительству женского монастыря, а по завершению отделочных работ углубился в изучение Дао любви.

Слава о необычном монастыре быстро разлетелась по всему царству. Лучшие мужи китайского общества приезжали туда, дабы припасть к сокровенному источнику Учения. Программа занятий была чрезвычайно насыщенная, можно сказать, в традициях полного у-вэя, и отлынивать от учебы не удавалось никому. Цзинь Цзунь Цзюань самолично следил за тем, чтобы гости днями постигали теорию Дао, а по ночам совершенствовались в ее практике. Хотя, в виду того что окна обители плотно занавешивались, день ли стоял на дворе или ночь, этого никто наверняка не знал.

В стенах монастыря встречались правители и военачальники, купцы и министры. Немало политических решений было принято ими за плошкой рисовой водки, немало волос выдрали потом с их голов ревнивые супруги и наложницы.

Вокруг монастыря расцвела торговля и ремесла, внутри монастыря философы и музыканты, поэты и художники двигали вперед культуру и искусства. Цзинь стал наиболее полезным человеком в стране, а его обитель – самым процветающим заведением в государстве. Что же касается Полного Увэя, то как-то, когда его жена гостила у Цзюаня, Увэй застрял в дверях на кухню и умер от голода.

Часто люди спрашивают, что такое полный у-вэй и чем он отличается от простого у-вэя? По-моему, ответ очевиден. Полное недеяние отличается от недеяния неполного именно своей полнотой. А полнота жизни, как не раз говорил великий учитель Шень Пен Цао, – лучший способ эту жизнь прожить.

Проблемы студента Линь Бяо

«Учитель, - обратился Линь Бяо к мастеру Шуню, когда занятия кончилось и посетители разошлись. - Я знаю, что вы одиноки, и одиночество помогает вам видеть жизнь такой, как она есть, и находить правильные решения в любой ситуации».

«Да это так, - ответил Шунь важно. - Продолжай же, - одобрил он Линя, видя его замешательство, - я тебя внимательно слушаю».

«Хозяин, у которого я снимаю комнату, требует денег за постой, но я беден, и у меня их нет. Жена хозяина просит быть с ней полюбезней, и тогда обещает выдавать мне каждый месяц нужную сумму в виде вознаграждения за услуги. Но дух главнокомандующий Ву, который навещает хозяйку, когда нет мужа, грозит мне: если я буду полюбезней с хозяйкой, он начнет навещать дочь хозяина прекрасную Ми, а я сам по ночам лазаю к ней в спальню.

Но когда я остаюсь ночевать у себя в каморке, хозяин приглашает меня поужинать и поиграть в кости. В результате я напиваюсь до такой степени, что не могу найти спальню Ми, а потом все сны напролет дух главнокомандующего Ву заставляет меня маршировать по городской площади. За ночь я так устаю, что просыпаю начало занятий, а это отражается на моей успеваемости. К тому же Ми нравится мне больше, чем водка, жена хозяина – больше, чем кости, а хозяин – больше, чем Ву.

Я пробовал выучить Ву играть в кости, чтобы как-то занять их обоих, пока я буду проводить время с хозяйкой или с Ми. Но военачальник совсем не любит игр. Ссориться же с Ву мне совсем нет резона - если я съеду, он обещает показать мне место, где зарыт клад. Но если я съеду из дома, то больше не смогу видаться с Ми и играть в кости. Что же мне делать?»

«Мне бы твои проблемы», - ответил учитель и тяжело вздохнул.

На роду написано

Жил в одном уездном городе некий Шу и был он писцом такого последнего разряда, что жалования его практически ни на что не хватало. Как только Шу приносил домой честно заработанные деньги, его жена Паньтяо пересчитывала монеты и кричала: «Зачем ты только, подлец, вообще на мне женился, если не можешь содержать такую прекрасную женщину, как я?! Скотина ты после этого и больше никто!»

Как ни старался Шу продвинуться по службе, ничего у него не получалось. Менее искусные в каллиграфии стряпчие

перескакивали по служебной лестнице прямо через его голову, а тихий и образованный Шу так и не научился брать взятки и воровать, поэтому не находил себе места ни в жизни, ни в обществе, от чего безмерно страдал. Вот до чего довела его неспособность к социальной адаптации. К тому же он писал стихи...

А когда-то сидели они с Пантья, обнявшись, под деревом, слушали пение птиц и журчание ручья. Он дарил ей солнце, луну и звезды, и они были счастливы. А ныне только он устраивался под деревом, как слышал: «Стихи пишут до брака, а после брака одни дураки их пишут, неудачник хренов! Вот, смотри, как живет наш сосед Шишу. И дом у него большой, и хозяйство у него большое и сам он толстый и красивый. Не в пример тебе!»

И действительно, по соседству с ними жил чиновник Шишу, достаточно большой чиновник с достаточно большим жалованием. А еще Шишу был непосредственным начальником Шу и гонял его на работе, как сидорову козу.

Но вот однажды пришел Шишу к Шу домой и по-соседски так говорит: «Слушай, Шу, научи меня стихи писать. Вся жизнь у меня на уме только деньги, деньги и деньги. Надоело! Душа от бездуховной жизни места себе не находит».

Обрадовался Шу и стал учить соседа премудростям поэзии. Вскоре Шишу увлекся чтением классических поэтов и забрал Пантья к себе, чтобы она ему страницы переворачивала. После чего в доме Шу воцарилась тишина. Никто не мешал поэту слушать пение птиц и журчание ручья, отчего он был на вершине счастья.

Но прошел месяц, и Шу неожиданно почувствовал, что ему чего-то не хватает. Чего-то такого смутно непонятного, но при этом очень женского. И как-то ночью он прокрался к Шишу в дом, заглянул за ширму, и с этой минуты в душе Шу закралось неприятное подозрение, которое к утру обрело законченный вид адюльтера. Больше Шу никто в родном уезде не видел.

Минуло пять лет. И вот проезжал через это место придворный поэт самого императора, да и остановился на ночлег. Весь город сбежался посмотреть на богато украшенные колесницы и нарядно разодетых слуг.

На другой день вельможа вызвал к себе городского голову и спросил: «А что, не знаешь ли ты некую Панья, которая была замужем за нищим поэтом?»

«Почему же была», - склонился в почтении чиновник, - она и сейчас замужем за нищим поэтом».

«Странно, – удивился вельможа. – А живет ли у вас чиновник по имени Шишу?»

«И Шишу у нас тоже живет. Только он больше не чиновник, потому как бросил службу и пишет стихи».

«У этой женщины на роду написано быть женой бедняка», - подумал Шу и приказал отправляться в дорогу.

Юй говорит

Однажды я увидел башенные часы без стрелок. И задумался. И после этого я перестал спешить и поэтому больше никуда не опаздываю.

В другой раз я наткнулся на ветряную мельницу, которая просто махала крыльями и ничего не молола кроме ветра. И я снова задумался. И с тех пор, делая бесполезную работу, знаю: она рано или поздно кому-нибудь пригодится.

Как-то я повстречал маяк, который не испускал ни одного луча наружу, но освещал себя изнутри. И я опять задумался, и тогда занялся самопознанием, чтобы лучше понимать других.

Каждый раз, сталкиваясь с необычным, я находил в нем обычное, а ныне, хотя и кажусь необычным, живу проще простого. И вот теперь вам не нужно меня слушать, но вы слушаете. И вот сейчас мне нечего вам сказать, но я говорю.

Посмотри на собаку

В городе Кунг-фу, но не в том Кунг-фу, что стоит на реке Янцзы, а в совсем другом Кунг-фу, расположенном на реке Иньцзы, жил да был один мастеровой человек по имени Синь Дзянь.

Семья у него была большая, жена – сварливая, работа – неблагодарная, а радостей в жизни - никаких. По совокупности этих причина он часто задумывался о смысле жизни и она

казалась ему абсолютно бессмысленной. И так как смысла Синь Дзянь ни в чем не находил, то ежевечерне напивался с горя в трактире и спал под мостом до самого утра.

Однажды Дзянь проснулся от щекотки в носу, но вместо лучей солнца, пробивающихся сквозь щели ветхого сооружения, увидел склонившегося над ним незнакомца. Тот вынул травинку у него из носа, улыбнулся и сел рядом. В его ногах устроилась дворняга, которая занялась выкусыванием блох и была полностью поглощена этим занятием.

Синь обрадовался неожиданному слушателю и поведал о своей жизни, не скупясь на цитаты из Дао дэ Цзын и крепкие народные выражения.

Незнакомец слушал Синя будто в недоумении, а когда Дзянь закончил плакаться, дунул на одуванчик, да так, что парашютики семян разлетелись в разные стороны и самые отчаянные из них попали дворняге в нос. Она чихнула, и сотня новых парашютиков взвилась вверх им на смену.

«Посмотри на собаку, - начал незнакомец, - она живет «здесь и сейчас», поэтому у нее нет никаких «духовных» проблем. Оттого-то, когда ей что-то попадает в нос, она чихает, когда злится - рычит, а когда ей хорошо, виляет хвостом. Не в этом ли состоит правда жизни?»

«Наверно», - неуверенно отозвался Синь.

«Так зачем же ты тратишь жизнь, раздумывая о смысле жизни? Ведь пока ты занят думанием, сама жизнь проходит мимо. Отчего же, когда тебе плохо, ты делаешь себе еще хуже, а когда тебе хорошо, не умеешь этому радоваться?»

Так сказал незнакомец и исчез, оставив Дзяня с вопросами, которые вовсе не требовали ответа. Дзянь огляделся, но и собаки след простыл. Тогда, чтобы прийти в себя, он решил умыться, но река тоже куда-то подевалась. Синь, поглядел вверх, надеясь обнаружить над головой мост, но и тот пропал, будто его и не было. Только синее небо, по которому бесцельно плыли степенные облака, окружало его со всех сторон.

Синь, помотал головой, но наваждение не исчезло.

«Небесные хранители! - перепугался он, - Где ж это я? И кто я? И куда подевались все мои проблемы?»

Дзянь ощупал себя, проверяя: остался ли он человеком или превратился в бесплотный дух, и тут обнаружил в руке одуванчик. Не долго думая, он дунул на него как следует и

заулыбался чему-то своему, о чем ни автор, ни читатель никогда не узнают.

Возможно, эту загадку разрешила бы собака, но, во-первых, собака убежала, во-вторых, вы же знаете, собаки не умеют разговаривать, а в-третьих, обычно им нет дела до таких глупостей.

Поэзия параллельных и перпендикулярных Дао

Стихи любезно предоставлены мне поэтом Цзю Сю. Они написаны его братьями по перу, коротающими свои дни в темнице по приказу повелителя Багуа. Вирши следует читать нараспев, аккомпанируя себе на цыне. Если цыня у вас нет, эту главу можно пропустить.

* *

мне жалко времени
а времени меня не жалко
я полюбил его, как только смог понять
что вечностью не буду избалован
и тратил время только не на пустяки
хотя для многих время – это мера скуки
а если я и тратил время даром
то, наблюдая жизнь, чтобы запомнить впрок
но времени предельно безразлично
чем занят каждый и займется чем
и не повторишь время горькой просьбой
зато оно тебя по кругу гонит
не повернешь его назад
а сам пойдешь – и можешь не вернуться

* *

любимый телевизор – за окно
а в том углу расквартируешь счастье
о днях не вспоминаешь – не до них
тут мимолетности такие пролетают
что вечность тает в кулаке ладони
и вот затеешь чай и водишь дружбу с небом

по дому ходишь тихо-тихо так
чтоб не мешать стенным часам ходить
и дабы выпал прошлогодний снег
начнешь листать классическую книгу
нет цели, если стало цельным все
нет смысла, если от тебя он смылся
ну, кроме заплутавшей где-то мысли
о телевизоре
что эта вещь в обиде на меня

* *

прийти из ниоткуда
уйти в никуда
и в промежутке
бродить по дорогам
которые никуда не ведут
чтобы искать то
что никогда не терялось
как глупа участь умного

* *

на небе — небо, на земле - земля
контраст на уровне
и уровень контраста
уже назвали Дао без тебя
поэтому лети, завидев землю
дави на небо мерным шагом
и плачь, коль на душе смешно
и смейся, если слезы сыплют градом
как только вражеское Дао
зажмет тебя меж небом и землей
таких щедрот ты можешь враз лишиться
и просветленья у тебя тогда - ни дать, ни взять
один лишь способ справиться с напастью
напиться, чтобы света не видеть

* *

черные звезды на белом небе
дома из мягкого кирпича
тупики, ведущие к выходу, и

вопросы на ответы
сегодня мир тебя не узнал
но это не повод для знакомства

* *

ищу присутствие свое в пространствах бытия
не нахожу
поскольку круты горы, а туман глубокий
спрошу ученика, слышь, псих тибетский
не видел ли учителя сродни туману и под стать горам
но ученик молчит, он глух с рождения
поэтому не нахожу, не вижу и не слышу того
чего везде всегда вокруг и так без меры

* *

когда я пошел,
куда глаза глядят
то пришел туда
куда нужно
когда я прочел книгу
без названия и автора
мне многое стало ясно
когда я выбрал цель
в которую не попасть
цель сама попала в меня
мир не стал от того
ни круглей, ни квадратней
небо осталось небом
земля – землей
а трава между ними
как прежде растет снизу вверх
но с тех пор я живу
как вижу
и продолжаю идти
куда глаза смотрят

* *

верю в приметы, не верю – теперь уж без разницы
знак на пути или свет – мне давно все равно
иду прямо к цели дорогой никем не отмеренной

через прозрачную ясность шаги пролегают
падают листья цветные, и в этом падении двигаюсь
падают звезды резные, и в этом падении двигаюсь
падает небо, и через лавину пространства шаги пролегают
падать хочу вместе с небом, но времени нету
вышел их дома – так вышло, и в гости направился
в гости иду постоянно к тому, кто в гостях постоянно
тысячи дней и ночей убежден, что застану себя
но разминулся навечно во времени

* *

когда на улице морозно и ветрено
зябнут крылатые птицы и бескрылые путники
если в доме тепло и тихо
забываются невзгоды прошлых дней
иногда приходит время, когда есть, что сказать
но трудно говорить
найдется, о чем помолчать, но просят слов
есть, чему радоваться, но на дворе морозно и ветрено
маленькую радость можно вырастить до большого счастья
мелкие огорчения никогда не дорастают до больших бед

* *

когда я был умный
я желал соответствовать и старался иметь
не находил себе места и искал смысл
переживал по поводу и торопился успевать
когда я был умный
я тащил на себе всю эту гору как последний дурак
теперь я глупый
Солнце светит днем
ночью - Луна
а между листьями книги - забытый осенний лист
все вокруг только и делают
что хотят мне добра
а у меня все в порядке
дуракам везет

* *

потерять смысл жизни легко
найти смысл жизни трудно
одни знают, что никакого смысла в жизни нет
другие без конца его ищут
завидуешь умной глупости первых
они ничего не теряют
жалеешь глупый ум вторых
они ничего не находят

* *

устал от слов, от мыслей, от себя
реальности остов в прорехах бытия
былого интереса не рождает
я заплутал в его путях сквозных
дни тают, листья облетают
и скоро счет окончится у них
я на прощанье поклонюсь природе
ну, в общем, что-то в этом роде

Пустота наполненности

Во времена правления династии Гу жил да был в царстве Го в монастыре «Склонившейся ивы» послушник Жошу, который, как думают многие, чуть было не постиг великую мудрость Тай Жун. Но случилось так, что настоятель монастыря отправил в его в далекое странствие на край земли, чтобы составить о нем представление. Поэтому Жошу полжизни шел туда, куда его послали, а остальные полжизни возвращался, поэтому не постиг великую мудрость из-за нехватки времени и по независящим от него обстоятельствам. Зато он оставил после себя свиток из шестисот иероглифов с таким названием: «Впечатления монаха Жошу из монастыря «Склонившейся ивы» от путешествия на край земли с кратким, но сравнительным описанием людей края земли, их быта и их нравов».

«Что же это за место такое, этот край земли?» - может спросить меня любопытствующий читатель. Тут требуются некоторые пояснения. Это тоже Поднебесная, но вторая по

счета, именно ее сотворили некогда великий даосский муж Тофу. Хотя кто его знает, первая она или вторая, кто какую создал и происходили ли эти события в действительности.

Жители одной Поднебесной были очень заняты сами собой, поэтому никого никуда не посылали, а жители другой Поднебесной периодически отправляли гонцов к своим антиподам, дабы быть в курсе мировых событий. Одним из таких гонцов и был Жошу. Вот, собственно, его рассказ.

Они везде и всюду эти люди, и нет ни одного места, где бы они вам ни встретились, так плотно они заселили землю и так быстро по ней бегают. Разные у них лицами, хотя все они на одно лицо, но вы сразу их узнаете и ни с кем не спутаете. Они активны, как тараканы, и напористы, как голодный крокодил. Они бессмысленны, как цикады, разговорчивы, словно попугаи, и бесцеремонны, как влезшая к вам в дом змея.

Они ищут компромиссы и навязывают себя окружающим, они блюдут общественные интересы, но находят свою выгоду везде, где только можно. Они верят: виселица - от слова веселиться, и реагируют на распродажи, как лягушка на восход солнца.

Цветист и разнообразен их мир: кружится вечно его бесцельный водоворот. Живут люди на гребне волны, сидят в первом ряду и всегда безумно заняты. Им до всего есть дело, везде они отыщут себе место и применение, и в этом хаосе беспорядка, ими же созданного, они ориентируются, как блоха на кошке.

Им кажется, что это они творят жизнь и создают ее перемены, но это перемены трясут их, словно кости в стакане игрока. Их чувства искусственны, их движения угловаты, а их покой нарочит, но они не замечают этого. Люди с краю земли придумали сериалы и поток сознания, жевательную резинку и вечный двигатель. Они говорят: возьми от жизни все, не задумываясь, что и самой жизни нужно тоже что-то после себя оставить.

Они плывут словно рыбы, не знающие, что такое вода, и летают как птицы, не ведающие, каков он, воздух. Люди на краю земли питаются событиями, как кролики морковью. Но помыслить о чем-либо в потоке дел невозможно, кроме как о самом потоке. Каждый вечер они возвращаются домой, заполненные впечатлениями по горло, и демоны ночи потрошат

их до дна, чтобы на следующий день они наполнили себя заново.

Жизнь у людей тут веселая, а сами они скучные; рассуждения их умны, но живут они глупо; энергии им не занимать, но активность их не приносит радости. Они превращают свои дни, полные надежд, в дни, полные забот. Люди с края света непрерывно куют свое счастье и потому несчастливы. Они торопятся всё успеть и оттого всегда опаздывают. Люди на краю земли мнят себя хозяевами жизни, поэтому незавидная у них участь.

Похоже, они что-то потеряли и постоянно это что-то ищут, стараясь заполнить внутреннюю пустоту событиями любого рода. Но не в состоянии это сделать, поскольку потеряли себя, а ищут нечто другое.

Они не могут долго оставаться самими собой. Для них быть собой – значит, оказаться в пустоте, что равносильно смерти. А смерти они боятся. Еще они считают, что любят жизнь. Возможно, это и так, вот только жизнь не отвечает им взаимностью. Люди с края света хотят иметь всё, и у них действительно есть многое. Однако жизнь всегда оставляет их с носом.

Люди с края земли живут умом и вечно заняты вечными делами, ибо они рабы собственных проблем и чужих обстоятельств. Но проходят годы, и по прошествии времени видно, что жизнь их - пустая трата сил и времени, бестолковые усилия жука, накрытого стеклянной банкой.

Только жизненный кризис может открыть им истинный порядок вещей и обнажить тонкую связь мира внешнего и внутреннего. Только тогда они начинают понимать, что лучшая мелодия - это тишина, истина непроизносима, а самый красивый закат закатывается без свидетелей.

Наши люди, чувствуют эту связь и живут здраво. А живя здраво, они свободны. Свободные люди живут достойно. Они не боятся смерти, потому что доверяют судьбе. И она у них действительно есть.

Наши люди находят время и для дел, и для размышлений по их поводу, но не зависит ни от первых, ни от вторых. Они всегда делают то, что хотят, и не делают того, чего от них требуют, но им не нужно.

Люди с края земли хотят жить не хуже других, а наши соплеменники живут себя сами. Мы живем, как взрослые, но похожи на детей. Мы чувствуем то, что нельзя передать словами, и не говорим лишних слов.

Мы делаем только то, что нам нравится, но плоды наших трудов нужны всем. Мы ничем не гордимся, это нами гордятся другие. Мы никому не завидует, это нам завидуют многие. Мы никуда не торопится, но все успеваем.

Мы можем быть богатыми, властными, умными, но вместо этого мы просто счастливы. Ведь счастливыми бывают не потому что, а просто так.

Вброд через высохший ручей

Как-то великий мудрец Юй решил умереть, ибо все испытал, все изведal и все ему в жизни приелось, и не знал он только одного – какая она есть, эта смерть. Юй созвал учеников и сказал: «Всему, чему я должен был вас выучить, я научил. И мне нечего к этому добавить. Однако есть у меня одна маленькая просьба. То ли от скуки, то ли по какому-то душевному расположению исписал я пару страниц разными речениями. И вот сейчас смотрю на них и думаю, хорошо бы, если б они кому-нибудь пригодились и после моего ухода. Поэтому поставьте на дороге камень и выбейте на нем эти слова. Такова моя последняя воля».

Сказал так Юй и умер. Но после смерти учителя не нашлось того, кто смог был заменить собою Юя, монастырь остался без настоятеля, ученики разбрелись, кто куда, а о просьбе мастера забыли. Только Обаку, перед тем, как отправиться в дорогу, взял из каморки учителя заветные свитки, завернул их в тряпицу и спрятал за пазухой халата.

Долго размышлял Обаку, как бы ему выполнить просьбу учителя, и непременно выходило, что в одиночку ему с этой задачей не справиться. Загоревал Обаку и решил хотя бы узнать, что же там такое написано. Достал заветный сверток и принялся за чтение:

Родившись, непременно кричи, чтобы тебя услышали,
а перед смертью обязательно посиди на дорожку.

Не ругай себя – ты ничего не сделал,
не хвали себя – ты ничего не совершил.

Ни с кем себя не сравнивай – каждый сам себе по-своему,
никого с собой не равняй – другого такого, как ты, нет, и не
будет.

Духовные искания обедняют повседневные радости,
но увлеченность повседневным обедняет всю жизнь целиком.

Самосовершенствование – это порок,
потому что душа не нуждается в усовершенствовании.

Свобода – это келья с открытой дверью,
а шаг, сделанный тобой в любом направлении, всегда ведет в
одну и ту же сторону.

Чаще заглядывай в пропасть и почаще смотри в небеса,
тогда или ты свернешь себе шею, или зазор между ними
исчезнет.

Только одиночество превращает человека в самого себя.
Общение всегда заставляет его быть кем-то.

Найдя применение в обществе, человек теряет себя.
Найти себя можно лишь внутри себя, а не снаружи.

Временные трудности длятся всю жизнь,
вечная проблема решается за одну минуту.

То, что хочешь удержать любой ценой, самое ненадежное.
То, что само идет в руки, кажется лишним.

Чтобы сделать плохую работу, нужно как следует
потрудиться.

Хорошая работа творится без усилий, сама собой.

Трудно добиваться того, что тебе на самом деле не нужно.
Легко оказаться там, где тебя не ждут.

В мире нет ни одного человека, за кого стоило бы отдать
жизнь,
если этот кто-то, не ты сам.

Одинокое дерево не знает, что оно одиноко.
Многочисленный лес не знает, что он не один.

Чем лучше недостатки, тем хуже достоинства.
Чем тяжелее дорога, тем легче путь.

Чувства могут обмануть,
предчувствия не обманывают никогда.

Думая о себе, непременно начинаешь думать о ком-то
другом,
вспоминая о других, неизбежно начинаешь размышлять о
себе.

Не борись с собой - даже если ты победишь, ты все равно
проиграешь,
не верь себе – занятие самообманом у нас в крови.

«Оставайся самим собой», - сказала яйцу курица, и не стала
его высиживать.

«Оставайся самим собой», - сказала яйцу кукушка, и
подбросила его в чужое гнездо.

Люди, считающие ворон, обычно глубже понимают
окружающую их действительность,
синиц, которые не давались в руки, назвали впоследствии
журавлями.

Обаку понял из наставлений учителя далеко не все. Какие-то
изречения показались ему обычными, иные - непонятными, а
какие-то – даже заумными, и сколько он ни перечитывал
последние, никак не мог уразуметь, какая в них заключалась
мудрость, и что ему с этой мудростью делать.

Зато афоризмы о птицах понравились Обаку больше всего. Он вообще любил птиц, часто бродил по лесам, слушая их пение, или наблюдал, как они ухаживают друг за другом и строят гнезда. Именно птицы надоумили его, как выполнить последнюю просьбу учителя.

Окрыленный пришедшей ему в голову мыслью, Обкаку, было, бросился осуществлять затею немедленно, но потом решил, в знак уважения, дочитать наставления Юя до конца и взялся за второй лист. Изречения на нем были длиннее:

Ты появился на свет.
Не стоит придавать этому большое значение.
Чем больше смысла видит человек в своей жизни,
тем серьезнее обстоятельства,
с которыми он борется,
и проблемы, которые решает.
И тем меньше у него остается времени на саму жизнь.
Но жизнь - это не проблемы и не обстоятельства.
А цветок на обочине. Пустяк.

Судьба человека не имеет «человеческого лица».
Жизнь человека лишена человеческого смысла.
Цель, ради которой он появляется на свет, живет и умирает,
подчинена какой-то другой, посторонней для него идее.
А сам он - лишь некий инструмент для неких событий в
пространстве и времени.

Все, что происходит с человеком, происходит с ним вовремя,
точно в срок.

Это человек то опаздывает и медлит, то забегает вперед и
торопится.

Поэтому можно радоваться, когда мечта сбылась,
но групо печалиться, если желаемое не случилось.

Умный ты или глупый, какое это имеет значение?
Ведь ум - это свойство ума, а не достоинство или гарантия
чего-либо.

Есть много умных людей, которые живут глупо,
и много глупых, которые умно распорядились тем, что имеют.

Человек должен меняться...

Человек должен оставаться самим собой...

Только у человека получается одновременно и то, и другое.

Мало того, он только тогда и меняется, когда верен себе.

И остается самим собой, если не боится перемен.

Не делай вреда другому, и он не заметит твоего присутствия.

Открой ему Путь, и он, не задумываясь, пойдет в другую сторону.

Скажи ему: «В добрый час», и он не повернет головы.

Ожидать благодарность – это требовать взамен что-либо за то, что ты отдал даром.

Свободный человек всегда одинок, но не все одинокие люди свободны.

Свободный человек не чувствует своего одиночества, а несвободный – им тяготеет.

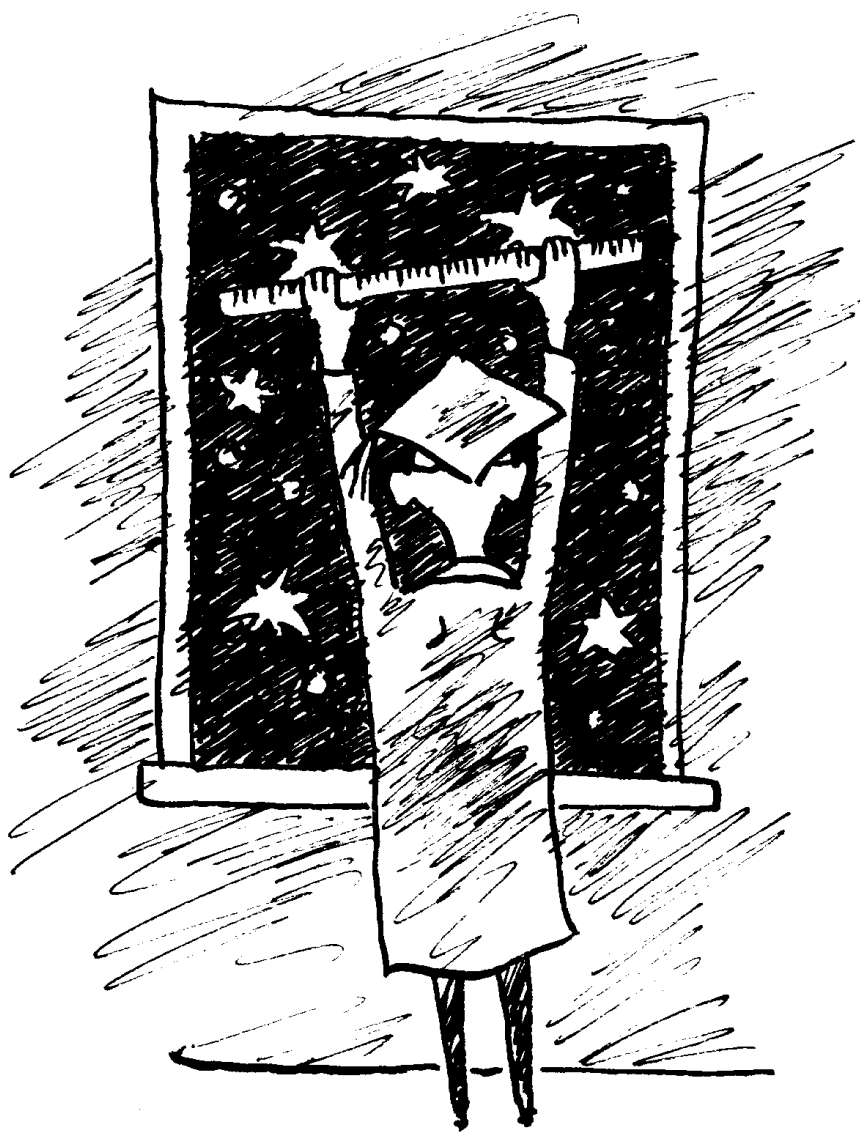
Иногда мы чувствуем себя свободными, иногда - одинокими, но лучше всего счастливо пребывать на полпути из одного состояния в другое.

Наконец, изречения кончились. Тогда Обаку достал нож, наточил его и аккуратно разрезал листы бумаги на тонкие ленты так, чтобы на каждой было по одному афоризму. Затем он собрал ленточки в охапку и развесил их на ветках деревьев, дабы птицы, мастерившие в эту пору гнезда, использовали их в своем деле. Вскоре мудрости Юя разлетелись по всей земле. Так последняя просьба учителя была выполнена.

Лишь один афоризм учителя Обаку решил оставить себе на память. Он прилепил его рисовым мякишем к внутренней стороне шкатулки, чтобы, открывая ее, можно было вспомнить о старом мастере. Откуда у него взялся этот диковинный ящичек, Обаку не знал. Честно говоря, хранить в нем, по причине бедности хозяина, было абсолютно нечего. Поступив таким образом, Обаку закрыл шкатулку и поставил ее на самое видное место.

Вскоре Обаку решил проверить, все ли ленточки с изречениямигодились, и с радостью убедился, что птицы не оставили от мудрости Юя ни следа, и все они – и обычные, и про птиц, и непонятные, и даже заумные -годились. Однако,

Легенды Бунтона, или Война красных и желтых шапок

Если вы ничего не слышали о Бунтоне, этот рассказ поможет определиться, нужно вам туда или нет. По крайней мере, мои давнишние знакомые Лобсанг и Рампа такого же мнения. Сам я ничего о Бунтоне не знаю, поэтому написал эту повестушку легко и весело, дабы с огромным удовольствием прочесть ее вместе с вами. Кто знает, как после этого сложится наша жизнь? То ли мы забудем о Бунтоне в тот же час, то ли соберемся в дорогу. Там видно будет.

1

Война красных и желтых шапок? В Бунтоне? Уверен, знатоки моды сейчас поднимут меня на смех. Да я и сам с удовольствием посмеюсь с ними за компанию. Что и говорить, Тибет мало пригоден в качестве центра мировой одежной гламурности, а тем более королевство Бунтон – дыра дырой даже по гималайским меркам. Но, так или иначе, самое необычное событие в мире выкроек и фасонов произошло именно в этом малоприметном, малопонятном и трудно различимом на глобусе месте. Именно в Бунтоне модные течения, являющиеся всего лишь завитушками в прическе истории, стали причиной многолетнего кровопролития, в результате которого погибло множество монахов, три пришлых культуролога и один местный йети.

2

Прежде чем поведать сию драматическую историю, не помешает разъяснить читателю, где же расположен этот самый Бунтон, если он, в самом деле, где-то расположен, и что он собой представляет. О Тибете и его окрестностях написано немало фантастических баек. Например, в музее-квартире Александры Дэвид-Нейл, собиравшей эти возмутительные басни многие годы, целая комната занята сваленными в кучу вырезками, посвященными жизни тибетских лам. Как они медитируют в своих труднодоступных горах на бликах от бутылок с божоле, закусывают рокфором и распевают потом буддийские шансоны. Поэтому давайте смотреть правде в глаза.

Формально королевство Бунтон всегда входило в состав Бутана или Непала, но исторически повелось, что на индийских географических картах оно относилось к Индии, а на китайских – к Китаю. Сам же Бунтон всегда принадлежал только самому себе. Королевство Бунтон раскинуло свои руки-долины неподалеку от водной артерии под названием Малая Брахмапутра, притулившись одним боком к Южному Тибету, другим - к Северной Индии и упершись яйцевидной макушкой и худыми ножками в горные хребты на востоке и западе, как это делает младенец в ставшей ему не по размеру кровати.

Итак, горы подпирают долину, где разместился Бунтон со всех сторон наподобие грозных исполинских великанов, храня это богами примеченное место в безмятежном покое, всеобщей безграмотности, просветлении и антисанитарии. Время в Бунтоне течет медленно, словно масло из треснувшего кувшина, а дни перетекают один в другой без синкоп, пауз и дребезжания будильника. Посему ищущий духовности европеец, оказавшийся в тамошних пенатах и не нашедший в себе силы или средства покинуть сей райский уголок сразу же по прибытию, прилипает к Бунтону, как муха на липкую ленту.

3

Современная политико-экономическая справка поможет нам лучше понять эту загадочную страну. Согласно конституции Бунтона, которую, вообще-то никто в глаза не видел, земля и вода, горы и долины, животные и растения, полезные и бесполезные ископаемые, воздух и облака на небе принадлежат народу. Народ принадлежит королю страны Брахмапутру, а Брахмапутр - принадлежит себе сам. На этом стояла, стоит и будет стоять бунтонская цивилизация. И когда весь остальной мир погибнет в горниле ядерной заварухи или мировой глобализации, бунтонцы только почешут решу, посетуют на глупость людей, живущих на равнинах, и займутся своими повседневными делами.

Флаг Бунтона - полотнище абсолютно прозрачного цвета, символизирующее пустотность материального мира и иллюзорность человеческого существования. Герб у страны отсутствует, а в качестве гимна используются застольная песня, отдаленно напоминающее наше «Шумел камыш, деревья гнулись».

Государственная казна Бунтона пополняется в основном за счет семитысячника, покорять который каждый год съезжаются толпы, безумных с точки зрения бунтонцев, людей из Европы и Америки. Доход, как ни считай, выходит немаленький. От погибших альпинистов остается дорогостоящее снаряжение, вкусные и очень питательные консервы и прочие интересные вещи, которые идут в Фонд национального благосостояния. Правда, бунтонцам приходится отстегивать часть добычи йети, состоящих в доле, ибо все трагические происшествия происходят на их территории и часто с их помощью. Но бунтонцы - люди не жадные.

Национальный символ Бунтона служит ленивец, намекающий на образ жизни и уклад аборигенов. А если вы спросите меня: «Откуда, черт возьми, там могут взяться ленивцы?» Отвечу просто: «Есть вещи, которые могут задеть национальное самосознание народа. И по этой причине они не обсуждаются». Национальным героем Бунтона является Гьялцен Тобгял Чунта, который умудрился однажды выпить сразу двадцать литров пива «Балтика № 9», которое привезли в качестве знака доброй воли туристы из России.

История у Бунтона отсутствует по причине отсутствия в стране времени, поскольку бунтонцы приемлют в обиходе только время сновидений. Существование внешнего мира находится у местного народонаселения под большим сомнением. По этой причине бунтонцы ничего не знают о договорах по сокращению ядерного и прочего вооружения, ценах на нефтяные фьючерсы, мировом сионистском заговоре и происках озоновой дыры, считая подобные знания бессмысленными и не пригодными ни к какому делу.

Как-то раз я видел на какой-то карте Бунтон, но теперь уже не вспомню где и когда это случилось, так что о географии Бунтона ничего определенного сказать невозможно. Единственное, что в Бунтоне уважают, так это астрономию, но об этом вы узнаете в свой черед.

Телевидение, газеты, радио, настенные, настольные и ручные часы в Бунтоне запрещены. Местных жителей лишают за это гражданства и депортируют в соседние страны. А орудия дьявола подлежат конфискации после чего разбиваются молотком, а остатки механизмов сжигают на ритуальных кострах.

Поэтому жизнь бунтонцев спокойна, размерена и нетороплива. Все дни похожи один на другой, другой - на третий, а третий - на четвертый. Именно поэтому солнце в Бунтоне всегда восходит на востоке, а заходит на западе. Именно оттого все бунтонцы перманентно счастливы. Они радушны, приветливы и улыбкивы, но вороваты. Но если вы будете внимательно следить за своими вещами и карманами, то извлечете из общения с ними много приятных минут.

4

Об этой экзотической стране европейцы узнали лишь в 1940 году, когда немцы, захватившие одного из героев Французского сопротивления, с удивлением узнали, что им попался выходец из Бунтона - монах по имени Цогьял Тунсонг Зангпо. Товарищи по оружию звали его намного проще. Так, на расширенной встрече французов с правительством Великобритании, Черчилль заметил в рядах отважных гасконцев маленького черноглазого бойца и, потрепав его за щеку, воскликнул: «Какой у вас приятный бой!» «Да, - ответил де Голль, краснея от смущения, - это наш Гарсон».

В Аненербе не поверили, что Цогьял Тунсонг Зангпо перенесся в оккупированную Францию по воздуху одним усилием воли, и уже решили его как следует попытать перед расстрелом, но монах исчез из запертой камеры, оставив на память о себе автопортрет, выполненный углем по сухой штукатурке в манере позднего импрессионизма.

5

Однако вернемся к экономике и всему такому прочему, ведь эти и иные сведения в нашем рассказе об этой удивительной стране так же необходимы, как палитре - краски, атомному ядру - протон, а лягушке - болото.

Промышленность в Бунтоне отсутствует, потому что запрещена. Экономика объявлена вредной ересью, политика тоже находится под запретом и за ее пропаганду могут отрезать уши. Торговля осуществляется только в базарные дни меновым способом, ибо деньги бунтонцы презируют. Правда, их презрение относится исключительно к местной валюте.

Сельское хозяйство в стране существует постольку поскольку, ибо зависит исключительно от чередования

наводнений и засух. В Бунтоне пытались одно время культивировать дерево Бодхи, росток которого был украден в соседнем государстве, не будем называть, в каком именно, - но росток не прижился и засох. Пробовали культивировать в Бунтоне и опиумный мак, но и этой затее тоже ничего не вышло. Дело в том, что вся выращенная продукция сразу потреблялась внутри страны, а на экспорт ни оставалось ни грамма.

Полезные ископаемые в Бунтоне не добывают, хотя имеются. Дело в том, что среди бунтонцев сильно развито экологическое движение и рыть свою землю, делая в ней ямки, они никому не позволяют. Именно по этой причине они поступили с неким хорошо известным артефактом весьма радикальным способом. Согласно абсолютно достоверным данным на территории страны находится вход в Шамбалу. Вернее, находился, ибо бунтонцы аккуратно завалили его камнями так, что сейчас никакой даже трижды шлиман ничего найти не сможет.

Налоги бунтонцы не платят. Вооруженные силы Бунтона представлены одним человеком, о котором вы еще узнаете. Городов в Бунтоне нет, поэтому жители живут, где попало, общественный транспорт представлен только ослиами и мопедами, но так как бензина в Бунтоне тоже нет, мопеды имеют чисто номинальное значение и служат для бунтонцев предметом роскоши.

6

Скажем немного слов и о нравах бунтонцев и прочей культур-мультуре. Бунтонский язык принадлежит к неизвестной специалистам языковой группе. В нем примерно шестьсот слов, и что удивительно, этих слов вполне хватает, чтобы быть счастливыми. Речь бунтонцев представляет собой удивительную смесь благозвучных напевов, напоминающих весенние трели птиц, шелест листьев на ветру или журчание ручейка. Имеются в словарном запасе бунтонцев и заимствования из других языков. Так, например, они часто употребляют такие иностранные слова и выражения, как: «бонжур», «окей» и «пошелнахуй». В этом прослеживается удивительная пластичность, с которой народ Бунтона включает в своей обиход элементы чужой и чуждой им культуры.

Собственной письменностью бунтонцы не обзавелись, потому как она им без надобности. Что касается науки, то

такими глупостями в Бунтоне не занимаются. Образование в Бунтоне в обычном его понимании тоже отсутствует.

Всемирная Организация Здравоохранения давно положила на Бунтон глаз, но гордые и самолюбивые бунтонцы отстаивают законы предков и свою независимость самоотверженно и бескомпромиссно. Как только над их головами висят вертолеты с красными крестами на боках и медикаментами внутри, бунтонцы отбрасывают в сторону свои палки-копалки и закидывают железных птиц камнями, пока те не разворачиваются и не покидают их благословенную Родину.

Национальная одежда бунтонцев представляет собой мешок из под риса, который вместе с рисом поставляет в Бунтон японское правительство в качестве гуманитарной помощи. Находчивые жители просто проделывают в мешке отверстия для головы и рук и щеголяют в этом наряде по будням и в праздники.

Люди тут добрые и отзывчивые и всегда готовы поделиться с вами последним, хотя этого последнего у них обычно не бывает. Еще бунтонцы любят веселиться. Праздничных дней в Бунтоне больше чем обычных, хотя такие понятия как «день», «месяц» и «год» в Бунтоне ничего не значат. В стране существует целых два официальных праздника: День рождения короля Бунтона Брахмапутра, который продолжается полгода, и день завоза гуманитарной помощи из Японии.

Из народных промыслов можно отметить изготовление отличной самогонки, которую бунтонцы даже экспортируют в соседние страны. А так же плетение корзин и изготовление амулетов, защищающих от нечистой силы. Все сие также пользуются огромным спросом на сопредельных с Бунтоном территориях и у туристов.

Бунтонцы гордые и благородные люди, они очень патриотичны и обожают свою Родину, и когда в Бунтон наезжают с блестящими бусами эмиссары из Китая, то собираются вместе, вооружаются кольями и гонят всю эту братию подальше от границы в сторону Поднебесной.

Одно время Бунтон переживал строительный бум, так как богатые европейцы, которые уже везде были и все видели, начали от скуки и безнадёжности строить в Бунтоне премиленький поселок с удобствами, что вызвало праведный гнев местных жителей, которые, по своему обыкновению,

вооружившись чем ни попадя, сначала устроили поселку дикий погром, а потом спалили его нафиг.

Кстати, история эта не единственная. Как только бунтонцы обнаруживают на своей территории спутниковое телевидение, интернет или мобильную связь, ими овладевает просто-таки невиданное негодование и тогда они хватаются за колья и разносят эти происки асуров и ракшасов в щепки.

Кроме национальной религии в Бунтоне распространены разнообразные народные верования, ибо все пережитки прошлого объявлены в Бунтоне национальным достоянием. Так же национальным достоянием объявлен в Бунтоне и сам бунтонский народ. Годы труда и побед сделали из них ревнителей праведности и почитателей йоги во всех ее возможных вариантах. Больше всего народ Бунтона ценит в людях духовность и старается занять этой духовности себе побольше, постоянно играя на духовность в кости.

7

Нравы в Бунтоне дикие, но справедливые. Слово «гендер» означает у бунтонцев шелудивого пса. Однако, в основном, бунтонцы весьма толерантны. Так, в стране преследуются только пидарасы, а гомосексуалисты живут в Бунтоне припеваючи. К слову сказать, ни те, ни другие там не встречается. Феминисток в стране никак не перевоспитывают, заставляя, к примеру, месить глину или класть шпалы, дабы удовлетворить их тягу к равноправию. Их просто высылают на сопредельные территории, ослабляя тем самым мощь соседних государств, к которым бунтонцы относятся с опаской.

Жены у бунтонцев общие, а дети - ничьи. Поэтому первые частенько на сносях, а вторые - постоянно сопливые. Старики пользуются в Бунтоне большим почетом и уважением, но в чем сие заключаются, никто не ведает. Единственная наука, которая в почете у бунтонцев, это астрономия. Пока мужчины устремляют свои взоры к звездам, женщины с утра до вечера готовят, стирают, моют, убирают, в общем, наводят в стране идеальный порядок, а если какой-нибудь астроном намусорит, бросив на землю бумажку, то сразу получает от рядом стоящей женщины палкой по жопе или кулаком в глаз, что зависит от величины бумажки. Можно сказать, что бунтонский сильный пол полностью находится в их нежных и заботливых руках.

Бунтонские мужчины целыми днями кучками сидят на корточках по обочинам дорог у входа в свои хибары. Они очень гостеприимны и, завидев проходящую мимо молоденькую европейку, сразу пытаются затащить ее к себе в хижину. А если ничего не выходит, то еще долго смотрят вслед ее удаляющимся под шортами ягодицам, красноречиво цокают языком и восторженно обмениваются друг с другом впечатлениями об увиденном.

8

Все этнографические экспедиции, посещавшие Бунтон в последнее время, не вернулись по культурным, идеологическим и религиозным причинам, поэтому сейчас по земле древнего и прекрасного Бунтона бегают смуглые детишки с голубыми глазами и детишки с темными глазами, но светлой кожей. Все они пользуются в стране равными правами, а обязанностей у бунтонцев, как вы знаете, нет.

Вот уже много лет в Бунтоне обитает колония хиппи и духовных искателей. Колония постоянно пополняется новыми членами за счет убывших по естественным причинам и вносит в жизнь местных жителей толику разнообразия. Но только толику, ибо бунтонцы воспринимают сие как знаки свыше, которые указывают им на то, что в колесо сансары можно вставлять палки, а карма не так страшна, как ее малюют. За что хиппи и местные жители пользуются друг у друга и у самих себя взаимным уважением.

Часто можно услышать фразу, что пора, мол, валить из этого гребаного Вавилона во Внутреннюю Монголию. И чем скорее, тем лучше. Там, де, на деревьях растут золотые яблоки, текут молочные реки, а на кисельных берегах загар пристаёт идеально ровным слоем. Скажу вам как интеллигентный и воспитанный человек: все это херня. И ничто иное как происки антиглобалистов. Во Внутренней Монголии ужасный климат, там нет рек, не растут яблоки, а кисель привозят из соседнего Китая, который производят там по российской технологии. Если уж вам захотелось куда-то валить, то валить нужно только в Бунтон. Короче, если вы ищете рай на земле, то теперь знаете, где он находится и как называется.

Особый разговор о природе Бунтона, которая, не побоюсь этого слова, и есть этот самый рай. О красотах этого благословенного края можно говорить часами, особенно, если ты там никогда не был. Климат в Бунтоне, по чести говоря, так себе: в горах холодно, в долинах жарко. Вода Бунтона, правда, всегда была богата рыбой, а воздух - птицей, но рыб и птиц там никто не ловит и в пищу не употребляет. На свой растительный мир бунтонцы тоже особого внимания не обращают. «Что выросло, то выросло», - говорят они. Хотя мир этот чрезвычайно богат и разнообразен по той причине, что никогда не изучался. Наверное, в Бунтоне произрастает множество эндемичных видов, но если их используешь в качестве дров для костра, разница между ними не очевидна.

Перейдем от флоры к фауне. Что касается животных, то вспоминается пара интересных эпизодов, иллюстрирующих отношение аборигенов к братьям нашим меньшим. Скажу сразу: пиетета в нем не наблюдается. Как-то раз на территорию государства забрел из Индии слон. Потоптался около приграничного столба и только успел щипнуть пару раз несанкционированной травой, как отважные бунтонцы обстреляли его камнями, и животное убралось восвояси - туда, откуда пришло. Еще был и такой случай. В национальном парке Бунтона жил одно время какой-то козел. Но один пьяный бунтонец ни с того ни с сего набил козлу морду. После чего обиженное животное ушло на постоянное место жительства то ли в соседний Бутан, то ли с соседний Непал.

Частные землетрясения не приносят бунтонцам никакого ущерба, ибо трясти там нечего. Разливы рек тоже не считаются в Бунтоне стихийным бедствием. Народ по привычке переживает этот катаклизм на верхушках деревьев вперемежку с обезьянами. Как говорится, в тесноте, да не в обиде. Это позволяет людям тесно соприкасаться с представителями животного мира своей удивительной страны. Конечно, от смешанных браков потом рождаются дети непонятной биологической принадлежности, но добродушные бунтонцы не обращают внимания на такие мелочи. Главное, считают они - свято соблюдать почетную обязанность, которую определила для них мать-природа: плодиться и размножаться.

Учить современного человека обхождению с природой так же глупо, как втолковывать калькулятору таблицу умножения: он и так все знает. Современный человек и особенно совсем юные экземпляры нашего биологического вида сами готовы поучить кого угодно чему угодно, особенно, если ничего не смыслит в предлагаемом обстоятельстве вопросе. И они правы, ведь за ними будущее.

И знаем мы этих туристов! После их ознакомительных экскурсий покоренные вершины Бунтона скрываются под горами мусора настолько, что местные жители не узнают родимых склонов, а местные бараны, пасущиеся среди бумажных упаковок, месяца через два овладевают английской грамотой настолько, что сносно читают обширные куски из Чосера и Шекспира. Как же это там?.. А, вот: «Ты бэ-э-э, о нот ту бэ-э-э». Ну вы это и без меня все знаете. Поэтому среди облаков нередко такие разносимые любопытным эхом диалоги:

«Слышь, Лобсанг, вроде как эта гора была раньше чуть повыше, а та – чуть пониже, и ущелье было справа, а не слева».

«Да ты что, Рампа! Тут вообще никаких ущелий никогда не было».

«Нет были», - возражает Рампа.

«Сам дурак», - парирует Лобсанг, прибегая к короткому магическому заклинанию.

«От дурака и слышу», - подводит итог диалогу Рампа, и друзья надолго замолкают, погрузившись в бон-бонскую медитацию.

Если неживая природа претерпевает такие серьезные изменения, то, что говорить о живой, не относящейся к царству твердых, как камень, минералов? После разрушительных туристических набегов долины, впадины и отроги сталкиваются с поистине гуманитарной катастрофой: птицы перестают пользоваться крыльями и начинают ходить пешком. Кроты залезают на верхушки деревьев, где на них нисходит офтальмологическое прозрение. Нимфы долин и ручьев, поначалу пристрастившиеся к табаку и спиртному, потом рожают неизвестно от кого и живут на гуманитарную помощь.

Особо отмечу дивные озера Бунтона. Их немного, но в каждом из них живет по дракону, не считая другой мелкой живности. Озера тщательно оберегаются монахами от

посторонних глаз, а уж поплавать или порыбачить в них удастся только за большой бакшиш, имеющий место после длительных препирательств и затяжных переговоров. Озера окружены густым лесом. И лес оный, состоящий из завалов поломанных деревьев, колючих кустарников и предательски заросших мхом ям, непроходим, как книга современного философа.

Какое правило нужно соблюдать при купании в горном озере? Опытный путешественник сразу вам скажет: не взбалтывать его и по возможности вести себя тихо. Делается это по двум причинам. Во-первых, на дне горного озера, как я уже отмечал, живет дракон. Ночью, в свете мерцающий звезд, он играет со своей водяной братией в го. Игра обычно ведется на щелбаны, а с русалками - на раздевание. Днем же дракон спит. Если дракона разбудить, вы точно станете его завтраком, обедом или ужином в зависимости от текущего времени суток. Во-вторых, вода горных озер ужас какая холодная. Даже в жаркий ясный день она прогревается буквально на метр в глубину, остальные полкилометра под вами – это не вода, а растаявший лед.

Как утверждают древние индийские тексты, пахтание мирового океана некогда привело к образованию суши и всего живого на земле, а все знают: непрерывное плавание лягушки в кувшине с молоком, не дает ей погибнуть, ведь она, в конце концов, опирается на твердый кусок масла под ногами. Но вода бунтонских озер чиста настолько, что пахтать в ней абсолютно нечего.

И если вы будете неосмотрительно сильно в ней бултыхаться, ничего напахтать кроме простуды вам не удастся, ибо купание сразу превратится в пытку, посильную разве что моржу с пятилетним непрерывным стажем. При перемешивании ледяная влага станет поднимается из глубины на поверхность к вашему посиневшему и нежному телу. Мелкие воздушные пузырьки будут хороводить вокруг вас, чтобы мгновенно исчезнуть, символизируя тем самым иллюзорность мироздания, неумолимость сансары и быстротечность вашей жизни.

Тысячи лет к ряду причуды цивилизации обходят этот край стороной. Бунтонцы не ведают, что такое туалетная бумага и Достоевский, маркетинг и стресс и даже не знают, как пользоваться «облачными» технологиями, хотя облаков у них

хватает даже на экспорт. Однако тут я грешу против истины, ибо одно примечательное событие все же стало достоянием бунтонской общественности и все благодаря удивительной зоркости аборигенов. Так, в 1969 году, в самый разгар освоения Космоса, двое местных прозелитов, занимавшихся втихаря от начальства ревизией тибетской космогонии, сидели на лавочке у входа в монастырь, болтали ногами и глазели на звезды. Попробуем реконструировать диалог той необычной ночи, описанный в трактате Ра-Хари в несколько другом контексте.

«Слышь-ка, Лобсанг! – неожиданно восклицает Рампа. – Моя людей видит».

«Эка невидаль, - отзывается Лобсанг нехотя, - глаза б мои на них не смотрели».

«Да нет же, - не унимается Рампа, - моя на Луне видит».

Тут Лобсанг переводит взгляд на Луну, щурится на нее особым прищуром, коим умеют прищуриваться только жители Южного Тибета, и тоже видит Нила Армстронга, придурковато подпрыгивающего среди кратеров и машущего руками, словно приглашая друзей к себе.

«Ну и ну», - невозмутимо говорит Лобсанг, и друзья снова погружаются в медитацию.

Незыблемость в жизни и вере подтвердит вам любой бунтонец, если, конечно, вынудить его на непринужденную беседу, дружеское расположение к которой лучше подтвердить пачкой сигарет и десятидолларовой денежкой. И то, и другое будет привычно спрятано в складки шафранового одеяния, а в ответ вы, допустим, услышите занимательное астрологическое наблюдение о том, что солнце всегда появляется на востоке, а исчезает на западе. Бунтонские монахи – мастера рассказывать всяческие предания, небылицы и мифы. В конце концов, если повезет, вы можете узнать что-нибудь из канонического списка. Например, такое.

12

Некая богиня, о которой нам только и известно, что она Госпожа Мира, жила в глубине вод горного моря без названия в своей золотой избушке. Как-то утром пошла она на кухню выпить чаю с лепешками, случайно проглотила солнечного зайчика и забеременела. И в эту же минуту приснился храброму охотнику по имени Чхой чудный сон, будто погнался он за

нефритовым зайцем, а заяц побежал по ущелью, потом по другому ущелью, потом по третьему ущелью. А потом по четвертому ущелью.

Так увлекся Чхой погоней, что заблудился и оказался в той стороне, где никогда не охотился. А заяц тот все бежал, и добежал тот заяц до моря. Бросился Чхой за ним к берегу, а заяц в воду прыгнул. Кинулся Чхой в волны, а заяц нырнул на глубину. Отважный Чхой бросился за ним в пучину вод и увидел подводный дворец красоты поразительной.

И почувствовал Чхой, что уже утонул, но дышит, и понял Чхой, что уже умер, но пока что жив. Тогда он вплыл в окошко и оказался на кухне, а на кухне той кипел чай, а чай тот пила женщина необыкновенной красоты. И заедала она тот чай медом жизни, собранным с деревьев радости 33 числа 13 месяца.

Посмотрели Чхой и Госпожа Мира друг на друга и сочетались браком гандхарвов, то есть сразу, по взаимному согласию и без всяких там ухаживаний и свадеб. И родила Госпожа Мира удивительное дитя и назвала его Бунтоном и стала матерью-одиночкой, ибо Чхой все-таки задохнулся и склеил ласты. Несмотря на эту коллизию, Бог бунтонцев Брахмарама взял ее на небо в качестве жены своим семи сыновьям, назначил ей пансион и утвердил богиней супружеской верности.

13

Если у вас еще остались сигареты, рупии или юани, вам могут изложить и такую нравоучительную легенду. Как-то раз посетил одну непорочную девственницу Злой Северный Ветер, и понесла она от него дитя мужского пола, и назвали мальчика Атманолом, по названию лекарства, которое принимала тогда девица, чтобы грудь у нее выросла побольше.

Атманол тоже со временем вырос и стал толстым, как свинья, красивым, как восход солнца и сильным, как бык. Он нырнул на дно самого глубокого озера и победил дракона, который подарил ему непобедимую дубинку. Он поднялся на самую высокую гору и одолел другого дракона, который снабдил его вторым телом, а потом, возвращаясь домой, и третьего дракона, который продал герою за полцены запасную душу. После этого Атманол уже не знал, кого бы ему еще победить, и тогда задумал жениться.

Думал-думал Атманол, да так ничего и не придумал, и тогда решил украсть у Брахмарама семь его дочерей для своих личных естественных надобностей. И поднялся Атманол на небо, и придушил бога Брахмараму и сыновей его, а дочек привез к себе домой. Первая жена трет ему пятки, вторая - готовит, третья – убирает в доме, четвертая – стирает, пятая ухаживает за детьми, шестая пошла как-то в лес за хворостом и не вернулась, а седьмая отличается необыкновенной красотой. И зажил он с ними счастливо, пока не заметил, что все больше и больше стал походить на Брахмараму, которого, как вы помните, он пришиб.

Пришел Атманол к Злому Северному Ветру и спрашивает: «Папа, на кого я больше похож на тебя или на маму?» А Северный Ветер не узнал сына, склонился перед ним в поклоне и ответил: «Хвала тебе, о великий бог Брахмарама».

Собрал Атманол пинками всех побежденных драконов и велел отвечать: «Кто я, Атманол или Брахмарама?» «Брахмарама! Брахмарама!» - закричали драконы и бросились перед ним на колени.

Вернулся Атманол к своим женам и спрашивает: «А ну, говорите, суки, кто я, Атманол или Брахмарама?» «Ты наш Брахмарама, о великий муж, вернее, отец, и нет у нас больше никого», - запричитали перепуганные женщины в один голос. Понял тут Атманол, что не победил он Брахмараму, но стал им, потому что все сущее на земле есть части Бога, и не могла часть целого победить целое.

Короче, все эти сказки не имеют под собой никакой исторической основы и выдумываются монахами долгими зимними вечерами, чтобы хоть как-то скоротать время.

Но, скорее всего, вам ничего не будут рассказывать, а просто пошлют, и еще хорошо, если в монастырь по соседству. Не возмущайтесь этой вопиющей, но наивной грубостью, не поддавайтесь первому порыву и успокойтесь. Это всего лишь древний обычай, который принят в Бунтоне при обращении с приезжими.

Что касается религиозных верований бунтонцев, то они весьма просты, хотя и замысловаты. Жители Бунтона рассорились с буддийскими миссионерами еще в период

правления Ашоки и впоследствии утвердили у себя истинно верный православный небуддийский не Бон, или просто Бон-бон – религию, в корне отличающуюся и от Бон-по, и от Гелугпы, все же включая в себя лучшее из них. Не смотря на многолетние происки католической церкви, сионистов и хунвейбинов Бон-бон и поныне является господствующей религией вышеозначенного государства.

Если свет на пути видят единицы, знаки на пути – сотни продвинутых в эзотерике раздолбаев, то путь без знаков – прямой и ясный как отполированный рельс – не видит никто. Вернее, его видят только приверженцы Бон-бона. За что им огромное общечеловеческое спасибо.

Жаль, что свой мистический секрет они уносят с собой в могилу, если, конечно, когда-нибудь умирают, в чем я сильно сомневаюсь, ибо бунтонцы не дают дуба, но подлежат реинкарнации, а потом помнят все свои рождения до двадцатого колена, как помним мы еще выученную в школе таблицу умножения. Так же передается у них от рождения к рождению острая неприязнь к плодам западной цивилизации, о которой они практически мало что знают, хотя и подозревают в ней самые страшные пороки и прочие отвратительные вещи.

Религия Бон-бон очень проста: бунтонцы поклоняются духам предков, почитают родителей своих, очень любят детей, заводя их в невероятных количествах, и совершенно не любят иностранцев, приезжающих в Бунтон для каких-либо корыстных целей. В зависимости от быстротечной моды, они то насаживали приезжих на кол, то живьем закапывали незваных гостей в свою каменистую и малоплодородную землю, в надежде со временем улучшить ее сельскохозяйственные качества. Однако такое отношение бытует только к культурологам. Ко всем остальным приезжим бунтонцы относятся или с симпатией, или со снисходительностью.

Культивируя ксенофобию к дальним и любовь к ближним, бунтонцы и сегодня почитают свои священные реликвии – зуб дракона, сломанный им об отважного монаха, не успевшего дать драпака, и перо птицы Гаруда, найденное другим отважным монахом в гнезде, размером чуть меньше футбольного поля. Если вы дадите на чай всему монастырю, вам с удовольствием покажут заспиртованных последователей

Елены Блаватской в количестве трех штук и подарят волос с головы одного из Рерихов.

Жизнь в бунтонских монастырях течет плавно, неторопливо и размеренно. Утром монахи делают зарядку, а потом разгоняют взглядом облака. После того, как над горными вершинами утверждается солнце, все завтракают очень питательными мучными шариками, приготовленными в кипящем бараньем жиру, и отправляются на поиски Шамбалы. Шамбалу ищут до обеда, после чего возвращаются домой читать молитвы и предаваться медитации. Вечером, для крепкого сна, монахи под руководством настоятеля, в прошлом олимпийского чемпиона по плаванию, занимаются водными процедурами в ледяном озере, затем следуют просушка у огня, а потом - отбой. И так каждый день, без малейших изменений в регламенте на протяжении всей последней кальпы.

Но так было не всегда. Когда-то эта удивительная страна столкнулась с небывалым бедствием, которое вошло во все анналы тибетской истории как «война красных и желтых шапок».

15

Если вы будете настойчивы, любой монах с удовольствием расскажет вам удивительную историю, начавшуюся в девять часов утра шестого сентября 1416 года. История эта - о становлении бон-бонской веры, бунтонской государственности и тибетской моде.

Но вначале представим вам главных фигурантов тех дней: настоятеля монастыря «Лазурной синевы» Ралпачена Нятри Цянпо и настоятеля монастыря «Синеющей лазури» Ралпачена Нятри Цынпо. Не удивляйтесь схожести их имен, ведь родных братьев в Бунтоне традиционно называют подобным образом, а Ралпачен Нятри Цянпо и Ралпачен Нятри Цынпо, несомненно, были близкими родственниками. Так как настоятели являлись к тому же и близнецами, автору этого рассказа просто повезло - ему нет нужды описывать внешность каждого героя по отдельности, и можно сэкономить на словах и на времени. Ведь достаточно описать одного, чтобы перед читателями во всей красе и величии предстали на фоне отрогов Джомолунгмы оба этих великих подвижника.

Итак, Ралпачен Нятри Цянпо (или Цынпо) был низеньким толстым человечком с орлиным носом и глубоко посаженными

глазами черного цвета, оттопыривающимися, как у профессионального борца ушами, кривыми ногами и гладко выбритой головой. Эти Ралпачены всю жизнь таскали грязно-синий халат с дырами, размером с кулак, так что можно было решить, будто носили они его по очереди, а на голове у них покоилась синяя шапка. В сутре «Из молитв проясняется судьба» говорится, что рождение близнецов имеет кое-какой тайный смысл, но что это за смысл, в ней не говорится, поэтому бунтонцы восприняли данное событие стоически, но с большим волнением, чувствуя, что в их многострадальной стране наконец-то наступит окончательное счастье.

Теперь, когда все сопутствующие повествованию детали, нам известны, я могу, как сумею, пересказать историю, полученную мною фактически из первых рук. Итак, шестого сентября 1416 года в девять часов утра по среднетибетскому времени или в пятый год пегой лошади в месяц охрипшего петуха четвертой тибетской капы на заставе государства Бунтон имел место такой обмен репликами.

«Моя твоя не знает. Что ты за человек, однако?» – строго спрашивал стражник, обращаясь к путнику непонятого обличья, и для острастки тыкая в него древком копья.

«Пошто не пускаешь? – возмущался тот. - У меня грамотка к вашим Ралпаченам от самого Брахмапутра IV».

«А покаж, - недоверчиво щурил глаз стражник. - Много вас тут ходють, а у мене в прошлом годе копье уперли».

На этом месте мы можем отвлечь наше внимание от препирательств выше означенных собеседников, так как обычно такие разговоры продолжаются длительное время и носят ритуальный характер, заканчивающийся даванием на лапу, совместным воскурением ароматических трав и прославлением бога Шивы, а уж потом предъявлением сопроводительных документов.

Перед тем, как приступить к совместному воскурению травы, традиция подразумевает совершение поклонов, обычно перемежающихся односложным диалогом.

«Бом Шанкар!» - начинает общение приезжий.

«Воистину Шанкар! - отвечает стражник, а затем вопрошает. - Шанкар бум?»

«Конечно же, бум», - отвечает путешественник.

Этот странный диалог постепенно сменяется заразительным смехом, переходящим, в конце концов, в глубокую задумчивость, а иногда и в слезы.

И пока наши собеседники обмениваются непонятными репликами, молчат, смеются и плачут, как дети, у меня появляется пара минут, чтобы рассказать нечто о бунтонском стражнике – фигуре колоритной и глубокомысленной – а заодно помочь вам еще глубже погрузиться в чарующий мир горных традиций Гималаев.

16

Вот вам, дорогие мои, история семьи Джамьяла Тулку и все такое прочее. Стражник Джамьял Тулку был человеком необыкновенного размера и ширины. Одетый в шерстяные штаны грубой выделки, он сразу обращал на себя внимание широченным ремнем с золоченой бляхой, размером с крышку кастрюли, близко посаженными выразительными глазками, оттеняющими нос, напоминающий вареную, но не очищенную картофелину, которую в наших палестинах именуют «в мундире».

Джамьял Тулку был не просто большим человеком в Бунтоне, а очень большим человеком. Встав в узкое горлышко ущелья ровно на границе с Индией, он полностью загораживал дорогу своим телом, так что попытки нелегального проникновения в страну были сведены к заранее оговоренному минимуму. И все это неспроста, а исключительно для сохранения экологической ситуации на должном уровне.

Все в роду Тулку отличались такими грандиозными размерами, поэтому и отец Джамьянл стоял на этом месте, и дед, и прадед. Для всех Тулку по мужской линии это было семейным бизнесом, и я уверен, если вы получите в Бунтон визу и попадете в страну не самолетом, а пешкодралом, то обязательно встретите на границе какого-нибудь пра-пра-правнука Джамьянл, которого и звать-то будут точно так же, и ширина его будет такой же, и бляха его будет сиять как и всегда важно и завораживающе. Но достаточно о Джамьянл, ведь лучше один раз увидеть, чем один раз прочесть.

Что же ждет странника в это странной стране? Что уж греха таить, вы увидите там все, о чем уже прочитали и таможенные процедуры вы пройдете тем же самым способом. Короче, «Бум

Шанкар!» и приступим к прерванному повествованию о войне красных и желтых шапок.

17

В ту секунду, когда грамота оказалась развернутой, в монастыре «Лазурной синевы» провидец Йеше уже бил поклоны перед Ралпаченом Нятри Цянпо и сообщал ему: «Вижу, о, великий настоятель, что Брахмапутр прислал вам повеление, в котором приказывает носить шапки красного цвета».

В эту же секунду в монастыре «Синеющей лазури» провидец Йише – родной брат провидца Йеше – бил поклоны перед Ралпаченом Нятри Цынпо и говорил: «Вижу, о, великий настоятель, что Брахмапутр прислал вам повеление, в котором приказывает носить шапки желтого цвета».

Надо сказать, что король Брахмапутр IV был фигурой весьма парадоксальной. Жил он в Индии, полагая, что горный климат и бунтонская скукотища вредны для его физического и психического здоровья, и оттуда же и управлял своей державой, выстроив неподалеку от границы вместительный дворец, в котором Брахмапутры живут и по сей день. Если в вопросах светской жизни король ратовал за неукоснительное соблюдение законов предков, то в вопросах религии был ярым врагом однообразия и большим другом плюрализма. «И почему это мои монахи ходят все сплошь в синих шапках? – однажды задумался Брамапутр. – Для разных голов нужны разные шапки, - рассудил он далее. - Нет уж, я научу их родину любить!» Сказано – сделано.

«Да как такое в смысле вообще теперь нынче можно сейчас!!!» – закричали настоятели одновременно в негодовании на своих провидцев, но послушаться не посмели. А через полгода, преодолев восемь рек вплавь и девять перевалов ползком, добрался до монастырей и гонец от Брахмапутра. Он убедился, что распоряжение владыки в точности выполнено, основы учения откорректированы, религиозная реформа проведена, и можно с легким сердцем поворачивать лыжи обратно. Оставим же этого отважного человека в счастливом неведении относительно того, к чему привел указ повелителя, не придававшему значения ни местному колориту, ни традиционному колеру.

Дело в том, что народ Бунтона – патриархальный и малограмотный в своей массе – тяжело воспринимал любые перемены, начиная с политики и заканчивая погодой. Причина этому коренится в древних верованиях бунтонского народонаселения. Не узнав о них, мы не поймем ни того фатализма, с которым воспринимали бунтонцы любые события, ни того мистического хаоса, в какой каждый раз погружалась, словно град Китеж, страна в тяжелые годы своей истории.

Религиозная жизнь занимает в стране главенствующее место, но играет второстепенную роль, так что без понимания того, во что бунтонцы верит, понять самих бунтонцов и все, что с ними происходило, происходит сейчас и произойдет в будущем, невозможно.

Индийские древние источники не оставили нам ни одного маломальского упоминания о дальнем прошлом Бунтона, зато в китайских «Анналах правителей царства Жошуй» есть удивительные отступления, где подробнейшим образом описаны древние верования бунтонцев. Правда, многие нюансы повествования оставались долгое время непонятны ни историкам, ни мифологам, и только сейчас поддаются смысловой реконструкции. Вот, собственно, и они.

Бог бунтонцев не имеет имени, хотя известен, как Брахмарама. Он живет в подземном небе на вершине глубокого ущелья и не отбрасывает тени. У него два языка. Одним он разговаривает, а другим - ругается матом. Сначала он умер, а потом родился, сперва он смотрит, а потом открывает глаза. Он бессмертен, но чтобы воздать Богу почести, на его могилу приносят колючки, ибо цветы в Бунтоне растут плохо. Еще о нем известно, что он вышивает узоры жизни на пальцах судьбы. Что у него на ширинке имеется 199 прорамок и 200 пуговиц. Нашедший лишнюю, узнает тайну жизни и смерти.

Мать Брахмарамы изменила пол, поэтому он родил себя сам и сам себе стал седьмым сыном. В тоже время мать Бога приходится ему сестрой, сестра – женой, жена – дочерью, а дочь - теткой по материнской линии. Брахмарама – заступник пчел, не дающих меда, покровитель рыб, тонущих в воде, и спонсор птиц, не умеющих вить гнезда. Утром он разгоняет тьму, а вечером – свет. Еще он поражает демонов. Поражает он

и ангелов. Брахмарама поражает без разбору всех, кто попадаете ему на глаза и под руку.

Брахмарама невидим, но его можно узреть, глядя в пустой проем магического зеркала. А мы-то уже знаем, насколько отлично обстояли и обстоят дела со зрением у бунтовцев. Обычно Брахмараму изображают держащим в руке огненную погремушку, лишенную формы и содержания. Бунтонцы верят, что в правом и левом кармане его штанов лежит по жемчужине, управляющими, соответственно, восходом и началом, закатом и концом.

У Брахмарамы есть семь дочерей от первого брака и семь сыновей от второго. Если он побрачуется в третий раз – расколется небо, выльется на землю раскаленная лава и наступит конец света, поэтому он и не брачуется. Места поклонения Брахмараме – обычные колодцы, люди спускаются в них и смотрят оттуда вверх, на звезды. Увиденная в проеме колодца звезда засчитывается за молитву и исполняет желание.

Брахмарама сотворил мир за одну минуту, за вторую - он отделил воды от земли, землю - от неба, а небо – от облаков. За третью минуту он сотворил все живое на земле и двух жен для себя. На этом деяния Бога закончились. Брахмарама сел в лодку, погрузил в нее жен и уплыл в неведомый край вечного удовольствия, бросив созданный им мир на произвол судьбы. Но перед этим он вышвырнул из лодки Бунтона, потому как места в для него не хватило. Таким образом, поступок Брахмарамы всецело уместается в мифологическую концепцию удалившегося от дел бога-творца.

И остался Бунтон на земле один, и такая смертная скука на него напала, что решил он сотворить человека. Первых людей он вылепил из недожеванной жевательной резинки, но они вышли какими-то кривыми и слишком уж материальными. Тогда он создал людей при помощи копирования спустившегося к нему с Небес божественного файла, но они получились слишком уж нематериальными и очень уж духовными. Подумал Бунтон, подумал и решил заняться селекцией и вдохнул божественные файлы в своих резиновых человечков. Так на земле появились первые люди.

Народу расплодилось вскоре видимо-невидимо. И слонялись они по земле, не зная, чем заняться, и тогда Бунтон придумал для них ремесла. Он научил их пользоваться спичками и

сетями, строить дома и рыть колодцы. Но это не помогло. Тогда он сотворил искусства – но и тут ничего не получилось. Наконец, чтобы людей было ни больше и ни меньше, и чтобы они вели себя поскромнее, Бунтон придумал для них болезни, войну и смерть. Но и эта новация не исправила положение. Тогда он научил людей чтению – не помогло, потом – варить самогон - не полегчало, затем придумал религию – опять напрасно, затем священную траву – все мимо. Люди продолжали проявлять недовольство и шуметь.

После чего Бунтон плюнул на свою затею, на людей и все их мелкие и отвратительные дразги. Он сделал себе лодку и уплыл к Брахмараме в его страну непрекращающегося счастья, оставив народ разбираться со своими проблемами и будущим самостоятельно. В результате мифологическая концепция удалившегося бога дополнилась концепцией удалившегося героя-первопредка.

Даже короли Брамапутры, которые были сакрально назначены заместителями Брахмарамы на земле, так же покинули свой народ, переехав в Индию и общаются со страной посредством сборщиков налогов, которые, как вы уже знаете, никто не платит. А нынешний Брахмапутр живет у себя во дворце, следя за событиями в Бунтоне при помощи камер наружного наблюдения, установленных на отрогах бунтонских гор. (Как ни приветствовать возрожденный ныне обычай, согласно которому молодые Брахмапутры вновь стали воспитываться в бунтонских монастырях. А уже потом уезжают доучиваться в Кембридж). Поэтому и живут бунтонцы так, как живут. В том и причина покинутости, неприкаянности и абсолютного пофигизма, царящих в душах жителей этого забытого богом края и по сей день.

19

Однако вернемся к нашей истории. Монастырь «Лазурной синевы» надел на себя красные шапки, а монастырь «Синеющей лазури» - желтые. Монахи в те судьбоносные дни даже не подозревали, какое влияние оказывает на психику человека разные цветовые сочетания. Что головной убор символизирует голову, человека и его мысли, и смена шапки меняет форму мыслей, а цвет шапки – их содержание.

И вот одни монахи оказались красно-синими, а другие желто-синими. Первые стали жить по законам царства смерти, где царит красный жар и синий холод, а вторые - по правилам жизнеутверждающей палитры анютиных глазок. Год от года халаты красношапочников делались все темнее и темнее, а халаты их соседей эволюционировали в сторону зеленой цветовой гаммы, впрочем, нередко переходя и в салатовый оттенок. И дотоле дружные монахи, жившие и не тужившие под своими синими шапками и халатами, вдруг стали чураться друг друга. Духовные пути монастырей разошлись, а в достославной бон-бонской религии появилась уродующая ее прекрасный лик мимическая морщина.

В народе говорят: «не следует играть с шапкой и вертеть ее в руках – голова болеть будет», а Красные шапки играли и вертели, поэтому началась в Бунтоне большая смута. Красношапочники перестали почитать родителей своих, послали Будд нахрен, начали распутничать, практиковать черную магию и пьянство. Желтошапочники же, напротив, еще сильнее возлюбили родителей своих, еще истовей почитали Будду, «не чудесами прельщая, но свершением парамит и медитацией». В ответ Красные шапки увлеклись некошерным толкованием книги мертвых Бардо-тедол и переименовали свой монастырь в «Бардовую синеву». Желтые шапки, им в отместку, стали совершать множество добрых дел во имя спасения всех живых существ.

Прошло сто лет, потом еще сто лет, а может и не сто лет. Время в Бунтоне – понятие относительное. Наконец, Ралпачен Нятри Цянпо объявил священную войну всем, кто не носил красных шапок. Тогда, чтобы предотвратить смертоубийство единоплеменников и почти что единоверцев, Желтые шапки во главе со своим лидером Ралпаченом Нятри Цынпо выкопали между монастырями глубокий ров и еще упорней молились о спасении всего человечества и всех живых существ. Так народ Бунтона, поначалу разобщенный лишь религиозными распрями, размежевался и по территориальному признаку.

Молодые красношапочники хвастали перед своими девицами: «да мы их шапками закидаем», а желтошапочники прятали головы в шапки и не знали, что сказать. Обратившись к литературному памятнику той эпохи, читаем горькие слова неизвестного летописца, характеризующие трагедию

разделенного народа: «видит моя, что по Ринпоче шапка, а по Цзонкаве колпак, ибо живет твоя и моя в мире, где все дело в шляпе, оттого всюду тлен и мерзость запустения».

Кровожадные красношапочники, видя, что их лютые враги, недоступны, выместили свой гнев на иностранцах. Они поймали трех культурологов, приехавших в королевство из Страны Запада, сварили их и съели. Откуда взялись в Бунтоне эти чужаки, спросите вы? Спросите что-нибудь полегче, сам не знаю, о какой стране запада идет речь. Но наблюдавший эту дикую сцену старый йети умер от разрыва сердца. По собственному печальному опыту он знал, сколь губительны для местных желудков эти тошнотворные культурологи.

Так и случилось. Красношапочники, хватаясь за животы, начали умирать в страшных муках. Вскоре во всем Бунтоне не осталось ни одного из них, и война красных и желтых шапок закончилась по причине полного исчезновения одной из враждующих сторон. Посему мода на желтые шапки распространилась на весь Бунтон, над обеими монастырями взвились гордые знамена: зеленые в желтый горошек, и желтые в зеленый горошек, а обновленный Бон-бон вновь засиял над Гималаями, радуя глаз своей веселенькой расцветкой. В результате, религиозный раскол и кризис государственности был преодолен.

Так в истории цивилизации произошло самое невероятное событие, которое, вопреки скептикам и материалистам, можно классифицировать как чудо. Дело в том, что в первый и, скорее всего, в последний раз добро победило зло, добродетель – порок, а просвещенность – невежество. Что можно объяснить лишь особой психологией местных жителей, склонных к лени и слепо верящих в предопределенность судьбы.

20

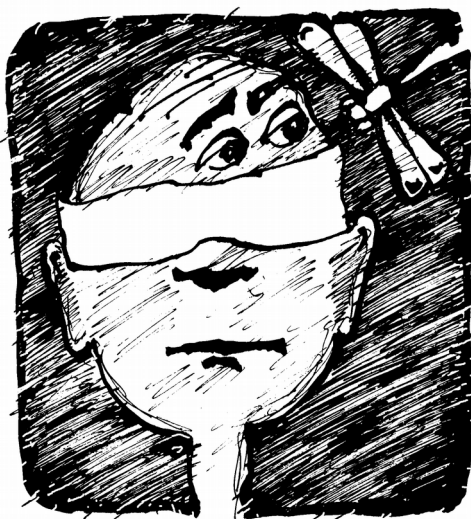
Бросим же напоследок долгий и прощальный, чтобы как следует все запомнить, взгляд на гряды холмов, которые с мареве жаркого воздуха кажутся живым, прочно привязанным к земле сотнями невидимых нитей Гулливером. Окинем же пристальным взором величественные вершины, уткнувшие свои гордые носы в облака, посидим у горной речки, которая бежит так быстро, что обгоняет сама себя, взметая по ходу своего движения семицветные туманы радуг, заглянем в первое

попавшееся окошко монастырской кельи, с которого по причине ранней весны уже сняли промасленную бумагу.

В проеме окна неожиданно вырисовываются две бритых головы и четыре с особым прищуром глаза, которые так и зыркают по комнате. Ба! Да это же наши старые знакомые Лобсанг и Рампа. Не сидится им на месте: в годах же люди, а шастают по монастырю туда-сюда вместо того, чтобы лазить в промежуточных состояниях Бардо или предаваться медитации. Наконец, все четыре неугомонных ока утыкаются в одно направление, в центре которого пребывает мальчишка, корпящий над листом бумаги.

О, да тут серьезные дела делаются и письма пишут. Приблизимся же к столу, дабы взглянуть на нестройные ряды только что успевших просохнуть букв: «Здравствуй, дарагой папочка. У миня все хорошо. Кормят миня хорошо. Встретили миня хорошо. Люди здесь хорошие. Погода стоит хорошая...»

Тут маленький Брахмапутр и наследник престола поправил большущую желтую шапку, постоянно съезжавшую ему на глаза, затем обстоятельно поковырялся в носу и задумался. После чего посмотрел в окошко, никого, впрочем, не заметив, затем на потолок, потом перевел взгляд на муху, плавающую в чернильнице по-собачьи, и, старательно обмакнув перо, принялся писать дальше.

Проект **Пятикнижие**:

Башня из сломанных мыслей. Книга текстов

За горой вечности. Книга историй

Поверхность глубины. Религиозно-философский трактат

Слухи о жизни. Книга рассказов

Энциклопедия несуществующих растений.

Эфемерный справочник